

Индекс **П8643**

5
2020

РОССИЯ XXI 2020 5

РОССИЯ XXI

5.2020 сентябрь-октябрь

Геоглобалистика

Левон Сафарян

«Безумство храбрых»:
история и наследие Кубинской революции
1953–1959 гг. _____ **6**

Ярлыки и мифы

Ольга Заиченко

Немецкое и русское кино в изгнании.
Часть II. Культурный трансфер в США –
Чужие в Голливуде _____ **26**

Национальная доктрина

Салават Исхаков

М.-Э.Расулзаде как политик _____ **52**

Страницы истории

Наталья Черникова

Органы «универсальной компетенции»:
Государственный совет vs
Комитет министров _____ 76

Игорь Татаринов

«Слишком часто меняем границы...»
Уточнение межреспубликанских
границ между РСФСР и УССР
в 1926–28 годах _____ 96

Ресурсы нации

Евгения Лупанова

«Рудники... до сих пор... не обнаружень».
Навигационные инструменты экспедиции
лейтенанта А.П.Лазарева 1819 г. _____ 116

Актуальный архив

Нина Хайлова

«Если цель ясна и средства выбраны
верные, то для победы нужны лишь
энергия и время»: либералы-центристы в
III и IV Государственной думе _____ 130

Михаил Зеленов

«Для покрытия всех следов...»
Один из аспектов военно-политического
проекта Ленина в марте–апреле 1918 г.
и финансовая сторона образования
финской коммунистической партии _____ 164

Contents in English look at the page 180

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

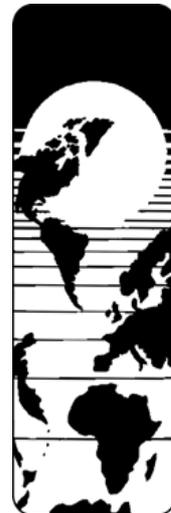
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Каждый из нас сам вычеканивает цену своей личности; человек бывает велик или мал в зависимости от собственной воли.

Сэмюэл Смайлс

Революция – варварский
способ прогресса.

Жан Жорес

Левон Сафарян

«БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ»:

ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1953–1959 гг.

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК

94 (729.1)

В статье рассматриваются основополагающие причины социального напряжения на Кубе, приведшие к революции. Анализируются объективные предпосылки и мотивы складывания движения во главе с Фиделем Кастро. Исследуются внутривнутриполитические и внешнеполитические особенности развития революционных событий на Кубе. Делается вывод о том, что Кубинская революция стала импульсом к изменению конъюнктуры международных отношений в Латинской Америке в контексте биполярного противостояния времен холодной войны. При этом движение Кастро заложило основы для синтеза новых идеологических платформ для народов латиноамериканского региона.

The article reviews the fundamental causes of social tension in Cuba, which led to the revolution. The objective prerequisites and motives for formation of the movement led by Fidel Castro are analyzed. The features of development of domestic and foreign policy in revolutionary events in Cuba are being investigated. It is concluded that the Cuban Revolution became an impulse to the change of the situation in international relations in Latin America in the context of the bipolar confrontation of the Cold War. At the same time Castro's movement laid the foundation for the synthesis of new ideological platforms for Latin American peoples.

Ключевые слова: Кубинская революция; Фидель Кастро; Куба; Латинская Америка; Остров Свободы.

Key words: the Cuban Revolution; Fidel Castro; Cuba; Latin America; Liberty Island.

E-mail: s-levon99@mail.ru

Двадцатый век стал эпохой великих событий и великих личностей, которые буквально «толкали» исторический процесс, а затем вели его за собой. В плеяде выдающихся деятелей особое место занимает феномен Фиделя Кастро, который в полной мере раскрывает роль личности в истории. Кубинская революция 1953–1959 гг. стала импульсом для радикальных изменений в регионе Латинской Америки, ведь именно она «привнесла новые принципы и технологии использования и организации социального протеста в политической борьбе», став «яркой демонстрацией того, как активное меньшинство может свергнуть режим» [12]. Последующие события, развернувшиеся в Латинской Америке во второй половине XX в. и имевшие особое значение в контексте холодной войны между двумя сверхдержавами, для которых регион стал очередной «шахматной доской», берут свое начало еще со времен штурма казарм Монкада в июле 1953 г. Именно тогда произошло становление Фиделя Кастро в качестве вождя Кубинской революции. Его идейная платформа отражена в знаменитой речи «История меня оправдает» (16 октября 1953 г.), основные тезисы которой легли в основу программы революционной организации «Движение 26 июля».

Для осознания исторического наследия Кубинской революции, той роли, которую она сыграла в судьбах всего региона и трансформировала Остров Свободы в один из ярких и значимых акторов на международной арене в условиях биполярной системы, необходимо проанализировать причины и характер революции.

Фидель Алехандро Кастро Рус

Нельзя не отметить, что латиноамериканский регион еще с середины XIX в. рассматривался как зона особых интересов США, при том что освобождение самой Кубы в конце столетия от Испании «оказалось не чем иным, как сменой хозяев, и она вступила в период колониального господства, не получая выгод от колониального управления» [4, с.802]. Однако, несмотря на поддержку со стороны местных авторитарных режимов, к 1950-м гг. американская политика в Латинской Америке столкнулась с кризисом. Его проявлением в 1957–1959 гг. стала инициатива стран Латино-Карибской Америки (ЛКА) в ООН за трансформацию региона в «зону мира», послужившая ответной реакцией на попытки некоего альянса между НАТО и Организацией американских государств (ОАГ). О «накале антиамериканских настроений в Латинской Америке», по мнению Б.Ф. Мартынова, «можно было судить по визиту вице-президента США Р.Никсона, который состоялся в 1958 г.» [7, с.69], что особенно ярко проявилось в Перу и Венесуэле. Дальнейшее развитие идея большей самостоятельности стран региона от политики США получила в плане «Панамериканской операции», предложенной президентом Бразилии Жуселино Кубичеком (1956–1961 гг.) в мае 1958 г. Примечательно, что план был поддержан Аргентиной. Это привело к сближению двух крупнейших стран Латинской Америки, которые в период 1959–1960 гг. и вовсе пошли на создание Межамериканского банка развития и Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ). Проведение же правительствами Жанио Куадроса¹ и Жоао Гуларта² в 1961–1964 гг. независимой внешней политики Бразилии и подписание в 1964 г. «декларации Уругваяны», которая обозначила отказ Бразилии и Аргентины от борьбы за влияние в Боливии, Парагвае и Уругвае, было для Вашингтона серьезным поводом для беспокойства, ставшим особенно актуальным после Кубинской революции. Данные тенденции всего региона в полной мере проявились на Острове Свободы, и это оказалось одной из причин самой революции 1953–1959 гг., которая, в свою очередь, привнесла радикальные изменения в политический ландшафт Западного полушария.

¹Жанио Куадрос – бразильский государственный деятель, 22-й президент Бразилии в 1961 г. Этот период отличался внутривнутриполитической нестабильностью, поэтому имела место своего рода «министерская чехарда», или «дворцовые перевороты» бразильского разлива. 23-им президентом Бразилии был Раньеро Маззилли, но занимал пост очень недолго (с 25 августа по 7 сентября 1961г.) и особо ничем не отличился ввиду этого.

²Жоао Гуларт – бразильский государственный деятель, 24-й президент Бразилии в 1961–1964 гг.

**США и Куба:
от любви до ненависти**

Говоря о двусторонних отношениях США и Кубы, многие авторы справедливо отмечают колоссальную зависимость Гаваны от Вашингтона, где «привыкли рассматривать Кубу как свою вотчину, где ничего не может происходить без воли хозяина» [9, с.377]. В экономическом плане, несмотря на то, что общие показатели кубинской экономики в 1950-х гг. были выше средних по региону, американский капитал имел господствующие позиции в ключевых сферах и отраслях производства. Американцы осуществляли контроль более половины производства сахара, являвшегося основой кубинского экспорта, более 60% которого приходилось на США, чьи монополии, вдобавок ко всему, контролировали свыше 90% электроэнергетики, нефтеперерабатывающей и добывающей промышленности, связи, туристического бизнеса и т.д. [8]. Фактически экономика острова была привязана к экономике Вашингтона, который превратил Кубу в импортера ключевых продовольственных и потребительских американских товаров. Конечно, кубинская экономика закономерно было слабо диверсифицирована, что является характерной чертой для стран-моноэкспортеров и монопроизводителей, коей была Куба. Вообще в период 1954–1957 гг. чистый приток капитала США в страны региона составил порядка 2 млрд долларов, а чистая утечка прибылей в те же годы равнялась 3 млрд долларов, что означает 1 млрд долларов убытка для стран Латинской Америки [10]. Данные цифры были особенно актуальны для кубинцев, которые стали основными «клиентами» американского капитала. Другим острым вопросом стал аграрный вопрос, который всегда был «гордиевым узлом» для стран, пытавшихся перейти на капиталистические рельсы развития в условиях сохранения докапиталистических пережитков. По данным, приведенным А.И.Строгановым, по переписи 1946 г. порядка 0,5% хозяйств владели 36% земельных угодий, а 85% хозяйств – менее 20%, причем более 60% занятых в аграрном секторе составляли сельскохозяйственные рабочие [11, с.57]. Все это вкуче с «наслоением» капиталистических элементов на издольщину и другие проявления средневекового землевладения становилось очагом для обострения отношений, причем в 1958 г. сельское население составляло почти половину от всего 6,6-миллионного населения острова. Распространенная неграмотность (по словам самого Кастро, «каждый третий крестьянин не может написать свое имя») и безработица трети экономически активного населения лишь ухудшали социальную стабильность в стране. Именно в этом и заключается своего рода «дихото-

мия» Кубинской революции: как было сказано выше, Куба считалась среднеразвитой страной, чей уровень дохода на душу населения уступал лишь Аргентине и Венесуэле. Данный тезис наводит на мысль об отсутствии лишь экономических аспектов для столь массового и активного

Рубен Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар

выражения социального недовольства. По этой причине исключительность революции Фиделя Кастро заключается в ее ярко выраженном национально-патриотическом характере, имеющем антиамериканскую направленность. Ведь засилье США проявлялось не только в хозяйстве Кубы, которое, как это ни парадоксально, не находилось до 1959 г. в критическом состоянии, если верить статистическим данным. Поэтому стоит обратиться к самой национально-освободительной сущности революции, которая была направлена не только против самих США, а, точнее, характера двусторонних отношений, но и против ревностных проводников этой политики в лице

местных олигархических кланов во главе с Фульхенсио Батистой³.

Кубинцы последними добились независимости от Испании, которая уже в 1901 г. посредством «поправки Платта»⁴, сменилась господством США, установившими фактически полуколониальный режим на острове до 1933 г., когда «Поправка» была отменена. Однако Вашингтон не отказался от активного вмешательства во внутренние дела Гаваны, которая рассматривалась как «публичный дом Америки» с полным набором прав американских граждан в стране, которые противоречили практической реализации суверенитета Кубы на своей собственной территории. Не менее важным был факт создания военно-морской базы ВМС США в бухте Гуантанамо, которая стала символом американского засилья в стране.

³ Президент Кубы в 1940–1944 и 1952–1959 гг.

⁴ Поправка Платта – серия обязательств кубинского правительства по отношению к США, регулировавших отношения двух стран в 1902–1934 гг.; предусматривала право США на оккупацию Кубы в целях «защиты ее независимости» и размещение на ее территории военно-морских баз.

Ухудшал обстановку и контроль со стороны американцев в области культуры, образования, СМИ, что в совокупности с экономическими издержками, полукOLONиальными политическими отношениями не могло не оказать воздействие на мироощущение и мировосприятие самих кубинцев, их самосознание и справедливый рост недовольства.

Однако не менее важным являлся и политический режим, установленный на острове еще со времен одиозного Херардо Мачадо⁵, который нашел в лице США своего патрона, несмотря на отмену «поправки Платта». Уже тогда излюбленными методами авторитарных правителей Кубы стали карательные отряды (при Мачадо они носили название «поррос») и тайная полиция, не позволявшие развиваться кубинской политической культуре, необходимой для становления и функционирования здоровой политической борьбы в любом обществе. Короткое правление Мануэля де Сеспедеса-и-Кесада, которого свергли в результате мятежа унтер-офицеров (среди которых был и сам Батиста), а затем довольно прогрессивное президентство Рамона Грау Сан-Мартина (1933–1934 гг., 1944–1948 гг.) сменилось режимом окончательной диктатуры Фульхенсио Батисты. Примечательно, что сам Батиста во время своего первого срока (1940–1944 гг.) не пошел на нарушение Конституции 1940 г., которая предписывала только 4-летний срок правления и запрет на немедленное переизбрание. Однако в марте 1952 г. Батиста, при поддержке США, в результате военного переворота установил диктаторский режим на острове, который «отличался особой одиозностью и сервизмом» [7, с.72] и подавлял всякие демократические свободы, опираясь на олигархические кланы, связанные с американским капиталом в стране. Свообразным показателем нового правления стала отмена действия Конституции 1940 г., которая была принята при самом Батисте. По существу, установление режима такого характера стало выражением системного кризиса Кубы во всех ключевых сферах, которые и поддерживают «жизнеспособность» государства, ведь период «консервации» всех обозначенных проблем кубинского общества сменился периодом нового витка их «синтезирования», что не могло не привести к социальному взрыву. А тесная связь правления Батисты с Вашингтоном автоматически приводила к появлению «антиамериканского окраса» всяких революционных процессов в стране. Виной этому, по иронии судьбы, стали сами США, десятилетиями игнорировавшие национальные особенности государств ЛКА в целом и Кубы в частности, устанавливая авторитарные режимы с опорой на американскую поддержку и капитал, а не на собственное

⁵Херардо Мачадо – президент Кубы в 1925–1933 гг.

население этих стран. В связи с этим примечательно, что позже сам Фидель Кастро вспоминал: «Когда произошел переворот Батисты, у меня уже была выработана стратегия на будущее: запустить революционную программу и организовать народное восстание» [6, с.92]. Можно предположить, что именно переворот 10 марта 1952 г. и последующий политический курс нового диктатора стали последней каплей для кубинского общества, зажатого в «полуколониальных тисках» на протяжении десятилетий, что проявлялось во всех сферах от экономики до культуры и образования.

Абсолютный отрыв элит Кубы, которые в большинстве своем являлись представителями олигархических кланов и мафиозных структур, а в аграрном секторе – латифундистами, контролировавшими большинство земель, лишь обострялся вкуче с очередным усилением американского засилья. Апогеем и ярким проявлением характера правящего режима стала постройка знаменитого отеля «Ривьера», фактически находящегося под контролем одного из американских криминальных авторитетов и друга Батисты Меером Лански, мечтавшим сделать Гавану «латиноамериканским Лас-Вегасом» с полным набором публичных домов, казино и развлечений. Все это вело к расколу в самом кубинском обществе и даже в среде «католического духовенства, которое, с одной стороны, поддерживало правящую власть, но с другой – не могло не реагировать на репрессивные меры правительства Ф.Батисты» [3]. Нельзя не заметить, что нарастание напряженности в стране происходило по всем возможным направлениям. Виновником этого стал сам режим Батисты и безоговорочная его поддержка со стороны США, которые продолжали рассматривать Кубу и весь регион сквозь старую призму полуколониализма, словно не желая видеть объективную реальность и необходимость изменений в модели выстраивания двусторонних отношений с Гаваной. Очень интересным представляется мнение Хорхе Ибарра, что основной конфликт на Кубе заключался в «конфликте поколений», который не укладывается в рамки классового конфликта [12]. Хотя довольно показательно, что основными движущими силами революционного процесса стали «средние и мелкобуржуазные слои» в лице студенчества и городских жителей, а также крестьянство и католическая церковь именно в лице католической молодежи. В связи с этим особенно интересно, что рабочий класс на Кубе довольно малочисленный. Несмотря на поддержку им революционного движения (забастовка в Гаване 1–2 января 1959 г.), нельзя считать, что он был в авангарде событий 1953–1959 гг. Данный тезис примечателен в контексте дальнейшего объявле-

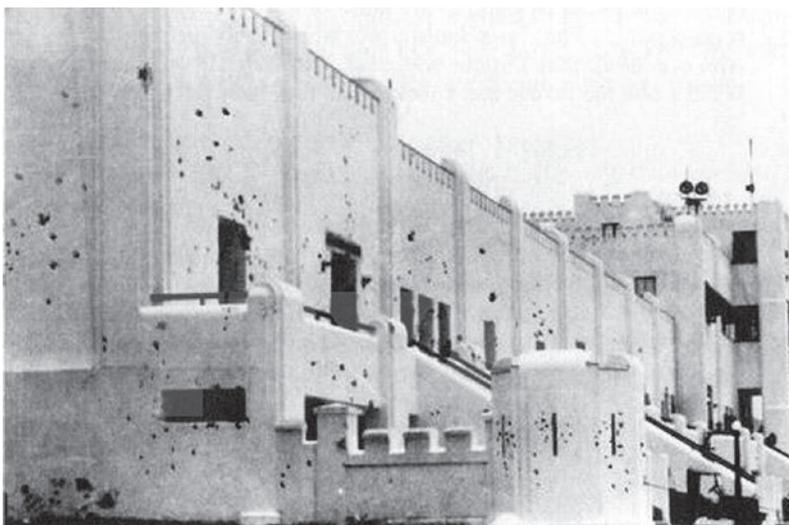
ния Фиделем Кастро Кубинской революции социалистической, чьей целью стало построение коммунизма. Довольно справедливым представляется наблюдение, что «небольшая группа молодых революционеров-идеалистов сбросила военный диктаторский режим при помощи решительности, храбрости и удачи» [12]. Ведь именно этот идеализм стал позднее движущей силой для обрастания Кубинской революции ореолом «революционного романтизма», громко заявлявшего о себе во всей Латинской Америке и Африке во второй половине XX века. Однако всему этому предшествовала целая плеяда событий, начало которым было положено в июле 1953 г., когда о себе впервые заявил молодой Фидель Кастро, возведший в абсолют знаменитый лозунг «свобода или смерть!»

**«Свобода или смерть!»:
штурм казарм Монкада
и начало борьбы**

Точкой отсчета начала борьбы Фиделя Кастро с режимом Батисты принято считать события 26 июля 1953 г., когда 165 человек во главе с

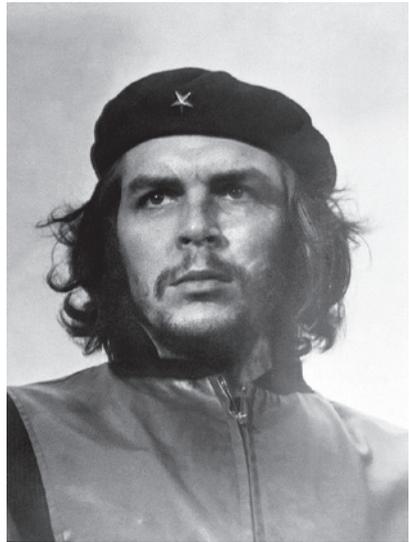
Фиделем атаковали казармы Монкада. Основу его отрядов составляла молодежь Гаваны и пригородов столицы. Талантливый организатор и руководитель Кастро разбил их на небольшие мобильные группы, идеологической основой для которых были искренний патриотизм и ненависть к преступному режиму. Сами казармы находились в городе Сантьяго-де-Кубе, который считался административным центром родной для Фиделя провинции Орьенте, где простиралась крупная горная гряда Сьерра-Маэстра и лесные массивы, идеально подходящие для ведения партизанских действий с учетом отдаленности Орьенте от Гаваны (порядка 800 километров). Штурм Монкады справедливо можно считать «безумством храбрых», ведь численность личного состава армейского полка, расположенного в казармах, в 15 раз превышала число отрядов Кастро. В итоге нападение было отбито, а сам Фидель 1 августа 1953 г. был арестован и помещен в провинциальную тюрьму города Бониата. Несмотря на то, что военный трибунал начался еще 21 сентября, самым знаменитым событием этого процесса стала поистине легендарная речь на суде 16 октября «История меня оправдает». В этой речи Кастро фактически заложил идейную основу всего «Движения 26 июля», которая включала в себя «свержение диктатуры, ликвидацию зависимости от иностранного капитала и утверждение суверенитета Кубы, уничтожение латифундизма и передачу земли сельским труженикам, обеспечение промышленного развития и искоренение безработицы, осуществление широких социальных прав трудящихся» [11, с.59]. Он был приговорен к

15 годам тюремного заключения, однако был амнистирован в мае 1955 г., когда стало понятно, что «монкадисты» уже приобрели «ореол мучеников и статус народных героев, которых больше всего боялся Батиста» [6, с.99]. Парадоксально, но под давлением кампании солидарности с героями штурма Монкады, Батиста был вынужден освободить человека, запустившего неминуемый процесс пробуждения кубинского общества, что, в конце концов, привело самого диктатора к краху. Фульхенсио Батиста фактически сам подталкивал революционный процесс непоследовательной и губительной политикой, назначив на ноябрь 1954 г. «демократические выборы» президента и одновременно введя конституционный статут, заменявший Конституцию 1940 года. Положения данного статута еще больше ограничивали политические права и свободы кубинцев, делая невозможным появление политических партий, что не могло не привести к росту недовольства населения вкупе с неуклонным ростом популярности Кастро. В таких условиях создавалась реальная альтернатива правящему режиму, который терял нити контроля над ситуацией в стране. А это при наличии харизматического лидера, показавшего готовность идти на радикальные меры и вести политическую борьбу, всегда приводит к коллапсу.

Казармы Монкада сразу после нападения революционеров 26 июля 1953 г.

Тем временем, в 1955 г., Кастро отправился в Мексику, где начал активную подготовку к ведению борьбы. Тогда же состоялось знакомство с легендарным Эрнесто Че Геварой, который станет символом революционного романтизма по всему миру во второй половине XX в. Личность Че Гевары стала по-настоящему сакральной, особенно после его трагической гибели. Это был нетипичный революционный деятель, не связанный определенной идеологической догмой или национальной идеей – он, если можно так выразиться, стал «экспортером» и своего рода «универсальным солдатом» революции [12]. Сам Гевара изначально принимал участие в протестных движениях в родной Аргентине, а в 1954 г. отправился в Гватемалу. Как известно, эта страна также столкнулась с иностранным засильем, раздираемая внутренними противоречиями, которые в полной мере проявились в ходе так называемых «Десяти лет весны» (1944–1954 гг.). Примечательно, что Че пытался организовать народное сопротивление американскому вмешательству и боролся с контрреволюцией, но в 1954 г. президент этой страны Хакобо Арбенс был свергнут в ходе спланированного ЦРУ военного переворота. После поражения гватемальской революции Че Гевара также оказался в Мексике, став видным деятелем и соратником Фиделя. Удивительно, что почти во многих

Эрнесто Че Гевара

странах Латинской Америки в тот период происходило национальное пробуждение и организация борьбы с собственными режимами, чьи элиты были оторваны от своего населения. В этом смысле события кубинской революции стали ярчайшим примером общих и магистральных тенденций в регионе, который нуждался как в некоторой политической и общественной трансформации в отношениях между властью и народом, так и в изменениях двусторонних отношений с США, которые делали ставку на лояльные, в основном военные и авторитарные режимы. Именно по этой причине Кастро осознал необ-

ходимость организованной и подготовленной борьбы, первый шаг к которой был сделан в ночь на 25 ноября 1956 г., когда 82 человека из его отряда отплыли из Мексики на яхте «Гранма».

Но если 2 декабря до места назначения добрались 82 человека, то к 5–6 декабря в живых осталось лишь 20–22 повстанца: Батиста активизировал свою репрессивную машину. В период 2–4 декабря 1956 г. после высадки на побережье Орьенте отряды Кастро вели тяжелые бои с правительственными частями, пробираясь сквозь болота, и лишь 5 числа оставшиеся бойцы вышли на открытую местность, где были вновь атакованы. Батиста закономерно нуждался в «маленькой победоносной войне», которая могла бы укрепить его собственные позиции и подавить революционные настроения среди населения, поэтому он поспешил объявить о полном разгроме бунтарей. Но среди выживших были сам Фидель Кастро, Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камило Сьенфуэгос, Хуан Альмейда, Рамиро Вальдес, которые сыграли ключевую роль в революционных событиях в 1956–1959 гг. и привели кубинский народ к долгожданной победе. Говоря об этих выдающихся деятелях, невозможно не признать личностный фактор в Кубинской революции, ведь тандем двух харизматических лидеров, Кастро и Че, стал мощнейшей базой для привлекательности всего движения. Н. С. Леонов и В. А. Бородаев приводят легендарный эпизод воссоединения братьев Кастро, который любят вспоминать кубинцы: «Сколько у нас винтовок?» «Пять!» – ответил Рауль. «Плюс две, которые есть у нас, – продолжал Фидель, – итого семь. Теперь, считайте, что мы победили!» [5, с.109]. В этот период Кастро перешел к затяжной позиционной партизанской войне с постепенным движением на Гавану с окраин страны, что оказалось единственно возможной и верной стратегией при ведении борьбы с многократно превышающими численно частями регулярных правительственных частей. После неудач при штурме «Монкады» и десанте «Гранма» Фидель отказался от прямых атак, которые он характеризовал «тактикой путчистского характера», ведь уже упомянутое превосходство войск Батисты не оставляло шансов партизанам во фронтальном сражении. Поэтому, как отмечал сам Кастро, «тактика, которую мы проповедовали, была направлена на истощение сил тирании» [12]. Особенно эти слова справедливы по причине самого характера правительственных частей, которые представляли собой, несмотря на все недостатки, четко организованный механизм, принадлежащий «к типу наемных армий, что обеспечивало определенную цельность и сплоченность репрессив-

ного аппарата» [2, с.176]. Это позволяло Батисте целиком и полностью контролировать свои войска.

Начало конца режима Ф.Батисты: К 1957 г. «Движение 26 июля» стало складывание настоящей военно-политической организацией, имеющей четкую структуру, которая базировалась на строгой дисциплине, секретности и

верности идеологии. У нее имелись и собственные зарубежные ячейки, занимавшиеся вербовкой новых бойцов и закупкой вооружения для отрядов. Борьба повстанцев «барбудос» – «бородачей», как прозвали партизан Фиделя, вступила в свою решающую и ключевую стадию уже в 1958 г., когда состоялись ключевые сражения, приведшие Кастро и его сторонников к победе. Период 1958 – начала 1959 гг. доказал поистине народный и массовый характер революционного движения на Кубе, чье население в полной мере было вовлечено в сопротивление правящему режиму. Особенно была важна поддержка со стороны крестьян, составлявших основу кубинского населения. После «Манифеста об основах аграрной реформы» от июля 1957 г. сельское население не видело альтернативы движению Фиделя, который в своих речах многократно указывал на проблемы латифундизма и необходимость справедливого распределения земли для крестьян. В религиозно-духовной сфере, которая играла особую роль для кубинцев, окончательно сформировались две позиции, обозначившие раскол в католической церкви. Верхушка католического клира в лице епископов и лидеров католических организаций оказывала поддержку правящему режиму. Но низшее духовенство, состоявшее из рядовых священников и членов религиозных объединений, «не считало для себя возможным мириться с растущим социальным неравенством на острове, зависимостью его от США, репрессивными методами управления» [3]. Итак, к 1958 г. обе стороны были готовы к финальной схватке, которая должна была стать закономерным завершением цепочки событий, произошедших в период 1953–1958 гг., когда формировалась расстановка сил на военной и политической «шахматной доске» Кубы. Вся логика революционного процесса на острове, тенденции и настроения в обществе, четкая идейная основа «Движения 26 июля» достигли своего апогея именно в 1958–1959 гг.

Фидель, прекрасно осознавая силу пропаганды и необходимость идеологической опоры в обществе, одобрил создание в ноябре 1957 г. Че Геварой подпольной газеты «El Cubano Libre» («Свободный кубинец»), а в

феврале 1958 г. была основана подпольная радиостанция революционеров “Radio Rebelde” («Радио повстанцев»). Роль коммуникаций становилась особо важной в течение революционных событий всего XX в., что было доказано на примере Кубинской революции. В начале года повстанческие войска совершили важный переход в горный массив Сьерра-дель-Кристал. Одним из важнейших стратегических решений Кастро стало создание «второго фронта», когда в феврале он послал часть отрядов во главе с Раулем на восток от Сантьяго с обширной освобожденной зоной, которая являлась хорошим плацдармом для дальнейшего развития наступления. Кроме того, было сформировано еще 2 дополнительных фронта в других районах провинции Орьенте. Фидель окончательно стал общепризнанным вождем революционного движения на острове. Это проявилось в том, что в центре страны, в горах провинции Лас-Вильяс, также начали действовать партизаны из других организаций, признавших лидерство Кастро. Когда же в марте 1958 г. повстанцы захватили аэродром Моа, была налажена переброска бойцов и оружия, что успешно осуществлялось благодаря полемому аэродрому у Сьенагилья (в Сьерра-Маэстра). Прологом к коренному перелому в боевых действиях и переходу стратегической инициативы в руки «Движения 26 июля» стали события мая–августа 1958 г. В мае Батиста решил провести новое генеральное наступление на Сьерра-Маэстра, которая стала опорной точкой действий повстанческих отрядов «барбудос».

Фидель Александро Кастро Рус и кубинские «барбудос» («бородачи»)

Однако 300 бойцов Кастро не просто остановили наступление, но и фактически разгромили многократно превосходившие их по численности и вооружению батистовские войска. Ярким эпизодом стала ожесточенная битва при Эль-Хигуэ 11–21 июля, когда «бородачи» окружили и заставили сдаться целый пехотный батальон под командованием майора Кеведо, который в итоге перешел на сторону повстанцев. В битве при Санто-Доминго 28–30 июля партизанские отряды разгромили новую группировку правительственных войск, захватив при этом многочисленные военные трофеи и пленных. Не менее важной стала победа Фиделя Кастро и на политическом «поле битвы»: после столь решительных успехов революционеров многие деятели либеральной оппозиции режиму в Гаване, вынужденно проживавшие в США, пошли на заключение соглашения с Кастро о поддержке его движения. Это событие стало очередным доказательством непререкаемого авторитета и лидерства Фиделя в статусе вождя Кубинской революции.

**«Я принес вам свободу!»:
победный марш кубинской
революции**

К августу 1958 г. переход стратегической инициативы в руки повстанцев стал свершившимся фактом. В конце августа отряды Че Гевары и Камило

Сьенфуэгоса в составе 200 человек спустились с горных массивов и с боями пробившись к провинции Камагуэй, после чего эти две колонны были направлены на запад. В октябре они достигли окрестностей провинции Лас-Вильяс, где их ряды пополнили местные партизанские организации. Еще сильнее укрепив свое политическое положение посредством подписания «Пакта Педреро»⁶ с представителями оппозиции режиму Батисты, Фидель Кастро неуклонно шел к победе, которую необходимо было лишь окончательно утвердить. В итоге к концу октября – началу ноября провинции Орьенте и Лас-Вильяс практически полностью оказались в руках революционеров. В ноябре 1958 г. отряды повстанческой армии в Орьенте спустились с гор и после общего наступления соединились, что привело к координации действий всех 4 фронтов на востоке острова. А уже к концу ноября основной фокус боевых действий был перенесен на запад. Постоянные успехи Кастро привели к деморализации батистовских войск и их полной дезорганизации, что особенно ярко проявилось в конце декабря, когда в Сантьяго силами отрядов Че Гевары был блокирован двухтысяч-

⁶ *Соглашение между политической оппозицией Ф. Батисте и кубинскими повстанцами, заключенное 1 декабря 1958 г. в селении Педреро и регулировавшее формат дальнейшего сотрудничества.*

ный гарнизон правительственных частей. В период 16–25 декабря 1958 г. повстанческая армия заняла ряд важных городов и населенных пунктов, среди которых Фоменто, Кабайгуан, Пласетас, Ремедиос и порт Кайбариен. Финальным аккордом и концом правящего режима стала знаменитая битва за Санта-Клару, когда Эрнесто Че Гевара начал штурм этого стратегически важного города, являвшегося центром провинции Лас-Вильяс. Одним из легендарных моментов, связанных с битвой, стал захват бронепоезда правительственных частей, послуживший воплощением безнадежности и бесперспективности дальнейшей борьбы с силами Кастро. Фактически сражение за Санта-Клару продолжалось вплоть до 1 января 1959 г., когда командующий вооруженными силами Кубы генерал Франсиско Табернилья доложил Батисте о невозможности остановить наступление на Гавану. В ночь на 1 января бывший диктатор бежал из страны в Доминиканскую республику во главе с «не менее кроважadem, чем он сам, диктатором Трухильо, который, как и Фульхенсио Батиста, питал патологическую ненависть к Фиделю Кастро» [6, с.110]. Попытка военной хунты организовать в столице острова сопротивление была обречена на провал, и гарнизон Сантьяго капитулировал в тот же день, позволив революционерам занять город, тогда же пала и Санта-Клара. Фидель призвал народ выйти на улицы Гаваны, рабочие организовали всеобщую забастовку, поддержанную населением. За два дня, 1 и 2 января 1959 г., фактически вся Куба оказалась под контролем Повстанческой армии. Передовые отряды «барбудос» во главе с Че Геварой достигли столицы вечером 2 января, а сам Фидель во главе основных сил вступил в Гавану 8 января 1959 г. со словами «Кубинцы, я принес вам свободу!» [6, с.112]. Однако с самого начала, несмотря на весь триумф и энтузиазм, Кастро пришлось решать задачи политико-организационного характера с временным революционным правительством, сформированным еще 4 января, включавшим в свой состав и деятелей либеральной оппозиции. Они заключили соглашение с Фиделем, хотя понимали, что реальная власть и контроль над ситуацией в стране принадлежат Повстанческой армии во главе с Фиделем Кастро. Одним из его первых шагов стала ликвидация прежней армии и полиции, которые были заменены Повстанческой армией, превратившейся в Революционные вооруженные силы, и народной милицией. Совсем скоро начались первые разногласия между повстанцами и временным правительством, которое, в конце концов, ушло в отставку. И уже с 16 февраля 1959 г. новым премьер-министром Кубы стал сам Фидель Кастро, стремившийся как можно скорее укрепить революционный режим и провести радикальные меры по модернизации и развитию страны, ведь без них один лишь революционный энтузиазм со временем сошел бы

на нет. Но тогда, в январе 1959 г., фигура Фиделя Кастро и его «Движение 26 июля» оказались центральными и знаковыми не только для Латинской Америки, но и для всего мира, ставшего свидетелем уникальной и великой революции, которой было суждено привести к изменениям в структуре биполярного миропорядка. Ведь появление новой «шахматной доски» на геополитической арене не могло остаться без внимания двух сверхдержав.

**Латинская Америка как новая
геополитическая доска
холодной войны**

Нельзя не согласиться с мнением П. Кальвокоресси, который отмечает, что «победа Кастро была революционным событием, отличающимся от обычного хода других латиноамериканских революций» [4, с.802]. В обоснование своей позиции историк приводит ряд справедливых замечаний, среди которых мощное реформаторское рвение нового режима, его нацеленность на «экспорт», то есть распространение революционного движения на весь регион, а также синтез идей кастроизма с кубинским коммунизмом, что привело к дальнейшему вступлению Кубы в союз с СССР. Особо стоит отметить потенциал революционного движения на Кубе и привлекательность его идей для народов Латинской Америки, которые сталкивались с проявлением гегемонизма и неокOLONиализма со стороны Вашингтона. Именно по этой причине Кастро принимал участие в подрывной деятельности против авторитарных режимов и оказывал поддержку революционным силам в Доминиканской республике, Венесуэле, Панаме, Никарагуа и на Гаити. Можно предположить, что события Кубинской революции стали доказательством некоторой самостоятельности всего латиноамериканского региона, который является «особой цивилизацией, уходящей своими корнями в Европу и Африку» [1]. Сам ход борьбы в период 1953–1959 гг. отражает некоторую «генетическую» потребность кубинцев в осознании и практической реализации суверенитета, о котором не могло идти речи при диктаторском режиме Батисты. Нельзя не согласиться с мнением о том, что выдающиеся деятели Кубинской революции искренне верили в правоту собственных идей и справедливость своей борьбы – «скидывая старый социальный порядок, бросая вызов колониальному правлению, они могут делать историю, вместо того, чтобы быть ее пассивными жертвами» [13, с.9]. Еще одним ярким показателем стало то, что США не смогли «гватемализировать» партизанское движение на Кубе, то есть силой (с помощью, например, военного переворота) подавить его и обеспечить поддержку лояльному режиму. Однако дальнейшая политика Вашингтона неминуемо вела к обострению двусторонних отношений, и это сказывалось на конфи-

гурации сил в Западном полушарии, которое традиционно рассматривалось США зоной их особых и исключительных интересов. Американцы с подозрением относились к политике нового режима и «быстрой радикализации революции и опасались за свои интересы на острове» [11, с.61]. Ирония в том, что, по существу, «администрация Эйзенхауэра сама толкнула Кубу в объятия СССР» [9, с.377]. Логика Холодной войны заставила Кастро присоединиться к социалистическому блоку – при нарастающей агрессивности Вашингтона это становилось «единственной возможностью политического выживания» [7, с.74].

Фидель Алехандро Кастро Рус — «белый голубь» Кубы

Так или иначе, Кубинская революция навсегда изменила историю самой страны и стала поистине знаковым событием для Латинской Америки. В связи с этим хочется вспомнить красивую легенду о том, что когда Кастро 8 января 1959 г. вступил в Гавану и произносил речь, в небе над крепостью появилась стая белых голубей, один из которых села на плечо Фиделю. Последователи популярного на Острове Свободы религиозного течения сантерия толкуют это событие как знак свыше и избранность

Кастро, которого боги взяли под свое покровительство [6, с.113]. Можно с уверенностью утверждать, что Кубинская революция явилась уникальной как по «технологии» реализации восстания и борьбы народных масс, так и по генерированию идей для всего региона в духе романтизма революционной борьбы. Тектонические сдвиги в геополитическом ландшафте Латинской Америки в условиях холодной войны, приведшие к изменению баланса сил, ключевого фактора системы международных отношений, в полной мере доказывают роль, которую сыграла революция в условиях биполярного противостояния. Можно по-разному относиться к дальнейшей политике Фиделя Кастро и механизмам выстраивания нового режима, однако невозможно отрицать роль этой личности в судьбах всего XX в.

Библиографический список

1. Астахов Е.М. Латиноамериканское «ближнее зарубежье» США при администрации Д.Трампа // *Международная жизнь*. 2017. №10. С.17–26.
2. Гевара Э.Че. Статьи, выступления, письма: пер. с исп. М.: Культурная революция, 2006. 632 с.
3. Данненберг А.Н. Католицизм на Кубе в условиях революционных преобразований (1959 г.) // *Социум и власть*. 2013. №4 (42). С.124–130.
4. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: пер. с англ. яз. 9-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2016. 888 с.
5. Леонов Н.С., Бородаев В.А. Фидель Кастро. Политическая биография. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 450 с.
6. Макарычев М.А. Фидель Кастро. Биография патриота. М.: АСТ, 2013. 352 с.
7. Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI в.): Учебник. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 320 с.
8. Миклухо Е.В., Субботина И.А. Феномен личности Фиделя Кастро в историческом и политическом процессах // *Приволжский научный вестник*. 2015. №12–3 (52).
9. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 627 с.
10. Ролик А.Л. Кубинская революция 1959 г. и ее роль в возникновении Карибского кризиса // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал*. 2016. №1–2. С.120–126.
11. Строганов А.И. Латинская Америка: Страницы истории XX века. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 168 с.
12. Шульц Э.Э. Феномен кубинской революции в контексте технологий управления социальным протестом // *Приволжский научный вестник*. 2014. №4. С.145–153.
13. Chomsky A. A History of the Cuban Revolution. Singapore: John Wiley & Sons, 2010. 224 p.

Такова уж природа искусства:
художник не может страдать в
одиночку.

Ханс Келлер

Благоприятные условия? Их для
художника нет. Жизнь сама
неблагоприятное условие.

Марина Цветаева

Ольга Заиченко

НЕМЕЦКОЕ И РУССКОЕ КИНО В ИЗГНАНИИ

ЧАСТЬ II

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР В США – ЧУЖИЕ В ГОЛЛИВУДЕ*

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

325.2
7.071.2
327.83

В статье делается попытка сравнительного анализа двух волн европейского культурного трансфера в США в 30–40-е гг. XX в. на примере исследования немецко-еврейской и русской эмиграции деятелей кинематографа, в частности, их адаптации в Голливуде к новым условиям жизни и творческой деятельности, а также их вклада в развитие американского кино.

The article represents a comparative analysis of two waves of European cultural transfer to the United States in the 30–40s of XX century on the example of the study of German-Jewish and Russian emigration of cinematographers, in particular, their adaptation in Hollywood to new living conditions and creative activities, as well as their contribution to the development of American cinema.

Ключевые слова: Россия; Германия; кинематограф; эмиграция; национальная культура.
Key words: Russia; Germany; cinema; emigration; national culture.

E-mail: o.v.zaichenko@gmail.com

* Представленное исследование является продолжением статьи «Немецкое и русское кино в изгнании. Часть I – Унесенные ветром» // Россия XXI, 2020. №4, с.128.

Кино в изгнании

Начало и первая треть XX в. ознаменовались серией военных, социально-политических и культурных катастроф, оказавших влияние на всю

последующую историю европейской цивилизации. Первая мировая война опустошила и обескровила всю Европу, дав начало движению беженства. Победа Октябрьской революции в России не только смела предыдущий политический строй со всеми его устоями, но и положила конец развитию культуры Серебряного века. Следующим актом гуманитарной трагедии стал приход к власти национал-социалистической партии в Германии, давший сигнал к уничтожению не только собственных сограждан «неарийского» происхождения, но и уникальной культуры авангарда, возникшей за короткий срок существования Веймарской республики. Но благодаря вынужденной эмиграции деятелей культуры и искусства обеих стран национальные традиции двух великих самобытных культур удалось сохранить. Трансформированные, пересаженные на чужую почву, ростки русской и немецкой культуры продолжили свое развитие в новом социальном и интеллектуальном контексте по ту сторону Атлантики.

Наиболее мобильную и космополитичную часть европейских беженцев в США составили деятели кинематографа из России и Германии. Привнесенные ими в американское кино художественные традиции русского Серебряного века и немецкого экспрессионизма Веймарской культуры приобрели в Голливуде новые формы, наполнились новыми смыслами в соответствии со вкусами и национальной спецификой американского зрителя. Процесс взаимодействия местного социального контекста и привнесенных эмигрантами собственных национальных традиций способствовал развитию уникального феномена культурного трансфера из Европы в США в 30–40-е гг. XX в.

Русская и немецкая волны эмиграции кинематографистов в США были очень похожи по своей природе, но имели различные отправные точки. Русскими деятелями кино, покидавшими большевистскую Россию в начале 20-х гг., людьми аполитичными по своей сути, поначалу двигало, прежде всего, желание найти возможность для продолжения своей непосредственной профессиональной деятельности. Конечно, как и большинство русских «бывших», они бежали от голода и разрухи, от наступления диктатуры большевиков, но больше всего они хотели продолжать снимать кино [6; 7; 8; 11]. У исхода немецких кинематографистов с самого начала была принципиально другая природа. Ее следует рассматривать на фоне преследования и физического уничтожения

6 миллионов евреев и других меньшинств не только по политическим, но и по расовым причинам. Так что бегство из нацистской Германии для подавляющего числа немецких эмигрантов «неарийского» происхождения, прошедших, как и их русские собратья по несчастью, через экономические трудности и личные страдания, в то же время оставалось единственной возможностью спасти собственные жизни [20; 21; 27; 30]. Но что бы ни являлось отправной точкой для эмиграции, для тех и других начались годы скитаний по миру без гражданства и паспортов, без постоянного жилья и без денег.

Но, несмотря на все лишения, изгнанники-кинематографисты не оставляли надежды влиться в процесс кинопроизводства в приютившей их стране. Правда, там они столкнулись с вполне ожидаемыми трудностями. В отличие от издательской сферы, где продолжила развиваться национальная литература в изгнании [28; 33], при дорогостоящих и сложных компонентах кинопроизводства деятели кино оказались в экономической зависимости от производственных структур местных студий. В этих условиях у немецкоязычного и русскоязычного фильма за пределами метрополий изначально не было шансов. И, прежде всего, отсутствовала публика, которая позволила бы сделать рентабельным его производство.

Так что оставалось только интегрироваться в национальное кинопроизводство принимающих стран [10; 14; 17; 29]. Это означало также адаптироваться к вкусам национальной аудитории, местным традициям кино и жанровым требованиям кинокомпаний. Наиболее легко это удалось сделать техническому персоналу: редакторам, монтажерам и даже кинооператорам, поскольку качество подготовки немецких и русских специалистов соответствовало международному уровню. Зато проблемы возникли у актеров, привыкших играть на родном языке. Осложняющий синхронизацию иностранный акцент был серьезной помехой для получения роли в американском фильме [16; 17; 31]. Немецкие и русские актеры были задействованы в американских фильмах в основном в ролях иностранцев или характерных злодеев. Самыми яркими примерами тому могут служить артистические биографии немца Питера Лорре¹, получившего известность в Голливуде благодаря роли японского шпиона и де-

---

¹ *Петер Лорре (Peter Lorre; настоящее имя – Ладислав Левентштейн (1904–1964) – немецкий и американский актер театра и кино, режиссер, сценарист австро-еврейского происхождения. В 1933 г. покинул Германию, снимался во Франции и Англии. В июле 1934 г. с контрактом студии «Коламбия» приехал в Голливуд, где вполне успешно снимался в ролях второго плана, играя отрицательных персонажей: нацистов или злобных и коварных иностранцев.*

тектива «таинственного мистера Мото»², и нашего соотечественника Михаила Вавича³, добившегося успеха как актер второго плана в амплу «злодея».

Только после вступления Америки в войну положение европейских актеров в США несколько улучшилось. В пропагандистских антифашистских фильмах, которые стали снимать в Голливуде в большом количестве, немецкие и русские актеры со своим характерным акцентом и яркой наружностью придавали персонажам необходимую подлинность. Таким образом, с началом 40-х гг.

Питер Лорре
в роли таинственного мистера Мото

привлечение иностранных специалистов в производство американского кино возросло в разы, что дало возможность говорить о проникновении в кинематограф Голливуда транснациональной эстетики и о культурном взаимовлиянии различных национальных традиций [9; 19; 24]. Кроме того, ускорился процесс интеграции русских и немецких актеров, режиссеров, сценаристов, кинооператоров и, отчасти, продюсеров в местные структуры современной киноиндустрии.

Сравнительный анализ развития культурного трансфера из Европы в США в 30–40-е гг. XX в. как динамичного процесса межкультурной коммуникации между кинематографистами – изгнанниками из России

² В 1936 г. от студии «20th Century Fox» Питер Лорре получил приглашение сыграть японского сыщика и шпиона мистера Мото в восьми приключенческих лентах категории «Б», снятых с 1937 по 1939 гг. Первый фильм назывался «Thank You, Mr. Moto» (1937). Главный персонаж, предтеча Джеймса Бонда, мистер Мото – таинственный японец, к которому обращаются бизнесмены и политики для решения самых сложных и трудновыполнимых задач. По законам жанра он знает все про всех, умеет обращаться со всеми видами оружия и владеет всеми возможными восточными единоборствами.

³ Михаил Иванович Вавич (1881–1930) – русский артист оперетты (бас), популярный исполнитель романсов, американский киноактер. В 1918 г. эмигрировал из России, с 1925 г. работал в Голливуде. Вавич чаще всего играл гангстеров, карточных шулеров и других отрицательных персонажей. Именно в этом амплу он добился успеха в США как исполнитель ролей второго плана. В период с 1925 по 1929 гг. он снялся в картинах: «Венера из Венеции», «Воинственный мужчина», «Корона джи», «Два аравийских рыцаря», «Голубка», «Groustark», «Моя официальная жена», «Отель Империял», «Таинственный остров» и др.

и Германии, с одной стороны, и представителями крупнейших кинокомпаний Голливуда, – с другой, станет предметом нашего исследования. Как строилось их творческое взаимодействие с учетом существовавших языковых, культурных и ментальных различий? С какими трудностями сталкивались эмигрировавшие в США деятели европейского кино в Голливуде на бытовом и профессиональном уровне? Как особенности эстетического языка русских и немецких режиссеров, наличие иностранного акцента у актеров, различия в стилях игры национальных театральных школ влияли на адаптацию и востребованность европейских кинематографистов у американских продюсеров? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в этой статье на основе анализа интервью и воспоминаний, оставленных деятелями искусства, бежавшими из России и Германии в США в первой половине XX в. и нашедшими приют в Голливуде.

**Европейский культурный
трансфер в США:
немцы в Голливуде**

В США в рамках политики изоляционизма с 1924 г. действовал закон Джонсона–Рида, определявший ежегодные квоты для эмигрантов: 2000 человек для Германии и 1667 – для России. Чтобы попасть в страну нужно было получить въездную визу. Для этого, кроме наличия паспорта, был необходим контракт на работу или «affidavit» («аффидевит»), заверенный нотариусом документ от благотворительной организации или гражданина США, подтверждающий платежеспособность принимающей стороны, а также личность эмигранта и обязательство поддерживать его материально [10; 33]. Вне квот шли только немецкие ученые, необходимые правительству США для осуществления гигантской государственной экономической программы по выводу страны из кризиса – «Нового курса» Рузвельта: экономисты, социологи, политологи, а также химики, физики, математики и т. д. [21; 24; 34]. Для этого был создан Чрезвычайный комитет помощи перемещенным немецким ученым, а также Фондом Рокфеллера была разработана многомиллионная программа финансирования актуальных научно-исследовательских проектов, в частности, ядерной программы. На деньги Фонда был создан даже специальный Немецкий университет в изгнании, где преподавали 200 ученых [13, с.24–30, 34]. Но на кинематографистов такого спроса не было. Помощь им опиралась исключительно на частную инициативу немецких эмигрантов, приехавших в Голливуд в 20-х гг.

Наиболее влиятельным из них был Карл Леммле⁴, основатель и руководитель до 1937 г. кинокомпании «Universal Pictures», старейшей из существующих ныне киностудий, а с 1915 по 1925 гг. – крупнейшей в США. Леммле был известен не только как успешный предприниматель, стоявший у истоков Голливуда, которому были обязаны своей карьерой многие звезды кино. Он также имел репутацию щедрого и самоотверженного благотворителя, спасшего от уничтожения в концлагерях более 300 еврейских семей, предоставив им юридическую и финансовую возможность перебраться из Германии в США. С Леммле в деле организации поддержки беженцев из Европы были тесно связаны продюсер и независимый агент по трудоустройству актеров Пауль (Пол) Конер⁵ и знаменитый режиссер и продюсер Эрнст Любич⁶.

Для Конера помощь немецким кинематографистам в Голливуде стала делом всей жизни. Будучи восемнадцатилетним юношей, он познакомился с Карлом Леммле и в 1920 г. по его приглашению перебирается в Голливуд, пройдя на студии «Universal» все карьерные ступени, от посыльного до продюсера, возглавив в 1928 г. немецкий филиал «Universal» в Берлине. Там он установил довольно тесные отношения практически со всеми видными кинодеятелями Германии, связанными с кино-

Карл Леммле

⁴Карл Леммле (Carl Laemmle, 1867–1939), немец еврейского происхождения, в 17 лет эмигрировал в США, где в 1912 г. основал старейшую (из существующих) американскую киностудию «Universal», на которой под его руководством было снято более 400 фильмов.

⁵Пауль Конер (Paul Kohner, 1902–1988) – успешный немецкий и американский агент по трудоустройству актеров и продюсер еврейского происхождения, сотрудничавший с такими киностудиями как «Universal Pictures», MGM и «Columbia Pictures Industries», был импресарио таких звезд, как Ингмар Бергман, Морис Шевалье, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Джон Хьюстон, Лив Ульман и Билли Уайлдер.

⁶Эрнст Любич (Ernst Lubitsch; 1892–1947) – немецкий и американский кинорежиссер, актер, сценарист и продюсер еврейского происхождения. Будучи известным режиссером, открывшим миру «звезду» немого кино Полу Негри, в 1922 г. уехал из Германии в Голливуд, где сделал успешную карьеру, создав жанр романтической комедии, которая стала фирменным продуктом американского кино.

концерном UFA. В апреле 1933 г. Конер покидает страну и, поколесив по Европе, через два года возвращается в США. Приехав в Голливуд в июне 1935 г., в письме к брату Фридриху, он поделился своими первыми впечатлениями: «Мы сняли очаровательный дом в Толука Лейк. Место похоже на наш Грюневальд. Конечно, все живущие в Голливуде европейские знакомые из киноиндустрии пришли к нам на кофе. ... Как ты знаешь, большинство европейцев сидит здесь без работы и ничего не делает. Джо Мэй⁷ сидит рядом и ничего не делает. Как долго он сможет это выдержать, я не знаю. Фриц Ланг⁸ надеется вскоре начать снимать фильм для “Metro”, но до сих пор в этом не уверен. Франц Шульц⁹ работает, Билли Уайлдер¹⁰ не работает» [32, S.24f.]. Это письмо отчасти передает ту безысходность и гнетущее настроение, в котором находилось большинство европейских кинематографистов в изгнании. Сплошь признанные художники просто сидели без работы и без денег. Возможно, эти первые впечатления по приезде в Голливуд повлияли на последующее решение Конера стать независимым импресарио для своих безработных соотечественников. Он надеется добиться финансового успеха, используя свои старые контакты с европейскими художниками, которые в 30-х – 40-х гг. массово приезжают в Голливуд. Во всяком случае, в начале 1938 г. Конер становится

Пауль Конер

⁷ Джо Мэй (Joe May), настоящее имя – Йозеф Отто Мандель (Joseph Otto Mandel; 1880–1954) – немецкий и американский кинорежиссер и продюсер, один из пионеров немецкого кинематографа. В 1934 г. после прихода к власти Гитлера эмигрировал из Германии в США.

⁸ Фридрих Кристиан Антон Ланг (Friedrich Christian Anton Lang; 1890–1976) – немецкий кинорежиссер, в 1933 г. эмигрировал из Германии, с 1934 г. жил и работал в Голливуде, США. Один из величайших представителей немецкого экспрессионизма, в 1927 г. снял самый крупнобюджетный фильм в истории немого кино «Метрополис» и создал эстетику американского нуара.

⁹ Франц Шульц (Franz Schulz, 1897–1971) – известный немецкий и австрийский сценарист кино и телевидения. В 1933 г. эмигрировал из Германии, работал в Чехии, Великобритании, Швейцарии, США.

¹⁰ Билли Уайлдер (Billy Wilder), настоящее имя – Самуил Вильдер (Samuel Wilder, 1906–2002) – выдающийся немецкий и американский кинорежиссер и сценарист еврейского происхождения, за свою полувековую карьеру снявший более 60 фильмов и удостоенный 7 наград американской киноакадемии.

независимым агентом, основными клиентами которого должны были стать европейские эмигранты, прежде всего, немецкие актеры, бежавшие в США. Для помощи соотечественникам, не имевшим возможности покинуть Европу, в ноябре 1938 г. был организован Фонд европейского кино (European Film Fund, EFF), мотором которого был Конер, деньгами и контрактами с киностудиями помогал Леммле, а представительскую функцию взял на себя Любич. Кроме того, на нужды Фонда отчисляли 1% от своих гонораров многие успешные немецкие эмигранты: режиссеры Майкл Кертиц¹¹, Уильям Уайлдер, актриса Марлен Дитрих и другие. Все сотрудники Фонда работали бесплатно, на добровольных началах. Даже Конер, занимаясь непосредственно трудоустройством актеров, не получал за это комиссионных. Более того, для бюро EFF он предоставил помещение в офисе собственного агентства.

Кроме сбора и распределения денег Фонд организовывал «аффидевиты» и выбивал разработанные специально для эмигрантов контракты со студиями якобы для написания сценариев, которые называли «рабством за 100 долларов в неделю». Такие контракты помогли въехать в страну и выжить Генриху Манну¹², Бертольду Брехту, Альфреду Деблину¹³, Фрицу Лангу, Дугласу Сирку¹⁴ и многим другим.

¹¹ Майкл Кертиц (Michael Curtiz, настоящее имя – Михай Кертес Каминер, 1888–1962) – австрийский и американский кинорежиссер, приехал в США в 1926 г., снял в Голливуде более 160 фильмов, в том числе такие успешные, как «Касабланка» (1942) и «Милдред Пирс» (1945).

¹² Генрих Манн (Heinrich Mann, 1871–1950) – немецкий писатель-прозаик и общественный деятель, старший брат Томаса Манна. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. был лишен немецкого гражданства, эмигрировал сначала в Прагу, а затем во Францию. Возглавлял Союз немецких писателей в эмиграции. Жил в Париже, Ницце, после оккупации Франции гитлеровскими войсками через Испанию и Португалию переехал в США, где с 1940 г. жил в Лос-Анджелесе (Калифорния).

¹³ Альфред Деблин (Alfred Döblin; 1878–1957) – немецкий писатель еврейского происхождения, теоретик экспрессионизма, был близок к Бертольду Брехту. В 1933 г. после прихода Гитлера к власти вместе с семьей переехал в Швейцарию, затем во Францию. В 1936 г. получил французское гражданство. В 1940 г. через Лиссабон уехал в Лос-Анджелес, где начал работать для Голливуда.

¹⁴ Дуглас Сирк (Douglas Sirk; настоящее имя – Ханс Детлеф Сирк, 1897–1987) – немецкий и американский кинорежиссер, крупнейший мастер голливудской мелодрамы, оказал большое влияние на современный мировой кинематограф. Несмотря на то, что среди поклонников Сирка был министр пропаганды Геббельс, в 1937 г. он вынужден был уехать из Германии после того, как его вторая жена, театральная актриса Хильда Яри, бежала в Рим, спасаясь от антисемитских преследований. В 1941 г. Сирку и Яри удалось выехать в США, где режиссер сменил имя и примкнул к обществу кинематографистов-эмигрантов, работающих в Голливуде. Его первый американский фильм вышел в 1943 г. Наиболее известны мелодрамы Сирка, снятые в 1950-е гг. для продюсера Росса Хантера на «Universal».

Пауль Конер (сидит слева на переднем плане)
вместе с немецкими и французскими актерами в Голливуде в 1939 году

Европейский культурный трансфер в США: русские в Голливуде

В отличие от своих немецких коллег русские кинодеятели, решившие перебраться в Америку, могли рассчитывать только на себя. Правда, они приехали в Голливуд намного раньше, в середине 20-х гг. В большинстве своем, как и в случае немецких кинематографистов, это была реэмиграция из Европы, но связана она была не с бегством от нацизма, а поиском лучших условий для работы и самореализации. Иногда реэмиграция оборачивалась краткосрочным визитом, как это было в случае с любимцем русской диаспоры в Париже, преуспевшим в европейском кино актером Иваном Мозжухиным¹⁵, или не менее успешным в Европе режиссером Виктором Туржанским¹⁶. Мозжухин мечтал работать в Голливуде. В 1926 г. он заключил контракт с директором студии «Universal» Карлом Леммле на пять лет, однако пробыл в США только два года. За это вре-

¹⁵ Иван Ильич Мозжухин (1889–1939) – выдающийся актер российского немого кино, в 1920 г. эмигрировал из России во Францию, где добился большого успеха, снимаясь на русской киностудии «Альбатрос».

¹⁶ Виктор Туржанский (Viktor Tourjansky), настоящее имя – Вячеслав Константинович Туржанский (1891–1976) – кинорежиссер, актер, сценарист, в 1920 г. эмигрировал из России, успешно работал во Франции, Великобритании, Германии.

мя он снялся всего в одном фильме – «Капитуляция» Эдварда Сломана (1927), мелодраме, эксплуатирующей национальный колорит. В одном из интервью, вспоминая о своей поездке в Америку, Мозжухин признался: «Там меня ждало горькое разочарование. В техническом отношении американская киноиндустрия стоит на недостижимой высоте. Но и только! Для души и для творчества – там ничего нет. Всякая «психология» беспощадно изгоняется. Артисту там делать совершенно нечего» [4; 18, с.285]. Преуспеть в Америке не удалось также Виктору Туржанскому. Несмотря на сознательное стремление приспособиться к требованиям Голливуда, опыт его голливудской режиссуры ограничивается одним, судя по описаниям, маловыдающимся и к тому же завершённым другим режиссером фильмом «Искатель приключений» (1928). Бросив постановку, Туржанский предпочел вернуться в Европу.

Иван Мозжухин

Но были и более удачные примеры. Так, из Италии попадает в Голливуд внук известного скрипача и дирижера Леопольда Ауэра, Михаил Унковский, взявший себе актерский псевдоним – Миша Ауэр¹⁷. Начав сниматься в 1928 г., Ауэр сыграл в более чем сорока фильмах, в основном эпизодические роли и роли второго плана. Тем не менее в отличие от многих своих соотечественников в 30-е гг. он был очень востребован, снимаясь иногда в десяти фильмах за год, и даже был номинирован на «Оскар» в 1936 г. за роль второго плана в фильме «Мой слуга Годфри».

Легендой и любимцем всего «русского Холливуда» стал другой замечательный артист Михаил Вавич, начинавший в оперетте и на эстраде, исполняя русские романсы. С 1925 г. он вполне успешно снимался в голливудских фильмах и удивительно быстро добился успеха как исполнитель ролей второго плана. Из-за яркой, выразительной внешности «опереточного злодея» он в основном играл гангстеров, карточных шулеров и других отрицательных персонажей. Современник Вавича эмигрантский журналист Леонид Камышников писал о его актерской

¹⁷ Миша Ауэр (Mischa Auer), настоящее имя – Михаил Семенович Унковский (1905–1967) – американский актер российского происхождения. Номинант на премию «Оскар» 1936 г.

Михаил Вавич в Голливуде в 1928 году

Михаил Вавич в роли бандита-ковбоя в американском фильме «Голубка» 1928 г.

карьере в Голливуде: «Вавич почти исключительно играл злодеев. Его брали, заранее обуславливая требование изображать только изуверов, только типы отрицательные, жестокие и коварные. В огромном за короткие годы его работы в кино репертуаре вы найдете все виды человеческого бездушия, хитрости и предательства – всего того, чему был чужд Вавич, что было несвойственно его мягкой, совсем ребяческой душе...» [5, с.7]. Наибольшую популярность ему принесли съемки в ленте «Корона Лжи» (1926) с участием Полы Негри и известной картине режиссера Льюиса Майлстоуна «Два аравийских рыцаря» (1927). Только преждевременная смерть в 1930 г. прервала его карьеру в самом зените. Не менее успешно сложилась в Голливуде судьба Ричарда Болеславского¹⁸, ставшего, по мнению издания «Los Angeles Examiner», уже в середине 20-х гг. «самым американским из всех американских режиссеров» [23; 10, с.140]. Даже если предположить, что в этом утверждении есть некоторое преувеличение, тем не менее из двадцати снятых им на голливудских киностудиях фильмов десять получили «Оскар». Так что под конец жизни за свои заслуги перед «Фабрикой грез» Болеславский был удостоен звезды на голливудской Аллее славы.

Но, несмотря на отдельные удачи, в целом русские кинематографисты хуже приживались в Голливуде, чем в Европе. Причем это ка-

¹⁸ Ричард Валентинович Болеславский (1889–1937) – русско-американский актер, режиссер театра и кино, преподаватель актерского мастерства.

салось и режиссеров, и актеров, для которых умение адаптироваться к окружающей среде является частью профессиональных навыков. В чем причина того, что практически никто из русских актеров-эмигрантов послереволюционной волны не сделал в Голливуде блестящей карьеры? Одно из возможных объяснений – это то, что приехали они, в основном, в середине или даже во второй половине 20-х гг., а к началу 30-х на них обрушился приход звука. Утверждение большинства киноведелов и историков кино, что «звуковая революция» поломала немало актерских и уж тем более эмигрантских карьер, абсолютно справедливо для Европы [16]. Но в Америке, стране эмигрантов, все было совсем не так однозначно. Первым, кто поставил под сомнение эту непреложную истину, был Михаил Вавич, чья неправильная речь неизменно нравилась зрителям. Не по вине русского акцента поломалась в Америке творческая судьба приехавшей в Голливуд 1932 г. по приглашению всемогущего продюсера Сэмюэля Голдвина актрисы Анны Стэн¹⁹. Несмотря на небольшой акцент, она, хоть и без былого успеха, продолжала сниматься в американском кино вплоть до начала 60-х гг.

Иностранный акцент в Америке сам по себе не был помехой в карьере кинематографиста, в том числе и актера. Если в Европе наличие акцента резко отделяло эмигрантов от представителей коренного населения страны, то в Америке, где многие говорят с акцентом, его прощают сравнительно легко. Что же тогда требовала голливудская киноимперия от вновь прибывших, и почему русским так трудно было вписаться в американское кино?

Описывая психологию первой волны российской эмиграции, Нина Николаевна Берберова²⁰ приводит в своей книге «Курсив мой. Автобиография»

Анна Стэн в Голливуде.
Фотопробы к американской киноверсии
романа Л.Н.Толстого «Воскресение» –
«We Live Again» 1934 г.

¹⁹ Анна Стэн (Anna Sten; 1908–1993), настоящее имя – Анна Петровна Фесак, американская актриса российского происхождения. До 1929 года снималась в СССР, затем эмигрировала и продолжила карьеру в Европе и США.

²⁰ Нина Николаевна Берберова (1901–1993) – русская писательница, автор документально-биографических исследований жизни русской эмиграции в Европе и США. В 1922 г.

следующее свидетельство: «Независимо от того, сколько лет человек жил в западном мире, у одних была потребность брать все, что можно, от этого мира, у других же была стена, отделявшая их от него. Они привезли с собой свой собственный, лично-семейный, складной и портативный нержавеющий железный занавес и повесили его между собой и западным миром. Они иногда скрывали его, иногда выставляли напоказ, но чаще всего просто жили за ним, не любопытствуя, что находится вокруг» [1, с.575–576]. В отличие от Европы, обладавшей сильными традициями и вековой культурой, оказавшей на Россию огромное влияние и вынуждавшей пришельцев к большей или меньшей ассимиляции, Америка, будучи страной эмигрантов, представляла им альтернативу. Они могли замкнуться в собственном эмигрантском гетто, либо стать американцами и войти в американскую жизнь. По свидетельству актера Михаила Визарова²¹: «Большинство, даже приобретая американское гражданство, остаются в чисто русских кружках. Возможно, что дети станут стопроцентными американцами» [10, с.148].

Такой русский кружок образовался и у кинематографистов. Вокруг Голливуда, в Лос-Анджелесе, выросло настоящее русское поселение, маленькая Россия. Эмигрантская европейская печать так описывала этот феномен: «В Лос-Анджелесе, огромном городе, частью которого является Голливуд, две русских колонии. Первая – старых довоенных эмигрантов, состоящая из духоборов и евреев, и вторая – последней революции. Новая эмиграция живет в северо-западной части Лос-Анджелеса, в Голливуде, так как она, так или иначе, причастна к киноиндустрии. Состав самый пестрый, но русские живут дружно. Объединяющим звеном является популярный у американцев русский клуб и гордость Голливуда – русская церковь, в старом русском стиле, построенная на добровольные пожертвования» [12, с.24].

Русское присутствие в Голливуде, по-видимому, было столь заметным, что стало предметом специального исследования. Известный историк российского кино Рашит Янгиров приводит в своей книге «Рабы немого» любопытное свидетельство начинающего социолога Джорджа Мартина Дэя, который на рубеже 20–30-х гг. по поручению правления американской Молодежной христианской ассоциации (Young Men's Christian Association) провел небольшое исследование среди полутора тысяч русских, осевших в Голливуде и его окрестностях. В своей работе он пытался найти ответ на

вместе с мужем В. Ф. Ходасевичем эмигрировала из Советской России. Жила в Германии, Чехословакии, Италии, Франции и США.

²¹ Михаил Семенович Визаров (Michael Visaroff; 1892–1951) – русский и американский актер, играл в Московском камерном театре. В 1922 г. эмигрировал в США, с 1924 г. работал в Голливуде. Снялся почти в 100 ролях второго плана. В основном играл аристократов и демонических злодеев.

вопрос: почему люди, материально зависимые от кинематографической конъюнктуры, которая тиражировала массовые стереотипы, так решительно отказывались от них в собственном быту и демонстративно соблюдали национальные традиции, не конвертируемые в космополитичный американский социум? Собрав уникальный материал о русских обитателях Голливуда, Дэй отмечал, что русские «... все еще живут своим прошлым, боготворят и идеализируют его, опасаясь, что их дети вырастут и забудут традиции и культуру старой России» [17, с.187]. Далее Дэй выражал надежду, что со временем русские смогут встроиться в американскую среду, но до этого момента они и впредь будут снова и снова создавать в Голливуде «свое внутренне государство в государстве» [17, с.187].

Проблемы профессиональной адаптации в Голливуде: русский опыт

Однако, если в социальном плане жизнь в Лос-Анжелесе, как и повсюду в США, где каждый член американского общества в каком-то из поколе-

ний был эмигрантом, не требовала от вновь прибывших европейцев немедленной ассимиляции, в производственном смысле Голливуд представлял собой жесткую монопольную систему, не терпящую внутри себя никаких инородных элементов. Поэтому любые попытки создать внутри американской киноиндустрии «государство в государстве» были обречены на провал. Интересным и весьма типичным был опыт В.И.Немировича-Данченко. Будучи на гастролях в США в качестве руководителя музыкальной студии МХАТ, он приехал в Голливуд по приглашению директора кинокомпании «United Artists Entertainment» Джозефа Шенка для заключения контракта со студией на год. В этот период он вынашивал идею создания в Голливуде русской мега-киностудии по образцу уже существовавшей в Европе компании «Ермолев-Синема»²², преобразованной после смены владельца в киноконцерн «Альбатрос». Новая структура не должна была быть встроена в уже существующую конвейерную систему коммерческого кино, рассчитанную на американского зрителя, а существовать параллельно ей с собственным стилем работы, представлением о кинопроцессе и потребностях зрителя. Находясь в США, в 1925 г. он вел переговоры с «United Artists»

²² «Ermolieff-Cinema» – русская кинокомпания, занимавшаяся производством и распространением фильмов, одна из крупнейших в Европе в межвоенный период, была создана в Париже в мае 1920 г. эмигрировавшим из России известным кинопредпринимателем Иосифом Николаевичем Ермолевым (1889–1962). После смены владельца студия получила название «Альбатрос». Ее возглавил талантливый кинопродюсер Александр Каменка (1888 г. – 1969 г.). Располагаясь в Монтре, русская кинофабрика имела свои филиалы в Германии, Чехии и других странах Европы.

и «Universal», предлагая им проект такой кинофабрики. В письме к Шенку, которое приводит в своих опубликованных дневниках администратор МХАТа С.Л.Бертенсон²³, сопровождавший русского режиссера в США в качестве секретаря и переводчика, Немирович-Данченко, в частности, писал по этому поводу: «Настоятельно предлагаю организовать русскую студию. Это не значит, что здесь будут играть только русские сюжеты. Тут будут играть такие же пьесы, как и в американских студиях. Это не значит, что здесь будут работать только русские актеры, хотя преимущественно русские. Но это значит, что здесь будет культивироваться русское искусство, те приемы, тот дух, который составляет особенности русского театра, русской музыки, русской литературы, имеющей повсеместный мировой успех. Этот дух русского искусства завоевал даже самые консервативные центры, как, например, Лондон. Проводить эту культуру в американских студиях и в тех условиях, в которых они сейчас находятся, совершенно невозможно. Все, что покажется сделанным в этом направлении, будет фальсификацией... Сейчас в Америке скопилось достаточно много русских талантливых деятелей искусства, чтобы сделать десять картин. Увлеченные идеей, они возьмутся за дело так горячо, как это могут делать только русские, увлеченные новым общим делом. ... Студия эта, конечно, может находиться под высшим управлением «Юнайтед Артистс», но она должна иметь автономные права, которые должны быть специально оговорены» [2, с.66]. Уже тогда Сергею Бертенсону, мечтавшему найти себе применение в Голливуде, было очевидно, что практическое осуществление этого замысла невозможно [2, с.101], так как любая независимая киностудия была бы сразу же отторгнута и раздавлена американской системой кинопроизводства. Стоит ли говорить, что все предложения Немировича-Данченко о создании самостоятельной русской кинофабрики в Голливуде остались без внимания.

Таковую же неудачу потерпел другой кинопроект прославленного русского режиссера. В том же 1926 г., во время своего пребывания в Голливуде, Немирович-Данченко работал над сценарием для уже упомянутого нами режиссера Виктора Туржанского по заказу киностудии «Metro-Goldwyn-Mayer». Туржанский, совсем недавно приехавший в Америку, но покинувший Россию еще в 1919 г. и имевший к тому времени уже семилетний опыт работы во Франции, по свидетельству того же Бертенсона, сценарий раскритиковал с позиций американской киношколы, которую тщательно изучал

²³ Сергей Львович Бертенсон (1885–1962) – историк литературы и театра, переводчик. С 1918 года работал в Московском художественном театре, с 1922 г. – заместителем директора Музыкальной студии при Художественном театре. В период пребывания Немировича-Данченко в США (1925–1928) был его секретарем. В 1928 г. навсегда покинул Россию, став «невозвращенцем», работал в Голливуде, где участвовал в создании сценариев.

и копировал, надеясь приспособиться к конвейерной системе кинопроизводства Голливуда. «Сегодня приходил Туржанский, – писал в своем дневнике Бертенсон. – Владимир Иванович очень подробно рассказал ему план своего сценария, и тот высказал следующие опасения, рассуждая, так сказать, с американской точки зрения: 1) пьеса чересчур длинна и займет слишком много метров; 2) сценарий неприемлем с точки зрения общественной пуританской морали и цензуры, любовник при наличии мужа; 3) неприемлемы два самоубийства и одна смерть; 4) неприемлем герой, отказывающийся от миллионного состояния и уходящий в жизнь лишений и страданий. Это не встретит сочувствия у американской публики» [2, с.66].

Перенос на американскую почву творческих принципов школы МХАТа, идеи перевоплощения, актерского вживания в роль, русская любовь к герою-мученику, концепция искусства как зеркального отражения сложных душевных переживаний, были абсолютно противоположны самим основам голливудского подхода к кинопроцессу. Так же, как Голливуд не принял Немировича-Данченко, так и сам Владимир Иванович позднее раскритиковал принципы создания американского кино: «Киносценарии страдают излишней пестротой, в них слишком много внимания уделено беготне, пожарам, кораблекрушениям, трюкам и слишком мало жизни человеческого сердца и духа» [3, с.85]. Пытаясь найти для себя новые возможности в Голливуде, Немирович-Данченко совсем не учитывал тот факт, что русская режиссура в своей работе оперировала иными нравственными категориями, ориентируясь на чуждые американскому кино эстетические каноны, а также на требования, прежде всего, русского, европейского, а не американского зрителя. В результате за пятнадцать месяцев своего пребывания в Америке ни одного проекта классику русского драматического театра реализовать не удалось. Монополия восьми голливудских киностудий не дала ему ни единого шанса.

Проблемы профессиональной адаптации в Голливуде: немецкий опыт

Проблемы несоответствия менталитетов, с которыми столкнулся в Голливуде Немирович-Данченко, коснулись многих европейских эмигрантов, и не только из России. О серьезных различиях американской и европейской киношкол, особенно в том, что касается режиссуры и актерской игры, свидетельствуют также попытки профессиональной адаптации в Голливуде таких без сомнения великих и признанных немецких театральных деятелей,

как Бертольд Брехт²⁴ и его жена, знаменитая театральная актриса, Хелена Вайгель²⁵. В мае 1941 г., на фоне явных приготовлений к войне с СССР, Бертольд Брехт и Хелена Вайгель, будучи политическими беженцами из нацистской Германии, получили американскую визу. Отплыть в США из северного порта Финляндии, где супруги в это время находились, оказалось невозможно: порт уже контролировали немцы. Пришлось добираться до США через Дальний Восток. В июле Брехт и Вайгель наконец приехали в Лос-Анджелес и поселились в Голливуде, где к тому времени, по словам актера Александра Гранаха²⁶, оставившего подробные воспоминания о жизни немецкой диаспоры в США, уже оказался «весь кинематографический и театральный Берлин» [26, S.176ff]. Но, в отличие от Томаса Манна или Эриха-Мария Ремарка, Брехт американской публике был мало известен и зарабатывать на жизнь ему приходилось, в основном, сочиняя фабулы для киносценариев [15, с.156–157]. Заключив контракт с MGM, Брехт, подобно Немировичу-Данченко, пытался писать сценарии для фильмов, как правило, совместно и под контролем более опытного коллеги, откомандированного для этой цели самой киностудией. Через некоторое время совместная работа почти всегда заходила в тупик из-за существенных различий в подходе к созданию сценария, о чем неоднократно писал сам Брехт в своем рабочем дневнике, который вел во время всего периода изгнания, в том числе, находясь в США. «Работаю с немецким актером и конферансье Робертом Тереном²⁷ над сценарием для комедии, – отмечал Брехт в сентябре 1942 г. – Он сценарист в студии “Metro-Goldwyn-Mayer”, крупнейшей кинокомпании в мире. Но что там за атмосфера, что за невозможные методы! Терен болтает без перерыва, без плана, тщательно избегая любого серьезного размышления. ... В переключенном им на американский лад сценарии нет законов психологии, здравого смысла, морали, правдоподобия. У американцев считается правильным тиражировать то, что уже однажды было снято и прошло хорошо, так как это повышает гонорар» [22, S.123–124]. Чувствуя себя в Голливуде так, словно его «вырвали из своего века или переместили

²⁴ *Бертольд Брехт (Bertolt Brecht; 1898–1956) – немецкий драматург, поэт, прозаик, театральный деятель, теоретик искусства, основатель театра «Берлинер ансамбль».*

²⁵ *Хелена Вайгель (Helene Weigel; 1900–1971) – выдающаяся немецкая театральная актриса и театральная администратор, вторая супруга Бертольда Брехта.*

²⁶ *Александр Гранах (Alexander Granach; 1890–1945) – немецкий актер русско-еврейского происхождения, сделавший успешную карьеру в США.*

²⁷ *Роберт Терен (Robert Thoeren; 1903–1957) – известный немецкий и американский актер и сценарист, специализировался на комедиях и приключенческих фильмах. В 1933 г. покинул Германию, в 1938 г. приехал в Голливуд, где добился больших успехов в качестве сценариста, работал с ведущими режиссерами США. Придумал фабулу, использованную в фильме «В джазе только девушки».*

на Таити» [15, с.161, 160–167], Брехт не смог осуществить ни одного проекта, который был бы востребован на американской сцене или в кинематографе. Долгое время он вообще не мог полноценно работать, постоянно остро нуждаясь в деньгах. Единственным относительно успешным начинанием Брехта в Голливуде было участие в написании сценария для антифашистского фильма немецкого режиссера Фрица Ланга “Hangmen Also Die!” («Палачи тоже умирают», 1943). Работа над сценарием сопровождалась постоянными спорами между Лангом и Брехтом, стремившимся к максимальной драматизации сюжета и пытавшимся создать политическое революционное кино с множеством массовых сцен. Ланг, хорошо знавший вкусы американского зрителя, боясь отпугнуть его «левизной» и радикализмом Брехта, пытался втиснуть сценарий в традиционные для голливудского кинематографа рамки [25, S.212–241]. В результате Ланг заканчивал работу с другим сценаристом. Тем не менее «Палачи тоже умирают» стал одной из самых ярких антифашистских лент, снятых в Голливуде во время второй мировой войны. Фильм был очень хорошо принят критикой и американским зрителем. С самого начала в нем была предусмотрена роль и для Хелены Вайгель. Однако в последнюю минуту Ланг заменил ее американской актрисой, мотивируя свой отказ снимать Вайгель ее нефотогеничностью и излишне театральной манерой игры, которая не подходит для американского кино, построенного на крупных планах [37, S.52ff.]. Это положило конец всяким отношениям между Брехтом и Лангом еще до окончания работы над фильмом. Больше они никогда не виделись. Несмотря на многочисленные попытки, в США Хелена Вайгель снялась только в одной киноленте, сыграв в 1944 г. эпизодическую роль без слов в голливудском фильме «The Seventh Cross» («Седьмой крест») по знаменитому роману Анны Зегерс.

О полном несовпадении стилей игры немецких и американских актеров уже не раз упомянутый нами Фриц Ланг, стремившийся добиться коммерческого успеха для своих фильмов, размышлял неоднократно. Наиболее внятно ему удалось сформулировать основные отличия немецкой и американской актерских школ и связанные с ними проблемы в выстраивании голливудских карьер эмигрировавших из Европы актеров в переписке с режиссером Бертольдом Фиртелем²⁸, также работавшим в это время в Голливуде. Эту оживленную переписку, носившую почти дневниковый характер, удалось обнаружить и частично опубликовать известному немецкому историку кино Хельмуту Асперу [20, S.146–153, 155–167]. Так, в начале 1941 г.,

²⁸Бертольд Фиртель (*Berthold Viertel*; 1885–1953) – известный австрийский и американский писатель, театровед, кинорежиссер. В 1934 г. эмигрировал в Англию, с 1938 г. жил в США, где ставил антифашистские фильмы и пьесы.

работая над новым антинацистским фильмом «Man Hunt» («Охота на человека», 1941), Ланг писал Фиртелю: «Тем временем я снова смотрю отснятый материал в студии, чтобы обсудить актеров. Я часто думаю о невозможных гандикапах наших актеров, таких как Кортнер²⁹ или Хомолка³⁰. Это не просто вопрос об утрировании или актерском «переигрывании». Американцы тоже переигрывают довольно часто. Но характер их игры совсем другой, в то время как наша манера бросается в глаза своей чрезмерной искусственностью и театральностью. Наконец, американский актер во время игры подчеркивает совсем другой жест, присущий и понятный только американцам. Наши актеры зачастую выглядят довольно вульгарно, так как бьют на дешевый эффект, постоянно играют мышцами лица, закатывая глаза и поднимая брови. Поэтому они полностью вытесняются из профессии американцами. Движения у немцев, как правило, слишком резки для экрана, слишком "угловаты". У американцев в жестах есть что-то плавное, пластичное, что лучше поддается фотографированию. Жест и мимика для немцев в кино должны быть сокращены в пропорции 1 к 10, но главное – это поясной портрет. Постоянные крупные планы дают гигантское увеличение, которое не способны выдержать наши театральные актеры, привыкшие из-за дистанции между ними и зрителями к преувеличению в жестах и мимике» [20, S.156].

Таким образом, по перечисленным выше причинам, а также из-за жесткой конкурентной борьбы на рынке труда приехавшие в середине и конце 30-х гг. немецкие кинематографисты довольно долго находились без работы, выживая часто только за счет полуфиктивных контрактов на 100 долларов в неделю. Карьеры немецких кино-эмигрантов так же, как и их русских коллег, складывались в Голливуде очень по-разному. Некоторые приехали, уже имея с договоры с киностудиями, другие были вынуждены годами ждать своего шанса, пополняя ряды статистов. Некоторые поднялись к славе, другие канули в Лету, были вынуждены перебиваться небольшими ролями или выполняя мелкие поручения на съемках чужих фильмов. Помимо еврейских эмигрантов, таких, как Питер Лорре, который смог реализовать в США как характерный актер, или Билли Уайлдер, чья мировая карьера в качестве сценариста и режиссера началась в американском изгнании, в Лос-Анжелесе нашли приют также и политические беженцы, образовавшие свой собственный кружок, в центре которого были Бертольт Брехт

²⁹ Фриц Кортнер (Fritz Kortner, настоящее имя – Фриц Натан Кон; 1892–1970) – немецкий актер еврейского происхождения, режиссер театра и кино, сценарист, в 1933 г. эмигрировал сначала в Великобританию, потом – в США, до 1949 г. работал в Голливуде.

³⁰ Оскар Хомолка (Oskar Homolka; 1898–1978) – австрийский и немецкий актер. В 1933 г. эмигрировал сначала в Великобританию, потом приехал в Голливуд, где сделал успешную карьеру.

и композитор Ханс Эйслер³¹, написавший музыку для множества голливудских фильмов. Историям успеха нескольких эмигрантов, таких, например, как Марлен Дитрих, Фриц Ланг и Билли Уайлдер, можно противопоставить судьбы тысяч беженцев, которые с трудом смогли выжить в голливудской системе студий-монополистов и только благодаря солидарной поддержке своих более успешных соотечественников. В частности, в технических профессиях местные профсоюзы были озабочены тем, чтобы защитить интересы своих американских членов, поэтому немецкие кинооператоры, даже такие общепризнанные мировые авторитеты, как, например, Курт Курант³² и Эуген Шуффтан³³, не имели официального разрешения участвовать в американских кинопроектах. Спасало положение лишь то обстоятельство, что до 1939 г. экономические связи между Берлином и Голливудом были довольно сильны. Вплоть до начала Второй мировой войны большинство американских киностудий продолжало поставлять свою продукцию в нацистскую Германию, поэтому эмигрировавшие из Германии деятели кино благодаря своим уникальным навыкам и опыту, пусть часто и неофициально, но все же пользовались определенным спросом.

**Кино как средство
антифашистской пропаганды:
спрос на эмигрантов из Европы**

Ситуация коренным образом изменилась со вступлением США в войну: нацистская Германия стала врагом, против которого должна была вестись пропаганда всеми средствами, в том числе и средствами кино. В Голливуде возник спрос на новый жанр – антифашистские фильмы, для работы над которыми для большей достоверности стали приглашать с одной стороны, немецких режиссеров и сценаристов, а с другой стороны, их русских коллег. Наибольшим спросом пользовались русские эмигранты «новой волны», пополнившие колонию соотечественников в Лос-Анжелесе на рубеже 30-х –

³¹ Ханс Эйслер (Hanns Eisler; 1898–1962) – немецкий композитор-экспрессионист и общественный и политический деятель, член Немецкой академии искусств. В 1933 г. эмигрировал из Германии. С 1940 по 1948 гг. жил в США, где писал музыку для голливудских фильмов.

³² Курт Курант (Curt Courant, 1899–1968) – выдающийся немецкий, французский и американский кинооператор еврейского происхождения. В 1933 г. покинул Германию, работал во Франции, с 1938 г. переехал в Голливуд, где работал с самыми знаменитыми режиссерами, в том числе с Ч. Чаплином.

³³ Эуген Шуффтан (Eugen Schufftan, 1893–1977) – знаменитый немецкий, французский и американский кинооператор еврейского происхождения. В 1924 г. изобрел и запатентовал метод комбинированных съемок с использованием зеркал, получивший название эффекта Шуффтана, который широко использовался в первой половине XX в., впервые был применен для съемок фильма Фрица Ланга «Метрополис». В 1933 г. эмигрировал из Германии во Францию, в 1941 г. переехал в США, где сделал выдающуюся карьеру.

40-х гг., основная масса которых состояла из реэмигрантов из Европы, часто еврейского происхождения, бежавших от наступавшего фашизма. Наиболее известными из них были: актеры Михаил Чехов³⁴, Евгения Леонтович³⁵, Владимир Соколов³⁶; режиссеры Григорий Ратов³⁷ и Федор Оцеп³⁸, продюсеры Григорий Рабинович³⁹ и Иосиф Ермолев⁴⁰, а также многие другие. Антифашистская тема прочно вошла в американское коммерческое кино, задействовав и актеров-эмигрантов, которым доставались в основном эпизодические роли и роли второго плана. Так, бежавшие из нацистской Германии немецкие актеры еврейского происхождения, как например Петер Лорре или Альберт Бассерман⁴¹, играли, в основном, нацистов и злодеев-предателей. Их русским коллегам повезло больше: они приглашались на второстепенные роли представителей «русского народа», пусть и небольшие, но все же

³⁴ Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – русский и американский драматический актер, театральный педагог, режиссер. В 1928 г. эмигрировал из Советской России в Германию. С 1939 г. жил в США, создал в Голливуде свою актерскую школу, которая пользовалась огромной популярностью.

³⁵ Евгения Константиновна Леонтович (Eugenie Leontovich; 1900–1993) – русская и американская актриса театра и кино, продюсер, драматург и педагог.

³⁶ Владимир Николаевич Соколов (1889–1962) – русский актер, в 1923 г. эмигрировал из России в Германию, в 1933 г. переехал во Францию, с 1937 г. жил и работал в Голливуде, где оказался чрезвычайно востребован как актер второго плана, играя разнообразных «иностранцев».

³⁷ Григорий Васильевич Ратов (Gregory Ratoff; 1897–1960) – русский и американский режиссер, актер и продюсер. В начале 20-х гг. эмигрировал сначала во Францию, в 1926 г. – в США, сделал успешную карьеру в Голливуде.

³⁸ Федор Александрович Оцеп (Fedor Ozer, 1895–1949) – успешный русский и советский кинорежиссер, сценарист, критик и организатор кинопроизводства. В 1929 г. не вернулся в Россию со съемок в Германии, до 1940 г. работал во Франции, с началом немецкой оккупации оказался в лагере для перемещенных лиц, через Марокко нелегально бежал в США. До 1945 г. успешно работал в Голливуде.

³⁹ Григорий Исаевич Рабинович (Gregor Rabinowitsch, 1887–1953) – выдающийся международный кинопредприниматель, продюсер русско-еврейского происхождения. Эмигрировал из России после 1917 г. Жил в Германии, вместе с В.Г. Венгеровым и Д. Харитоновым создал кинофирму «Цезарь» (1923). С 1923 г. работал в Париже, где организовал киностудию «Ciné Alliance». В 1926 г. в содружестве с Н.М. Блохом сотрудничал с киноконцерном «Film de France» в Париже, затем стал ее совладельцем. Сотрудничал с режиссерами В.К. Туржанским, А.А. Волковым, М. Карне и другими. Перед Второй мировой войной уехал в США, где успешно работал в Голливуде.

⁴⁰ Иосиф Николаевич Ермолев (Josef Ermolieff; 1889–1962) – один из первых русских кинопредпринимателей, продюсер, эмигрировал из России в 1920 г., работал также во Франции, Германии, США и Мексике, учредил акционерное общество «La Société Ermolieff-Cinéma», имевшее в 20-е гг. филиалы по всей Европе.

⁴¹ Альберт Бассерман (Albert Bassermann; 1867–1952) – немецкий актер театра и кино. В 1933 г. эмигрировал из Германии, с 1938 г. жил и работал в Голливуде, в 1940 г. был номинирован на премию «Оскар» как лучший актер второго плана.

положительные. При этом главные роли положительных героев – борцов с фашизмом всегда отдавались американским «звездам».

Антифашистское кино вдохнуло новую жизнь в голливудский кинематограф, раздвинув жесткие рамки жанров. Помимо откровенно пропагандистских агиток наподобие фильма «Mission to Moscow» («Миссия в Москву»), снятого в 1943 г. немецко-австрийским эмигрантом Майклом Кертицем, под эгидой борьбы с нацизмом снималось вполне развлекательное кино. Это могли быть мюзиклы, как снятая Григорием Ратовым в 1944 г. музыкальная лента «Song of Russia» («Песнь о России»), или комедии положений, как «To Be or Not to Be» («Быть или не быть», 1942) Эрнста Любича или «Three Russian Girls» («Три русских девушки», 1943) Федора Оцепа с Анной Стэн в главной роли, мелодрамы, как «Hitler's Madman», («Безумец Гитлера», 1943) эмигрировавшего из Германии режиссера Ханса Детлефа Сирка, работавшего в Голливуде под псевдонимом Дуглас Сирк, или жесткие триллеры, как «Hangmen Also Die!» («Палачи тоже умирают», 1943) Фрица Ланга. А иногда все жанры смешивались и получались шедевры, как, например, знаменитая «Casablanca» («Касабланка», 1942 г.) Майкла Кертица.

В результате эмигрировавшие из нацистской Германии и Советской России продюсеры, режиссеры, сценаристы и актеры, готовые постоянно учиться, чтобы жить и работать по стандартам Голливуда, были относительно быстро включены в кинопроизводство. Таким образом, многие беженцы из Европы, будь то немцы или русские, смогли интегрироваться в студийную систему Голливуда и перенять американский менталитет. Но значительная часть европейской кинематографической эмиграции так и не смогла отказаться от своих национальных корней и культурных традиций. Не встроившись в американское кинопроизводство, тысячи беженцев из Германии и России так и остались чужими в Голливуде.

Библиографический список

1. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
2. Бертенсон С. В Голливуде с В.И.Немировичем-Данченко (1926–1927) / Сост. К.Аренский. Монтерей; Мюнхен, 1964. 166 с.
3. Вл.И.Немирович-Данченко в Голливуде / Публ. документов И.Долинского, С.Чертока // Искусство кино. 1965. №4.
4. Иван Мозжухин. Миражи Голливуда // Заря. 1930. 7 марта. №366.
5. Камышников Л. Голливуд в память М.И.Вавича // Новая заря. 1930 г. 14 октября.
6. Лебедев Н. Кино. Его краткая история. Его возможности. Его строительство в советском государстве. М.: Гос. изд-во, 1924. 216 с.
7. Левицкий А. Рассказы о кинематографе. М.: Искусство, 1964. 248 с.
8. Нусинова К, Цивьян Ю. Взгляд друг на друга. Два русских кино // Искусство кино (Москва). 1996. №4.
9. Нусинова Н. Кино эмигрантов: стиль и мифология // Киноведческие записки (Москва). 1993. №18.
10. Нусинова Н. Когда мы в Россию вернемся... Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939). М.: НИИК, Эйзенштейн-центр, 2003. 460 с.
11. Островский Г. Одесса, море и кино. Одесса: Маяк, 1989. 182 с.
12. Русские в Голливуде // Театр и жизнь. Париж, 1931. №41.
13. Тен В. А. Иммиграционная политика США в XVII–XX веках. Краткий исторический очерк. М.: Диалог-МГУ, 1998. 136 с.
14. Цивьян Ю.Г. К генезису русского стиля в кинематографе // Wiener Slavistischer Almanach. 1984. Bd. 14.
15. Шумахер Э. Жизнь Брехта. Leben Brechts. М.: Радуга, 1988. 350 с.
16. Янгиров Р. «Обретение дара речи». «Русский акцент» в начале звуковой эпохи французского кинематографа 1929–1932 // Киноведческие записки (Москва). 2003. №65.
17. Янгиров Р. «Рабы немого». Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом 1920–1930-е годы. М.: «Русское зарубежье», 2007. 494 с.
18. Янгиров Р. Голливудский мираж Ивана Мозжухина // Киноведческие записки (Москва). 2002. №58.
19. Arendt H. “Wir Flüchtlinge” (“We Refugees”, 1943) // Arendt H. *Zurzeit. Politische Essays* / Hg. von M. – L. Kott, Berlin, 1986.
20. Asper H.G. “Etwas Besseres als den Tod”. *Filmexil in Hollywood. Porträts, Filme, Dokumente*, Marburg, 2002.
21. Barron St., Eckmann, S. (Hg.): *Exil: Flucht und Emigration europäischer Künstler 1933–1945*, München, 1998.
22. Brecht B. *Arbeitsjournale, 03.09.42* // Bertolt Brecht: *Werke. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe*, hg. von Werner H., Bd. 27: *Journale 2*, Berlin, Weimar, Frankfurt a. M., 1995.

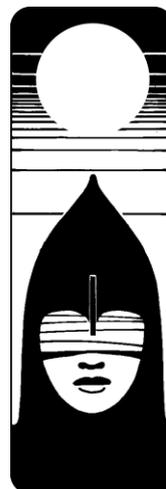
23. Buchowetzki C. Called "Most American" Film Director // Los Angeles Examiner, 1925. July.
24. Gay P. Weimar Culture: The Outsider as Insider. Harper & Row, 1968; W.W.Norton, 2001.
25. Gersch W. Brecht in Holliwood // Film bei Brecht. Berlin: Henschelverlag, 1975.
26. Granach A. Du mein liebes Stück Heimat. Briefe an Lotte Lieven aus dem Exil. Hrsg. von A. Wittlich und H. Recher. Augsburg: Ölbaum, 2008.
27. Haas D. "Da passiert doch was mit unseren Gefühlen". Dolly Haas über ihre Emigration und das Exil // Helga Belach (Red.): Stiftung Deutsche Kinemathek: Exil: Sechs Schauspieler aus Deutschland, Berlin 1983.
28. Hans-Albert Walter (Hrsg.): Deutsche Exilliteratur 1933–1950, 7 Bde. Luchterhand, 1972–1974.
29. Hilchenbach, M. Kino im Exil. Die Emigration deutscher Filmkünstler 1933–1945, München, New York, London, Paris, 1982.
30. Horak J. – Ch. Fluchtpunkt Hollywood. Eine Dokumentation zur Filmemigration nach 1933. Münster, 1986.
31. Horak J. – Chr. Exilfilm, 1933–1945. // Jacobsen W., Kaes A., Prinzler H.H. (Hg.). Geschichte des deutschen Films. 2. Auflage. Stuttgart: Metzler 2004.
32. Klapdor H.(Hg.). Kohner P. "Ich bin ein unheilbarer Europäer". Briefe aus dem Exil. Berlin 2007.
33. Krohn K. – D. Deutsche Emigration 1933–1945: Profil der Fluchtbewegung. Berlin, 2000.
34. Krohn C. – D. Wissenschaft im Exil. Deutsche Sozial- und Wirtschaftswissenschaftler in den USA und die New School for Social Research. Frankfurt/New York: Campus 1987.
35. Krohn, K. – D., Mühlen, P. (Hg.): Handbuch der deutschsprachigen Emigration 1933–1945, 2. Aufl., Darmstadt 2008.
36. Prucha, M. (Hg.): Unerwünschtes Kino. Der deutschsprachige Emigrantenfilm 1934–1937, Wien 2000.
37. Schumacher E. Mein Brecht. Erinnerungen. Berlin: Henschelverlag, 2006.

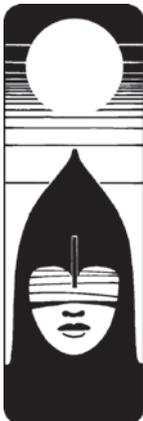
Любовь к отечеству должна исходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит – пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому.

Виссарион Белинский

Принимать близко к сердцу радости и горести Отечества способен лишь тот, кто не может пройти равнодушно мимо радостей и горестей отдельного человека.

В.А.Сухомлинский

Салават Исхаков

М.Э.РАСУЛЗАДЕ КАК ПОЛИТИК

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

329.3:297

Статья посвящена взглядам одного из азербайджанских лидеров первой трети XX века М.Э.Расулзаде, социалиста, теоретика и лидера правившей в Азербайджанской республике (1918–1920 гг.) партии «Мусават» («Равенство»), а также влиянию этой партии на ситуацию в Азербайджанской ССР в 1920-е годы.

The article is devoted to the views of one of the Azerbaijani leaders of the first third of the 20th century, M.E.Rasulzade, a socialist, theorist and leader of the ruling “Musavat” (“Equality”) party in the Republic of Azerbaijan (1918–1920), as well as the influence of this party on the situation in the Azerbaijan SSR in 1920s.

Ключевые слова: Азербайджанская республика; М.Э.Расулзаде; А.М.Топчибашев; национальная политика; «Мусават».

Key words: Azerbaijan Republic; M.E.Rasulzade; A.M.Topchibashev; national policy; “Musavat”.

E-mail: rusrevref@mail.ru

В революции

В современной азербайджанской историографии налицо большой интерес к судьбам политэмигрантов, оказавшихся после установления

в 1920 г. советской власти в Азербайджане в разных странах. При этом, с одной стороны, очень часто создаются образы «пламенных» борцов против советской власти, а также формируются определенные «правила» написания их биографий, с другой – с появлением различных источников возникает все больше вопросов относительно подлинных мотивов поведения тех или иных эмигрантских деятелей. В первом случае речь идет фактически не о научных исследованиях, а о пропагандистских публикациях, что рассматривается со стороны власти как важный элемент влияния на общество, в особенности на молодежь. Особую роль в этой ситуации приобретает сложная фигура М.Э.Расулзаде, о котором имеются сотни самых различных публикаций.

Не вдаваясь в его биографию, которая общеизвестна, обратим внимание на такой аспект его мировоззрения, как отношение к революции. Как и многие другие революционеры начала XX века, он вдохновлялся Великой французской революцией, ее идеями свободы, равенства и братства. Название возглавляемой им политической партии «Мусават», т.е. равенство, яркое тому подтверждение. Новая, социалистическая, идеология преломилась в сознании этого политика, что подтверждается его практическими делами после падения самодержавия в Российской империи в 1917 г. Во многом его воззрения как революционера сложились как реакция на кризисное состояние в азербайджанском обществе: возросшую социальную дифференциацию, массовое обнищание населения, падение уровня жизни.

Главным условием достижения выхода из этого глубокого кризиса и обновления общественно-политической жизни Азербайджана он считал наличие такой политической партии, которая соответствовала бы социально-экономической ситуации на его родине. Так, в статье, опубликованной в бакинской газете «Ачыг сез» (Правда) 25 октября 1917 г., накануне открытия I съезда Тюркской партии федералистов «Мусават» в Баку, он писал, что человек, каким бы он ни был сознательным, самоотверженным и сильным, все же он – единица. Отдельные люди в странах, где существует демократический строй, организуют партию, которая может улучшить положение народа. Политические партии являются, по его мнению, силой народа, а политическая идея может распространяться и найти сторонников среди народа только посредством

такой партии, которая должна соответствовать условиям исторического положения данного народа.

Мусульманский Восток, по его мнению, проходил период национального пробуждения и с этой точки зрения идея «тюркизм, исламизм и современность», предложенная мусаватистами, являлась наиболее подходящей не только для Азербайджана. На этом съезде сторонники прогресса и современности, отмечал он, собрались, чтобы определить политическую идею с целью добиться возможности жить с национальной культурой и достоинством [11, s.334–335].

26 октября 1917 г., выступая на этом съезде, Расулзаде, словно в противовес только что случившемуся в Петрограде большевистскому перевороту, дал такую оценку текущей политической ситуации, говоря своим однопартийцам однозначно: свободу российским тюнкам дала русская революция, под которой он понимал Февральскую революцию. «Лучшей чертой нашего народа является благодарность, поэтому я, – сказал он, – предлагаю почтить память павших за революцию вставанием», что и было сделано делегатами съезда.

Затем он заявил: «Революция выдвинула на арену – на первое место рабочие, земельные вопросы, а также лозунги мира и самоопределения народов... Но вместо мира продолжалась война, народам, заявившим о своих правах, отвечали старыми методами...» Народы Востока, говорил он, в течение нескольких веков переживали период застоя, который достиг таких размеров, что у них пропала всякая надежда на прогресс и развитие культуры. Причиной этого было отсутствие идеала, цели и идеи у этих народов. Во время этой «спячки» угнетение и притеснение «западного империализма» дошли до того, что «мы были придавлены», и теперь «мы переживаем период пробуждения и идем по направлению к нашей национальной идее и цели...» Второй причиной столь бедственного положения мусульманских народов, по мнению Расулзаде, было не столько притеснение со стороны других, сколько то, что «мы не имели идею и не знали свою историю, не знали самих себя».

Какая же цель им выдвигалась? К чему он призывал азербайджанское общество осенью 1917 года? После падения самодержавия, говорил далее Расулзаде на этом съезде, «одним из устоев свободы является обеспечение свободы личности... Как отдельная личность имеет свою цель, желания, требования, так и народ в целом имеет свои цели, требования и национальную идею... Целью тюнкаского народа является прогресс». Эта задача потребует много лет, обоснованно считал он, отмечая: «Такие

крупные вопросы не могут быть разрешены в течение нескольких дней или месяцев...» Исходя из реальности он тем самым подчеркнул, что перемены в Азербайджане только начинаются и они продлятся не один год, т.е. выступил определенно уже как реформатор.

В этой же речи он сказал о том, на что не обращают внимания азербайджанские историки: «Тот, кто знаком с историей революции, тот поймет нашу революцию...» [3, 29 октября]. На двух последних словах следует остановиться. Что хотел он выразить ими? Как следует из той революционной деятельности, которую он сам вел до 1917 г., «наша революция» означает, что представители этого края были ее участниками, а кардинальные перемены здесь, начавшиеся, как и по всей империи, весной 1917 г. после падения монархии, были важной частью этой общей революции.

Как он определял эту революцию? Выступая 9 апреля 1918 г. в Тифлисе на заседании Закавказского сейма, он назвал ее «Великой российской революцией» [1, 28 мая]. В речи на чрезвычайном заседании Национального совета Азербайджана 17 июня 1918 г. в Гяндже он заявил, что «азербайджанский идеал» рожден вследствие Первой мировой войны и «Российской революции». Он был уверен, что Азербайджан воспользуется «свободами Российской революции», и не сомневался, что в «независимом Азербайджане общественные и личные свободы» будут шире, чем в прежней деспотической России [2, 28 мая].

Анализируя общую ситуацию в бывшей империи после прихода к власти большевиков и диктатуры пролетариата, он заявил, что эта ситуация «рождает в нас мысль о крахе принципов русской революции» и призвал не поддаваться таким настроениям, считая, что революция не потерпела краха [2, 28 мая]¹. Из этого следует, что он не был сторонником большевиков и их методов управления обществом.

В его статье «Самостоятельность», опубликованной 4 декабря 1918 г., Расулзаде так оценил роль революции: «Каждый народ имеет право устраивать по своему усмотрению свою судьбу. Этот принцип был лейтмотивом русской революции...» [1, 4 декабря]. Здесь Расулзаде вновь использовал сочетание «принципы революции». Все вышеизложенные рассуждения означают, что его высказывания тогда имели либеральный характер.

Что касается его взглядов по внешней политике, то на заседании Закавказского Сейма 16 февраля 1918 г. Расулзаде отметил, что народы

¹ В книге А. Балаева при цитировании этих слов было пропущено ключевое слово «принципы» (См.: [4, с.123]), что привело к искажению смысла данного важного заявления.

Востока, пережившие «все ужасы» колониальной европейской политики, «обращают свои взоры на своих соседей, на демократию, с которой вместе живут, а не на Лондон, Париж и Берлин и другие центры капитала, которые играют с народами» и думают о них только тогда, когда это «им необходимо в своих корыстных целях». Под другими центрами он имел в виду и имперский Петербург, о котором отозвался далее так: все народы Российской империи достаточно знают «истинный смысл и истинную физиономию русского централизма, русского империализма» [5, с.29–32]. По этому заявлению можно судить о том, что он был противником колониальной политики и выступал за равноправные отношения между странами.

Во главе Азербайджанской республики

Став лидером фракции партии «Мусават» парламента Азербайджанской республики, Расулзаде в статье по поводу мирной конференции

в Париже призвал, во-первых, азербайджанских дипломатов проявить там «работоспособность, старание и настойчивость», во-вторых, призвал азербайджанское общество к тому, чтобы «мы тут, на месте, тоже работали и доказали, что мы заслуживаем того, что мы требуем», в-третьих, он обратился к «демократии» США и Западной Европы проявить в вопросе устройства судеб «малых» народов «все свое влияние» на правящие круги этих стран с целью официального признания молодой республики. Не случайно именно в том же январе он опубликовал статью, посвященную Великой французской революции, в которой было сказано: «Париж – столица народа, давшего миру исторический пример свержения ига деспотизма, Париж – родина «Декларации прав человека», политических заповедей всего революционного мира...» [2, 24 января].

Правительства же победивших в Первой мировой войне держав, с одной стороны, заявляли о своей приверженности принципу свободного самоопределения народов, но с другой – фактически отказали всем мусульманским народам Российской империи, несмотря на признание де-факто азербайджанского правительства, стать на путь самостоятельной государственной и политической жизни. Поэтому, несмотря на все усилия дипломатической деятельности в пользу признания Азербайджанской республики западными державами, ее результаты были весьма незначительными. Руководитель азербайджанской дипломатической делегации А.М. Топчибашев, давая интервью парижской газете

“Le Temps” 8 февраля 1921 г., констатировал, что даже признание в январе 1920 г. союзниками де-факто Азербайджанской республики все же оставляло место невыгодным для окраинных государств суждениям: в фактическом признании иногда хотели видеть как бы возможность при известных условиях возврата к прежнему положению вещей, т. е. к царскому времени.

О том, что влияние внешних санкций и внутреннего социально-экономического кризиса все более и более отражалось на азербайджанском обществе, свидетельствует, в частности, тот факт, что в декабре 1919 г. в Баку состоялся II съезд партии «Мусават», на котором был предложен курс на решительные перемены в управлении обществом для выхода из кризиса. Взгляды Расулзаде как лидера этой партии отразились в принятой на этом съезде новой партийной программе, суть которой состояла в демократизации и секуляризации азербайджанского общества. Он подчеркивал значение руководства массами со стороны «Мусавата», задачей которого должно быть воспитание масс в соответствии с демократическими преобразованиями в новом государстве.

В апреле 1920 г. руководство этой республики капитулировало перед большевистским Кремлем.

В эмиграции

Находясь после установления в Азербайджане советской власти в 1920 г. в политэмиграции, Расулзаде продолжал изучать то, что произошло в Российской империи в 1917 г. и в Азербайджане в 1918–1920 гг. Так, в своей знаменитой книге «Азербайджанская Республика», изданной в 1923 г. в Стамбуле, он продолжал считать, что в России в 1917 г. произошла «великая революция» [6, с.41]. В 1933 г. в статье, написанной им на русском языке, он характеризовал ее как «русская революция» [8, с.13], в 1934 г. в его статье на французском языке также сказано «русская революция», в августе 1936 г. в докладе на конференции партии «Мусават» в Варшаве он по-прежнему использовал тот же термин, однако в докладе, сделанном в Париже 7 января 1936 г., он вновь говорил о ней как о «великой революции» [6, с.158, 184, 196].

Каким было отношение Расулзаде к антисоветским выступлениям в Азербайджане? Об этом, в частности, можно судить по его письму к А.М.Топчибашеву от 17 октября 1924 г., где он отмечал, касаясь событий на Кавказе: «Мы находили, что пока Россия не вовлечена в ка-

кую-нибудь серьезную войну или в России не вспыхнули серьезные осложнения, никакое вооруженное выступление не приведет к цели и мы рискуем подвергать наши народы (Кавказа. – С.И.) неслыханной катастрофе, которая может отодвинуть дело освобождения на многие годы» [10, с.53]. Он полагал, что массовые репрессии приведут к огромным потерям для его народа, что в той ситуации нужно ждать.

Между тем в Азербайджане, несмотря на такую позицию лидера «Мусават», антисоветское движение усиливалось, о чем подробно сказано, в частности, в аналитической записке Особого отдела ОГПУ (от 10 октября 1931 г.), подготовленной для высшего руководства Советского Союза (см. Приложение). В этой записке, рассекреченной несколько лет назад, признавалось, что «на протяжении всего существования советской власти в Азербайджане «Мусават» был руководящей, организующей силой контрреволюционного движения как за границей в кругах тюркской эмиграции, так и в городе и деревне внутри Азербайджана». На чем было основано, по данным чекистов, такое сильное влияние «Мусавата» среди азербайджанского народа?

В записке дан такой ответ: достаточно проанализировать имеющиеся материалы по мусаватистам для того, чтобы прийти к совершенно определенному выводу, что «Мусават» резко отличается от русских и кавказских политических партий. Его программа фактически известна только в эмигрантских кругах и среди образованной мусаватской «верхушки» внутри Азербайджана, а масса участников мусаватских организаций не знакома с этой программой и объединена не программой, а «повстанческими» лозунгами, причем «феодално-клерикальные элементы» внутри Азербайджана, в вовлечении которых мусаватисты заинтересованы, например, «сознательно не знакомятся с программой, так как в ней имеются пункты, идущие вразрез с исламом». Повстанческое движение в азербайджанской деревне началось «с самого начала гражданской войны» и теснейшим образом организационно связано с мусаватским подпольем. Уже в 1920–1921 гг. во всех восстаниях, вспыхнувших в Гянджинском, Карабахском, Ленкоранском уездах, мусаватисты играли активную и фактически руководящую роль. Расширение социальной базы «Мусавата» в деревне продолжалось все время. «Еще более серьезной» была роль «Мусавата» в повстанческом движении 1930 г. На 1 января 1930 г. в азербайджанской деревне было учтено около 60 мусаватских ячеек, охватывающих 600 человек. Таким образом, аналитики Лубянки считали, что с приходом советской власти весной 1920 г. в Азербайджан там на самом деле значительно выросли антисо-

ветские настроения азербайджанского народа, периодически возникали локальные очаги гражданской войны.

За рубежом, – отмечалось в этой же записке, – фактически мусаватской организацией являлся Азербайджанский национальный центр (АНЦ), который представлял собой межпартийный орган, объединяющий всю азербайджанскую эмиграцию, а на деле состоял из четырех мусаватистов и одного беспартийного, весьма близкого к мусаватистам. АНЦ непосредственно входил в функционирующий в Париже Комитет независимости Кавказа (КНК). Значительным влиянием мусаватисты пользовались также в мирной делегации, избранной азербайджанским парламентом в 1919 г. для представительства на Версальской конференции. «Будучи наиболее мощным ядром всей тюркской эмиграции вообще, мусаватисты не только заслуживают серьезнейшего внимания как сила, конкурирующая с грузинскими партиями в КНК, но обращают также на себя внимание как группа, пользующаяся исключительным влиянием в туркестанской и даже в татарской эмиграции». «Мусават» втянул в свои ряды и взял под свое влияние основную массу тюркской азербайджанской интеллигенции, придавал большое значение участию национальной интеллигенции в противодействии советской власти на идеологическом фронте.

Таким образом, этот документ свидетельствует, что при советской власти в Азербайджане началось народное сопротивление, выражавшееся в восстаниях, в «повстанчестве», имевшее целью свержение этой власти. В Азербайджане началось социальное движение, охватившее самые разные слои азербайджанского общества, представители которого стали бороться за свою независимость и государственность, несмотря на большие жертвы.

В этом документе есть цитаты из доклада Расулзаде, который он предоставил польскому консульству в Стамбуле в 1926 г., а именно: «По своей идеологии и программе-максимум партия “Мусават” является партией тюркской²»; в 1918 г. II съезд партии «Мусават» выдвинул идею Кавказской конфедерации. «Такое объединение Кавказа как политической формы, способствующей освобождению Кавказа от русского вторжения и завоевания, по мнению партии, ничем не противоречит интересам освобождения турецких народов от того же ненавистного русского империализма; наоборот, служа гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг, может служить наилучшим фактором в борьбе турецких народов с ве-

---

² Т.е. тюркской. Тюрками тогда называли официально азербайджанцев.

ковым врагом». Вышеуказанные фразы из этого доклада повторяются дословно в другом докладе М.Э.Расулзаде, который он сделал на конференции партии «Мусават» в Варшаве в августе 1936 г. [См.:6, с.197], а затем вновь передал польским представителям для сведения. Однако эта партия после 1920 г. становилась все более и более именно азербайджанской, а не тюркской.

Возникает вопрос, каким образом этот стамбульский доклад попал на Лубянку? Очевидно, что в верхушке стамбульской азербайджанской политэмиграции (Заграничном бюро партии «Мусават» и Азербайджанском национальном центре) имелся большевистский агент, который, имея доступ к подобным документам, передавал и другую секретную информацию о ее делах, планах, связях и пр. Рассекреченные в современной Грузии архивные данные позволили установить, что в Москве имели точную информацию о деятельности Загранбюро и АНЦ от этого агента. Так, 11 октября 1927 г. в Стамбуле состоялось очередное заседание Загранбюро партии «Мусават», на котором присутствовал и этот агент, который составил подробное описание, вскоре пересланное им в Иностраннный отдел Закавказского ГПУ в Тифлисе [7, с.309, 315], откуда это сообщение было направлено в Москву. В историографии установлено, что президиум Загранбюро состоял из трех лиц: М.Э.Расулзаде (председатель), Х.Хасмамедов и М.С.Ахунзаде [4, с.229], а членами этого бюро являлись 14 эмигрантов, в том числе такие известные азербайджанские политики, как М.Векилов, А.Кязымзаде, Ш.Рустамбеги [См.: 12, с.37]. Эпизод со стамбульским докладом означает, что этим информатором Москвы был один из 17 членов этого бюро. Этот представитель политической элиты Азербайджанской республики затем вошел в верхушку азербайджанской политэмиграции, принимая самое непосредственное участие в управлении ее делами, а также контактируя с представителями государственных, дипломатических, военных ведомств, в том числе спецслужб различных стран. Кто же им был? Ответ на этот вопрос находится в рассекреченных в Баку и Тбилиси архивах советских спецслужб.

Таким образом, в эмиграции М.Э.Расулзаде занял фактически позицию непротивления советской власти, несмотря на острую критику в своих многочисленных публикациях в зарубежной прессе действий большевистской Москвы и особенно ее представителей в Баку, а его действия как одного из руководителей азербайджанской политэмиграции вскоре стали известны на Лубянке.

Приложение

Докладная записка ОО ОГПУ о контрреволюционной националистической тюркской партии «Мусават»³

10 октября 1931 г.

I

Роль «Мусавата» в контрреволюционном движении среди тюркских народов и особенно азербайджанских тюрков чрезвычайно велика. На протяжении всего существования советской власти «Мусават» был руководящей, организующей силой контрреволюционного движения как за границей в кругах тюркской эмиграции, так и в городе и деревне внутри Азербайджана. С 1928 г. «Мусават» настолько сблизился с польской разведкой, что шпионаж сделался одним из неотъемлемых существеннейших составных элементов деятельности мусаватистов на нашей территории. Достаточно проанализировать основные материалы, касающиеся программы и деятельности «Мусавата», для того, чтобы утверждать со всей категоричностью, что разработка мусаватистов логически приводит к разработкам повстанческого движения и бандитизма в азербайджанской деревне, разработке национальной интеллигенции и национальной молодежи в Азербайджане и отчасти даже в Туркмении, наконец, к разработкам польского и турецкого шпионажа (в Азербайджане) и разработке тюркской эмиграции.

В настоящее время во главе «Мусавата» за границей стоит «Загранбюро ЦК» в составе: а) М.Э.Расулзаде (бывший председатель Азербайджанского парламента, лицо наиболее близкое к полякам, сам проживает в Варшаве) – председатель «З.Б.»; б) Мустафа Векилов⁴ (тесно связан с советником польского посольства в Турции Гавронским⁵ и турецкими разведывательными органами) – заместитель председателя и в) членов «З.Б.»: Рустамбекова⁶ (связан с турецкой разведкой), Мамед-Али Расул-

³Примечания к документу автора.

⁴Векилов Мустафа (1896–1965) – родственник А.М.Топчибашева по линии его матери (урожденной Векиловой), в 1915 г. окончил юридический факультет Московского университета, во время учебы участвовал в революционном движении в Москве, в 1917 г. член ЦК «Мусават», кандидат во Всероссийское Учредительное собрание, депутат Закавказского сейма (1918 г.), затем депутат парламента, заместитель министра внутренних дел, министр внутренних дел Азербайджанской республики. После ее падения уехал в Турцию. Политэмигрант. В 1927–1936 гг. член Азербайджанского национального центра.

⁵Гавронский Ян (1892–1983) – польский дипломат, в 1929–1932 гг. секретарь посольства Польши в Ангоре.

⁶Рустамбейли (Рустамбеков) Шафи бек (1893–1960) – юрист, публицист, участник революционных событий в России, в 1917 г. член ЦК «Мусават», депутат Закавказского сейма (1918 г.), депутат парламента Азербайджанской республики, работал в правительственном

заде⁷ (брат М.Эмина), Хасмамедова⁸ (бывший министр внутренних дел мусаватского правительства), Мирза Бала⁹ и Кязымзаде¹⁰.

Местом пребывания «Загранбюро ЦК» является Константинополь, причем поляки непосредственное давление на «З.Б.» оказывают через М.Э.Расулзаде и польское посольство в Константинополе. Фактически мусаватской организацией является так называемый Азербайджанский национальный центр, который формально представляет собой межпартийный орган, объединяющий всю азербайджанскую эмиграцию, а на деле состоит из четырех мусаватистов и одного беспартийного (Амирджанов¹¹), весьма близкого к мусаватистам. Указанный «Азербайджанский центр» непосредственно входит в функционирующий в Париже «Комитет независимости Кавказа». Значительным влиянием мусаватисты пользуются также в так называемой мирной делегации, избранной азербайджанским парламентом в 1919 г. для представительства на Версальской конференции. Влияние мусаватистов в «Мирной делегации» резко усилилось после того, как член делегации, бывший иттихадист Мир-Якуб Мехтиев¹² официально вступил в «Мусават» и фактически оттеснил от руководства

аппарате Азербайджанской республики. После ее падения уехал в Тифлис, возглавил Комитет спасения Азербайджана (февраль 1921 г.). После падения Грузинской республики уехал в Стамбул. Политэмигрант. В 1927–1928 гг. член Азербайджанского национального центра.

⁷ *Расулзаде Мамед-Али (1884–1982) – двоюродный брат М.Э.Расулзаде, один из основателей партии «Мусават», депутат парламента Азербайджанской республики, политэмигрант.*

⁸ *Хас-Мамедов (Хасмамедов) Халил бек (1875–1947) – дворянин, юрист, домовладелец, землевладелец, депутат II и III Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. он один из руководителей Тюркской партии федералистов, объединившейся с партией «Мусават», член ее ЦК, депутат Закавказского сейма, министр юстиции, затем министр путей сообщения, внутренних дел Азербайджанской республики, депутат ее парламента, с 1 апреля 1920 г. посол Азербайджана в Турции. Политэмигрант. В 1927–1932 гг. член Азербайджанского национального центра.*

⁹ *Мамедзаде Мирза Бала (1898–1959) – публицист, член Бакинского комитета партии «Мусават» (1919 г.), после падения Азербайджанской республики в апреле 1920 г. работал переводчиком, преподавателем, вел нелегальную работу, в 1923 г. арестован, но вскоре освобожден, в мае 1924 г. эмигрировал в Иран, в 1927 г. приехал в Стамбул, где поступил на юридический факультет Стамбульского университета, в 1932 г. приехал в Польшу. Активный деятель азербайджанской политэмиграции.*

¹⁰ *Кязымзаде Аббас (1882–1947) – один из основателей партии «Мусават», политэмигрант.*

¹¹ *Амирджанов Абдул (1870–1948) – учитель, публицист, министр финансов, затем государственный контролер в правительстве Азербайджанской республики (1918 г.). Политэмигрант. В 1927–1932 гг. член Азербайджанского национального центра.*

¹² *Мехтиев (Мирмехдиев) Мир-Якуб (Мир Язуб, Мирягуб) (1891–1952) – экономист. После Февральской революции 1917 г. заместитель председателя Бакинского мусульманского национального комитета, гласный Бакинской гордумы, член парламента Азербайджанской республики, член ее делегации на Парижской мирной конференции, затем политэмигрант. В 1927–1936 гг. член Азербайджанского национального центра.*

председателя делегации Топчибаши¹³ (известный нефтепромышленник, бывший член 1-й Государственной думы), постоянно не ладившего с руководителями «Мусавата» и пытавшегося монополизировать право представительства всей азербайджанской эмиграции. Из мусаватских ячеек за кордоном (Турция и Персия) особое внимание обращают на себя мусаватские организации в Тавризе и Карсе, играющие значительную роль в деле активизации повстанческой контрреволюции на нашей территории и непосредственно организующие диверсионный бандитизм и разведывательную работу в пользу Польши и Турции. Мусаватское подполье на нашей территории претерпевало значительные изменения в связи с ударами с нашей стороны. Вплоть до значительного разгрома мусаватистов в 1927 г. в разных составах непрерывно возрождались ЦК и БК¹⁴ Мусавата. Существование ЦК в настоящее время не выявлено. Характерно, что из последней крупной разработки мусаватистов «Подпольщики» явствует, что курьеры закордонных организаций связываются непосредственно с низовыми мусаватскими организациями. Из этой же разработки очевидно существование мусаватского подполья в Баку, Сальянах и Кубе.

II

«Мусават» – тюркская демократическая партия федералистов возникла непосредственно после революции 1905 г. и оформилась в 1917 г. как партия, ставящая своей задачей провозглашение независимости Азербайджана и последующее объединение всех тюркских народов на основе федерации: «По своей идеологии и программе-максимум партия "Мусават" является партией тюркской. [...]»¹⁵ Турецкие племена, как народы единой родственной культуры, когда-нибудь образуют общую тюркскую федерацию» (доклад М.Э.Расулзаде польскому консульству в Константинополе в 1926 г.).

В 1918 г. II съезд «Мусавата» выдвинул идею Кавказской конфедерации. «Такое объединение Кавказа, как политической формы, способствующей освобождению Кавказа от русского вторжения и завоевания,

¹³Топчибашев Али Мардан бек (1862–1934) – депутат I Государственной думы Российской империи, один из основателей Азербайджанской республики в мае 1918 г., председатель ее парламента в 1918–1920 гг., с 20 августа 1918 г. министр иностранных дел, с 23 августа чрезвычайный посол и полномочный министр был командирован в Стамбул, с 28 декабря 1918 г. председатель азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции. После установления советской власти в Азербайджане в апреле 1920 г. остался в Париже. Политэмигрант. В 1927–1928 гг. член Азербайджанского национального центра.

¹⁴Бакинский комитет.

¹⁵Здесь и далее отточие в документе.

по мнению партии, ничем не противоречит интересам освобождения турецких народов от того же ненавистного русского империализма; наоборот, служа гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг, может служить наилучшим фактором в борьбе турецких народов с вековым врагом» (там же).

В связи с этим заявлением нынешнего председателя Загранбюро «Мусавата» должны быть сделаны следующие выводы:

а. Идея Кавказской конфедерации воспринята «Мусаватом» как единственное реальное средство поддержки империалистов и необходимой последним концентрации и консолидации всех контрреволюционных сил Закавказья.

б. Пантюркизм является для «Мусавата» лозунгом, на основе которого возможны привлечение широких масс и контакт с контрреволюционными организациями других националистических республик («Милли Фирка»¹⁶, туркменская националистическая интеллигенция, «Милли Истикляль»¹⁷).

Таким образом:

1. С политическими партиями Армении и Грузии мусаватистов связывают общие интересы борьбы с советской властью, а по существу обязательства перед империалистами. Голушко¹⁸ на февральской конференции контрреволюционных эмигрантских партий (1931 г.) в Варшаве прямо заявил: «Идеал общей кавказской организации и объединенного Кавказа является той же комбинацией, при которой мы можем практически подойти к делу. Вне этого не ожидайте от нас ни помощи, ни сотрудничества».

2. С тюркской контрреволюцией (крымской, узбекской и особенно туркменской) «Мусават» объединяют лозунги пантюркизма, играющие существенную роль в деле вовлечения в контрреволюционное движение широких масс. Будучи наиболее мощным ядром всей тюркской эмиграции вообще, мусаватисты не только заслуживают серьезнейшего внимания как сила, конкурирующая с грузинскими партиями в КНК, но обращают также на себя внимание как группа, пользующаяся исключительным влиянием в туркестанской и даже в татарской эмиграции. В течение долгого периода своей деятельности и придя, правда, на короткий период к власти, «Мусават» втянул

---

¹⁶ *Милли фирка (Народная партия) – политическая партия крымских татар, создана в Крыму в 1917 г.*

¹⁷ *Имеется в виду «Туркестан милли истиклял джамияти» (Общество национальной независимости Туркестана).*

¹⁸ *Голушко Тадеуш (1889–1931) – публицист, с 1920 г. сотрудник Отдела II польского Главного штаба, дипломат, в 1926–1927 гг. директор варшавского Института национальных проблем, в 1927–1930 гг. начальник Восточного отдела МИД Польши, в 1930 г. депутат польского сейма.*

в свои ряды и взял под свое влияние основную массу тюркской азербайджанской интеллигенции. Придавал, как и все контрреволюционные организации на Востоке, большое значение участию национальной интеллигенции в контрреволюционной работе и противодействию деятельности советской власти на идеологическом фронте. «Мусават» обращал и обращает исключительное внимание на националистическую контрреволюционную обработку молодежи. Нелегальные ЦК и БК Мусавата, ликвидированные в 1927 г., добились в свое время исключительных успехов в области захвата органов и учреждений Наркомпроса. Основные командные высоты в Баку, Бакинском, Сальянском, Агдашском, Курдистанском, Карягинском, Ленкоранском, Казахском, Шемахинском, Геокчайском уездах и Нахичеванском крае – одним словом, всюду, кроме Закаталья и Нухи. Уездные отделы народного образования и наиболее важные школы фактически находились в руках мусаватистов. В своих показаниях арестованный председатель ЦК «Мусавата» Агамалиев¹⁹ прямо указал на то, что: «Главнейшая задача работы ЦК заключалась в ведении культурно-просветительской работы в националистическом духе среди молодежи, в том, чтобы вырвать тюркскую молодежь из-под коммунистического влияния». Несмотря на то, что такая заостренная формулировка в этом вопросе, несомненно, имеет целью смазывание повстанческой работы ЦК, совершенно несомненно, что работа среди молодежи всегда являлась одной из важнейших задач мусаватского подполья. В свою очередь, азербайджанская контрреволюционная интеллигенция, прямо примыкающая к мусаватистам, либо, так или иначе, с ними связанная, как одна из наиболее политически и идейно квалифицированных, оказывает известное влияние на узбекскую и значительное влияние на туркменскую интеллигенцию. Связи националистической контрреволюции в Азербайджане с контрреволюционными кругами Узбекистана и особенно Туркмении общеизвестны. Сейчас уже совершенно очевидно, что общий подъем контрреволюционной активности туркменской националистической интеллигенции связан с имевшим место и продолжающимся в настоящее время наплывом в Туркмению националистических контрреволюционных элементов из Азербайджана. Все это позволяет сделать следующие выводы:

а. Разработка мусаватистов, главным образом, в пределах КНК и связей с грузинскими меками²⁰, национал-демократами и дашнаками неправильна.

б. Сосредоточение разработки мусаватистов в СПО в силу значения пантюркских лозунгов, роли мусаватистов в тюркских областях

---

¹⁹ *Данных о нем не обнаружено.*

²⁰ *Меньшевиками.*

и среди тюркской эмиграции привело бы к резкому раздроблению связанных между собой разработок, не дало бы возможности концентрировать необходимые материалы и, следовательно, правильно руководить разработками не только азербайджанской, но и, в значительной степени, туркменской интеллигенции, рядом разработок, связанных с тюркским контрреволюционным движением вообще и разработками по туркестанской, горской и частично татарской эмиграции.

III

Достаточно проанализировать имеющиеся материалы по мусаватам для того, чтобы придти к совершенно определенному выводу, что «Мусават» резко отличается от русских и кавказских политических партий:

1. Программа «Мусавата» фактически известна только в эмигрантских кругах и среди той же квалифицированной мусаватской верхушки внутри страны, которую к настоящему моменту можно считать разгромленной. Масса участников мусаватских организаций, ликвидированных за последние годы, не знает программы «Мусавата» и объединена не этой программой, а повстанческими лозунгами и лозунгами пантюркского характера.

Феодално-клерикальные элементы внутри страны, в вовлечении которых мусаватисты заинтересованы, например, сознательно не знакомятся с программой, так как в ней имеются пункты, идущие вразрез с исламом.

2. «Мусават» представляет собой наиболее яркий образец контрреволюционной националистической интервенционистской организации и может служить лучшей иллюстрацией к известной оценке тов. Сталиным уклона к местному национализму (XVI съезд).

3. «Мусават» не имеет определенной строго продуманной тактики. Тактика «Мусавата», особенно за последнее время, все явственней зависит от прямых директив правящих кругов Польши и определяется следующим положением, выдвинутым Загранбюро «Мусават» в октябрьском (1930 г.) директивном письме мусаватским организациям в Персии: «Европейские государства больше всего считают с фактами, они хотят чувствовать и убедиться в наличии на местах в действительности действенной организации, способной дать о себе знать, если понадобится».

4. В соответствии с этим мусаватская низовка представляет собой аморфную массу, конгломерат контрреволюционных организаций и групп, состоящих из кулаков, беков, духовенства, националистической сельской интеллигенции, объединяющихся на бандповстанческой платформе, а отсюда, не на основе той программы, которой придерживаются мусаватские верхи.

IV

1. Продолжавшееся в течение нескольких лет сближение мусаватов с поляками привело в настоящее время к такому положению, когда фактически нет мусаватской контрреволюционной работы без разведывательной работы в пользу Польши, нет ни одного мусаватиста, который бы, приезжая из-за границы для связи с мусаватским подпольем, не осуществлял бы одновременно шпионажа в пользу польского правительства.

2. Польско-мусаватский блок, несомненно, имеет глубокие корни. Поляки в своей политике, направленной к раздроблению СССР, вообще ориентируются на тюрок, которых они считают по внутривнутриполитическим соображениям лучшими союзниками, чем, например, украинцев. Мусаватский Азербайджан должен быть, по мнению поляков, одним из крепчайших звеньев той цепи тюркских буржуазных государств, которая должна начаться Идель-Уралом (поддержка поляками Аяз Исхакова²¹) и закончиться Крымом (поддержка Джафера Сейдамета²²).

3. В 1930 г. на банкете руководящей эмигрантской головки в клубе «Прометей» известный Голувко, через которого вплоть до его убийства партия Пилсудского осуществляла руководство грузинской и тюркской контрреволюционной эмиграцией, прямо заявил: «Отношение польского правительства и народа не определяется симпатией или антипатией отдельных личностей к вашему делу. Моя политика – это политика всего польского правительства и является одной из основ программы, которая не изменится со сменой личностей».

Еще в 1929 г. тот же Голувко на заседании АНЦ в честь его приезда следующим образом оценил расходы Польши на поддержку антисоветских организаций: «Эти расходы сравниваются по важности с расходами на увеличение вооружения польской армии, ибо в нужный момент вооруженное выступление кавказских и украинских народов (петлюровцы разрабатываются в ОО, а не [в] СПО²³, хотя они с большим основанием, нежели мусаватисты, могут считаться политическими партиями) против России отвлечет часть сил последней, тем самым усилив мощь Польши».

---

²¹ *Исхаки (Исхаков) Гаяз (Аяз) (Мухамметгаяз) (1878–1954) – татарин, писатель, журналист, драматург, член Всероссийского Учредительного собрания, делегат Национального парламента мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.), с 1920 г. политэмигрант.*

²² *Сейдаметов (Сейдамет) Джафер (1889–1960) – крымский татарин, прапорщик, депутат Всероссийского Учредительного собрания, в 1918 г. председатель крымскотатарского правительства, затем министр иностранных дел в Крымском правительстве, затем лидер крымскотатарской политэмиграции.*

²³ *Секретно-политический отдел.*

4. Военно-разведывательная деятельность и передача соответствующих сведений иностранным державам сначала, главным образом, Турции, а потом Польше всегда являлась одним из главных элементов контрреволюционной работы мусаватистов на нашей территории. Военные организации мусаватистов, существовавшие вплоть до 1927 г., систематически занимались военной разведкой. Следствием по мусаватским подпольным организациям в 1927 г. было точно установлено, что: «Сбор сведений военного характера о частях Красной армии, их передвижениях, прибытии и т.д., складов оружия, их местонахождении и т.п. входило в обязанность военных отделов».

5. Дальнейшее направление военно-разведывательных и вообще шпионских материалов, концентрировавшихся в нелегальных ЦК «Мусавата», в свое время разработано не было. Однако, с одной стороны, была совершенно четко зафиксирована связь нелегальных ЦК «Мусавата», существовавших в период 1921–1927 гг., с туркконсульством в Баку и пересылка шпионских сведений в Тавриз одному из видных деятелей «Мусавата» Мамед Исан²⁴ Гусейнову, обратившемуся по поручению чрезвычайной конференции «Мусавата» в Тавризе со следующим прямым предложением к английской миссии:

«Мы обращаемся к миссии с просьбой принять от нас всевозможные услуги: мы поддерживаем связь с Кавказом и имеем возможность давать сведения военного и политического характера».

6. В 1927 г. при следствии по делу нелегальных мусаватских организаций была вскрыта также прямая шпионская связь с бакинским туркконсульством известной группы Ахмедова²⁵. Обвинительное заключение по делу констатирует: «Туркконсульство черпало у мусаватистов сведения шпионского характера и оказывало содействие в области связи нелегального ЦК "Мусавата" в АССР²⁶ с Загранбюро в Турции».

7. Более поздние документы закордонных мусаватских организаций также прямо говорят о военно-разведывательной деятельности мусаватистов. Мамед Садык Кулиев²⁷ (один из руководителей Тавризского комитета) в инструкции внутренним подпольным организациям мусаватистов писал: «Принять все меры к тому, чтобы в ближайшее время раздобыть сведения

---

²⁴Точнее, Гасан.

²⁵Ахметов (Ахмедов) Али Акбар – мусаватист, профсоюзный деятель.

²⁶Азербайджанской ССР.

²⁷Кулиев Мамед Садык – после установления советской власти в Азербайджане (1920 г.) член подпольного ЦК партии «Мусават», покинул Азербайджан в 1924 г., оказался в Иране, где являлся представителем Азербайджанского национального центра.

военно-разведывательного характера». Одновременно в своем письме на имя М.Э.Расулзаде он дал следующую характерную мотивировку необходимости шпионажа в пользу Польши: «Раз они (поляки) интересуются нами, желают знать – на какие силы мы опираемся, раз они являются друзьями и надежной инстанцией, нам следует воспользоваться случаем и путем доставки информации укрепить свое положение».

8. Влияние Варшавы на всю деятельность мусаватистов, достаточно четко определившееся уже в 1928 г., еще более укрепилось после высылки М.Э.Расулзаде из Константинополя и переезда его в Варшаву. Непосредственно влияя на М.Э.Расулзаде (председатель Загранбюро «Мусавата»), установив тесный контакт с Загранбюро через советника польского посольства в Турции Гавронского, без ведома которого мусаватисты не делают буквально ни одного серьезного шага, поляки сделали фактически руководителями «Мусавата», определяя как его тактику внутри Азербайджана, так и его отношение к другим эмигрантским антисоветским партиям и даже к Турции. В этом отношении особенно характерна состоявшаяся весной 1931 г. поездка заместителя председателя Загранбюро «Мусавата» Векилова в Ангору по прямой директиве Гавронского. В докладе Загранбюро о своей поездке Векилов сказал: «Поехал я, главным образом, по настоянию наших друзей, главным образом, Гавронского».

9. Судя по всему ходу бесед Векилова с турецкими государственными деятелями, польское правительство посылкой Векилова в Ангору преследовало две основные цели: а) прощупать отношение турецкого правительства к закавказской конфедерации; б) добиться сближения турецких властей с мусаватистами с тем, чтобы повлиять на ухудшение отношений между Турцией и СССР. Позиция турецкого правительства в настоящее время может быть охарактеризована следующими заявлениями турецких государственных деятелей: 1) «Азербайджано-тюркская спящая группа, не отстающая в культуре от Турции, должна жить самостоятельно в Кавказской конфедерации. Но мы не верим в искренность не только армян, но и грузин. [...] В орбите Франции находится и Польша, а, по всей вероятности, как Кавказский комитет, состоящий из лиц, не внушающих нам доверия, является органом, обслуживающим французские интересы на Кавказе и в России» (министр внутренних дел Шюкри бей²⁸). 2) «Продолжайте свою работу, единственное условие – конспирация и осторожность в прессе».

10. Характерно, что в беседе Векилова с начальником Генерального штаба Февзи-пашой²⁹ последний интересовался наличием у мусавата-

²⁸ Шюкри Кайя (1883–1959) – в 1927–1938 гг. министр внутренних дел Турции.

²⁹ Февзи-паша (1876–1950) – с 1921 г. начальник Генштаба Турции.

тистов людей в Сарае³⁰ и в ответ на прямое предложение Векиловым шпионских услуг (Векилов заявил: «В этих местах есть верные товарищи, и если бы турецкое правительство разрешило, мы связались бы с родиной») Февзи-паша обещал обсудить этот вопрос подробно. Еще более характерно то, что после беседы с Февзи-пашой Векилов был приглашен во II отдел турецкого Генерального штаба, где дал подробную информацию о положении в Азербайджане.

11. Шпионаж в пользу Польши, а частично, в известной мере, и в пользу Турции в настоящее время является настолько неотъемлемой и важной составной частью всей контрреволюционной работы мусаватистов на нашей территории, что передача разработки «Мусавата» в СПО, вызвала бы значительные прорывы в нашей работе по шпионажу, диверсии, бандитскому и повстанческому движениям. Этот вопрос заслуживает тем большего внимания, что в связи с переговорами Векилова с начальником турецкого Генерального штаба возможна активизация шпионской работы мусаватистов по Карскому направлению.

V

1. Бандитизм и повстанческое движение в азербайджанской деревне фактически с самого начала Гражданской войны теснейшим образом организационно связаны с мусаватским подпольем. Уже в 1920–1923 гг. «Мусават» обратил серьезнейшее внимание на развертывание контрреволюционной работы в деревне и создал ряд оформленных организаций в уездах (Ленкорань, Сальяны, Шуша, Агдам, Джеваншир, Гяндуса). Тогда же совершенно четко обрисовалась и социальная база «Мусавата» в деревне. Естественно, что вопреки заявлениям мусаватских лидеров о народническом характере партии, этой социальной базой оказалось кулачество. Недостаточно искусственные в политике и теоретических вопросах руководители организаций прямо заявили: «Мусаватисты, которые непосредственно жили и работали среди крестьянства, пользовались авторитетом и влиянием среди верхушек крестьянства, т.е. его зажиточной части» (Оруджиев³¹, член Карабахского ОК³²).

2. Расширение социальной базы «Мусавата» в деревне за счет кулачества продолжалось все время. К 1927 г. положение было таково, что Азербайджанское ГПУ после разгрома мусаватистов могло констатировать: «Участие в мусаватских организациях организованных середняц-

---

³⁰ Дом правительства (тур.).

³¹ Точнее, Оруджев Абдуллаи – мусаватист.

³² Областной комитет.

ких и бедняцких элементов крестьянства, как мы видим из следственных материалов, ограничено». Ячейки мусаватистов, ликвидированные в 1927 г. в Ленкоранском уезде, почти целиком состояли из кулацких элементов. В Геокчайском районе все 17 арестованных мусаватистов оказались кулаками. В мусаватских организациях Гянджинского округа кулаки составляли 76%. При этом в «Мусават» входили и к «Мусавату» примыкали наиболее активные повстанческие кулацкие элементы.

3. Уже в период 1920–1921 гг. во всех восстаниях, вспыхнувших в Гянджинском, Карабахском, Ленкоранском уездах, мусаватисты играли активную и фактически руководящую роль. Большую повстанческую работу мусаватисты вели перед разгромом мусаватского подполья в 1927 г. «Мусават» широко раскинул сеть своих военных организаций. В результате этой работы только по Ленкоранской и Карабахской организациям число подготовленных повстанцев достигло 600 человек.

4. Еще более серьезной была роль «Мусавата» в повстанческом движении 1930 г. На 1 января 1930 г. в азербайджанской деревне было учтено около 60 мусаватских контрреволюционных ячеек, охватывающих 600 человек. 24 марта 1930 г. Загранбюро «Мусавата» приняло решение об общем руководстве повстанческим движением в Азербайджане. В процессе ликвидации в 1930 г. повстанческих выступлений в Азербайджане азербайджанским ГПУ ликвидировано 18 мусаватских ячеек с общим количеством участников 163 человека.

5. Вся эта активизация бандитской и повстанческой работы «Мусавата» проводилась по прямым директивам поляков и англичан. Точно установлено, что в 1928 г. при свидании Векилова с польским послом во Франции Артышевским³³ и в Варшаве с Голувко обоими был поставлен вопрос об активизации работы мусаватистов в Азербайджане, причем поляки заявили, что они: «Ничего не имеют против организации в Азербайджане какого-либо одиночного удара, интересно, насколько удалось бы это дело и что из него бы вышло». При свидании видных мусаватистов Рустамбекова и Хасмамедова с советником польского посольства в Турции Папке³⁴ последний также поставил вопрос об активизации мусаватской работы и дал прямую директиву об организации банд в азербайджанской деревне. В октябре 1929 г. польский консул в Тегеране, поддерживающий тесный контакт с Тавризским комитетом «Мусавата», поставил вопрос

---

³³ Точнее, Арцишевский Мирослав (1892–1963) – польский дипломат, в 1925–1928 гг. секретарь польского посольства в Париже.

³⁴ Точнее, Попэ Казимир (1889–1979) – польский дипломат, с января 1928 г. по январь 1929 г. сотрудник посольства Польши в Ангоре.

о возможности организации в азербайджанской или персидской Мугани двух банд для последующего формирования повстанческих отрядов. В этот же период бывшие мусаватские офицеры, сотрудничающие со II отделом польского Генерального штаба, разработали подробный план использования бандитских элементов персидского Азербайджана для создания диверсионных банд. Участие англичан в бандитском и повстанческом движениях в Азербайджане установлено документально.

Военный атташе польского посольства в СССР Ковалевский³⁵, ездивший летом 1930 г. в Тавриз, в своем докладе начальнику II отдела Главного штаба прямо заявляет: «Деятельность среди курдов связана непосредственно с диверсионными намерениями англичан в Закавказье, где все еще продолжается повстанческое движение в Армении и горном Карабахе, снабжаемое денежными средствами, оружием и амуницией при содействии английских агентов (белогвардейцы в английских торговых фирмах в Персии и т.д.)». Непосредственными исполнителями всех этих планов оказались полковник персидской службы, близкий к «Мусавату» Кельбали-хан Нахичеванский³⁶ и руководители мусаватского подполья на нашей территории. Сейчас уже совершенно точно агентурными (документальными) и следственными материалами устанавливается прямая связь «Мусавата» с Нахичеванским и активнейшая руководящая деятельность мусаватистов в бандитском движении 1930 г. Достаточно указать на то, что после разгрома наиболее стойкой и опасной из банд Гянджинского округа (Якублинская банда) были обнаружены документы и получены показания, прямо свидетельствующие о том, что пять основных банд Гянджинского округа руководились мусаватистами и представляли собой, как и Якублинская банда, фактически боевые группы «Мусавата». Неразрывная связь между деятельностью «Мусавата», и бандитизмом, и повстанческим движением являлась настолько важным фактором, что одним из серьезнейших недостатков борьбы с бандитизмом в 1930 г. следовало считать то обстоятельство, что работа по мусаватистам была, в основном, сосредоточена на объектах, проживающих в Баку, чистка же деревни от выявленных мусаватистских организаций явно запоздала.

---

³⁵ *Ковалевский Ян (1892–1965) – польский военный, подполковник, в 1928–1933 гг. военный атташе Польши в Москве.*

³⁶ *Келбали хан Джафаркули хан оглы Нахичеванский (1891–1931) – штабс-ротмистр российской армии (1916 г.), после установления советской власти в Азербайджане (1920 г.) в Персии, где стал офицером армии этой страны, дослужился до чина генерала, командовал дивизией и погиб при усмирении курдов.*

VI. Выводы

1. Передача разработки «Мусавата» как одной из наиболее специфических для восточной националистической контрреволюции политических организаций в СПО создает значительный прорыв во всей восточной работе вообще.

2. Эта передача означала бы сознательное ослабление всех участков работы по восточной националистической контрреволюции ради развития одного узко-территориального участка, возникающего в связи с наличием действенного блока между контрреволюциями в Азербайджане и Армении, и привела бы:

а) к искусственному разрыву объектов, тесно связанных между собой, деконцентрации материалов по контрреволюционному движению на Востоке, сделав, таким образом, невыносимым правильное руководство местами;

б) затруднениям и прорывам в области нашей борьбы со шпионажем, диверсиями и повстанческим движением в Азербайджане [9, с.482–490].

Библиографический список

1. Азербайджан (Баку). 1918.
2. Ачыг сез (Баку). 1917.
3. Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). Политический портрет. Баку: KitabKlubu.org, 2014. 504 с.
4. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. Заседание четвертое. Тифлис, 1918. 42 с.
5. Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2011. 416 с.
6. Мамулия Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920–1945 гг. Париж–Баку: CBS, 2014. 578 с.
7. Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. №2. С.3–32.
8. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). 1931 г. Т.9. М.: ИРИ РАН, 2013. 900 с.
9. Топчибаши А.М.и Расулзаде М.Э.: Переписка. 1923–1926 гг. / Сост., предисл. и примеч. С.Исхаков. М.: Социально-политическая МЫСЛЬ, 2012. 148 с.
10. Rəsulzadə M.Ə. Əsərləri. IV cild. Bakı: Təhsil, 2014. 416 s.
11. Şimşir S. Azərbaycan'ın İstiklal Mücadelesi. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2006. 280 s.

Власть – такое же искушение для монарха, как вино или женщины для молодого человека, как взятка – для судьи, деньги – для старика и тщеславие для женщины.

Джонатан Свифт

Хотя граница вообще неизбежна, всякая заданная граница может быть пересечена, любое ограждение отодвинуто, каждый барьер взорван, но каждый такой акт находит или создает новую границу.

Георг Зиммель

Наталья Черникова

**ОРГАНЫ
«УНИВЕРСАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ»:**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОВЕТ VS КОМИТЕТ
МИНИСТРОВ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)

Характерной чертой государственного управления Российской империи было смешение функций высших органов власти. Так, два ее высших законосовещательных учреждения, Государственный совет и Комитет министров, выполняли и законосовещательные, и административные функции. Эта ситуация не столько провоцировала конфликты, сколько вела к сотрудничеству двух учреждений. Успешная работа управленческого аппарата не предполагает столкновений между своими частями. Вот почему на протяжении второй половины XIX в. Государственным советом и Комитетом министров был выработан механизм распределения усилий, и произошло это не столько с помощью законодательства, сколько на основе практической деятельности.

Confusion on the roles of the supreme organs of government was an important characteristic of administration of the state of Russian Empire. So, two its highest legislative authorities, the State Council and the Committee of Ministers, performed both legislative and administrative functions. The situation not so much led to confrontation as to cooperation of the institutions. The success of bureaucracy means the settlement of any conflicts between its component units. So, throughout the second half of the 19th century the division of labour based on the status of the case was established between the State Council and the Committee of Ministers. And it was made not through legislation but through practice.

Ключевые слова: высшие органы власти; Государственный совет; Комитет министров; компетенция; Александр II; Александр III.

Key words: Supreme Organs; State Council; Committee of Ministers; Jurisdiction Alexander II; Alexander III.

E-mail: ncher@inbox.ru

Одной из заметных черт, свойственных отечественной системе управления второй половины XIX в., была нечеткость в распределении функций между разными учреждениями и, как следствие, возможность решения одних и тех же вопросов несколькими структурами. Не в последнюю очередь это касалось и высших учреждений империи, Государственного совета и Комитета министров, которые один из исследователей даже назвал органами «универсальной компетенции» [34, с.489–490]. Разграничению не помогало и обращение к закону, который утверждал, что законодательные дела обсуждаются в Государственном совете, и одновременно указывал, что в Комитет министров должны поступать дела, «где законы или учреждения недостаточны или когда, по силе самых сих законов и учреждений, предмет требует Высочайшего разрешения или утверждения» [40, паг.5 с.27, ст.209]. Среди таких проектов оказывались «вообще все предметы управления, предполагающие новый распорядок или дополнение правил», а также ограничение, распространение или отмену прежде принятых и высочайше утвержденных мер [40, паг.5 с.29, ст.212], которые традиционно рассматривались и Советом. Таким образом, законосовещательные функции Государственного совета на протяжении десятилетий оставались объектом экспансии со стороны Комитета министров. Деятельность Государственного совета также выходила за рамки собственно законотворчества, включала в себя изначально не предусмотренные финансовые, судебные и даже административные функции, которые в литературе принято рассматривать как ненужный «придаток» к первоначальному учреждению Государственного совета [10, с.70]. Как мягко оговорили это в юбилейном сборнике, «Государственный совет – учреждение по преимуществу законосовещательное» [8, с.1].

Историография вопроса

Это переплетение функций было отмечено еще в дореволюционной литературе. Тогда же возникла тенденция рассматривать существовавшие высшие учреждения, прежде всего, как потенциальных противников и, что еще более важно, обращать минимальное внимание на их взаимодействие и сотрудничество в общем законодательном процессе. Такой подход впоследствии был подхвачен и абсолютизирован советской историографией. Считалось, что, действуя в одной законодательно-административной сфере, Государственный совет и Комитет министров не могли не нарушать компетенцию друг друга, так что повышение значения одного из них неминуемо приводило к принижению другого. При этом

сложилось довольно устойчивое мнение о росте значения Совета в «либеральные» царствования и, наоборот, его уменьшении в правление таких императоров, как Николай I и Александр III [12, с.219–220; 14, с.129; 36, с.82]. Этот вывод основывался на двух обстоятельствах. Во-первых, на участии Государственного Совета в разработке и обсуждении Великих реформ при параллельном уменьшении числа дел, рассматриваемых Комитетом министров [12, с.219; 18, с.81; 22, с.26, 38; 42, с.302]. Во-вторых, на проведении через Комитет министров чрезвычайного законодательства рубежа 1870–1880-х гг. [12, с.221; 15, с.98]. Усматривая в этом доказательство повышения значения Комитета в начале царствования Александра III, исследователи часто распространяли это утверждение на все время его правления, писали о падении значения Совета со времени вступления этого монарха на престол, систематическом нарушении законного порядка движения дел, произвольном переносе проектов законов из Государственного совета в Комитет министров [3, с.165; 4, с.67–68; 12, с.129; 34, с.490–491; 38, с.192–193; 43, с.140].

Однако, говоря о значении в государственном управлении этих двух учреждений, невозможно основываться лишь на формальных данных, необходимо учитывать как их предназначение, так и их возможности. Так, обсуждение реформ Советом ни в коей мере не умаляло компетенцию Комитета министров, поскольку было не нарушением, а исполнением закона, предписывавшего рассматривать все законопроекты именно в Государственном совете. Более того, Комитет ни в коем случае не мог взять на себя ни разработку, ни обсуждение реформ. Сравнительно малочисленный по своему составу, он состоял из наиболее обремененной делами части высшего чиновничества, а его Канцелярия, насчитывавшая в 1861 г. всего 25 человек [2, паг.2, стлб.80], не могла бы справиться с тем объемом работы, который предполагала делопроизводственная составляющая Великих реформ. Этот объем был чрезмерен даже для обслуживавшей Совет Государственной канцелярии (64 чел. в 1861 г.) [2, паг.2, стлб.78–79]. Несмотря на то, что она работала в тесной связи со II Отделением СЕИВ канцелярии, на рубеже 1850–1860 гг. подготовка и обсуждение проектов реформ потребовали временного усиления состава Государственной канцелярии.

Складывавшееся в пользу Совета численное соотношение решенных им и Комитетом министров дел также не дает возможности делать вывод о значении самих учреждений, поскольку цифровые данные не раскрывают степени важности этих дел. Между тем известно, что и Госу-

дарственный совет, и Комитет министров основное время тратили на рассмотрение мелких текущих вопросов.

Жалобы сановников на падение значения Совета на рубеже 1870–1880-х гг. [32, т.1, с.24, 28, записи 2 и 9 января 1883 г.] также вряд ли могут служить основанием для далеко идущих выводов. Как отмечал еще Дж. Яни, при невозможности доказать нарушение компетенции Совета какими-либо статистическими данными, нельзя быть уверенным, в какой степени тот или иной упомянутый в воспоминаниях и дневниках современников факт был действительным нарушением порядка, а в какой – лишь слухами о нем [45, р.266]. Немаловажную роль, кроме того, играет и исторический контекст высказывания. Заявление вел. князя Константина Николаевича, что законы проводят «через Ком[итет] министров явно для того, чтоб миновать Госуд[арственный] сов[ет], где они непременно встретили бы сильный отпор» [6, л.592], описывает ситуацию, сложившуюся в конкретный исторический период.

Рубеж 1870–1880 гг. был временем поиска властью выхода из нарастающей кризисной ситуации. В последние годы правления Александра II все законопроекты, так или иначе связанные с ее преодолением, утверждались либо мнением Государственного совета, либо единоличным решением императора. Однако фактически не прекращавшаяся работа особых совещаний, обсуждение (но не утверждение) ее результатов Комитетом министров [41] действительно могли создать впечатление падения значения Совета.

Александр III отказался от этой практики. С начала его царствования целый ряд проектов, нацеленных на борьбу с революционным и общественным движением, за сохранение спокойствия и порядка, был рассмотрен Комитетом министров в качестве чрезвычайных или временных мер.

И исследователи, говоря о вторжении Комитета министров в законодательную сферу, в качестве доказательства приводят именно это чрез-

Александр II

вычайное законодательство, перечисляют одни и те же законы: Положение об усиленной и чрезвычайной охране 14 августа 1881 г., Временные правила о печати 27 августа 1882 г., Временные правила о евреях 3 мая 1882 г., меры против студенческих беспорядков и проч. Сюда же относят и некоторые административные распоряжения: введение в прибалтийских губерниях делопроизводства на русском языке (1885), запрет иностранцам приобретать земельную собственность и недвижимость в 11 западных и 10 польских губерниях (1887) и проч. [5, с.26; 11, л.37–38; 13, с.400–419; 34, с.131–134].

Между тем, как отмечалось в официальной истории Комитета министров, с самого начала его существования к его ведению была отнесена область не только высшей администрации, но и высшей политики, т. е. исключительные и временные меры [39, с.16]. Во второй половине века они составляли важную категорию вопросов, рассматривавшихся Комитетом министров. И это дало повод первому «биографу» Комитета утверждать, «что политическое законодательство, вызываемое особыми причинами, принадлежит Комитету» [37, ч.1, с.143]. Такой же вывод был сделан и другим исследователем роли и значения Комитета министров в XIX веке, А.В.Ремневым. «Значение Комитета министров в политическом законодательстве постоянно возрастало», – пишет он

Александр III

[34, с.490]. Однако безусловная справедливость этого положения еще не означает, что эти меры принимались «в обход» Государственного совета или как-то препятствовали попыткам вернуть ему роль единственного законодательного учреждения, – роль, которая на самом деле ему никогда не принадлежала.

Наконец, говоря о падении значения Государственного совета в конце XIX столетия, надо учитывать существование и противоположного мнения. О значимости Совета в государственной жизни, в том числе и в царствование Александра III, писали юристы-государствоведы.

И.И. Тхоржевский, имевший возможность во время работы над юбилейным изданием «Исторический обзор деятельности Комитета министров» познакомиться с государственными архивами, также считал, что именно в царствование Александра III был восстановлен законный порядок решения различных вопросов и из ведения Комитета министров были изъяты не соответствующие его компетенции дела [39, с.1–2]. В советское время к похожему выводу пришел П.А. Зайончковский, признавший, что хотя «многие из реакционных по своему характеру законопроектов» рассматривались в Комитете министров, «во второй половине 80-х – начале 90-х подобных нарушений закона становится меньше», и все контрреформы проходят через Государственный совет [15, с.98].

Все это подтверждает необходимость более широкого подхода к вопросу о сосуществовании и взаимодействии Государственного совета и Комитета министров, отказа от традиционного рассмотрения высших структур как потенциальных соперников, а вместе с этим – и от юридического подхода к проблеме, без учета сложившихся традиций и практик.

Уже сама универсальность компетенции Государственного совета и Комитета министров, их сосуществование на протяжении десятилетий не могли не иметь следствием выработку способов взаимодействия, традицию распределения дел.

Два председателя

На протяжении долгого времени конкуренция Совета и Комитета нивелировалась их тесной связью.

Учреждением Комитета министров 20 марта 1812 г. в его состав введены председатели департаментов Государственного совета [29, т.32, №25044, ст.1, с.234] и, наоборот, министры были членами Государственного Совета по должности. Кроме того, на протяжении почти всей первой половины века (с 20 марта 1812 по 1 января 1865) сохранялось совмещение должностей председателей Совета и Комитета министров. Впоследствии председатели Государственного совета (соответственно в 1865–1881 и 1881–1905 гг.) великие князья Константин Николаевич и Михаил Николаевич по должности в состав Комитета министров не входили. Они были назначены его членами лично и не сразу, а через несколько лет после вступления на пост председателя Совета: Константин Николаевич – со 2 октября 1868 г., а Михаил Николаевич – с 15 мая 1883 г.

Князь П.П.Гагарин

с.412]. Не менее важно и то, что вынужденный уступить один из своих постов великому князю П. П. Гагарин (1789–1872) не одобрял ни политических взглядов Константина Николаевича, ни его личных качеств и по мере сил пытался ограничить его политическое влияние.

Великий князь Константин Николаевич

Разделение председательствования в Совете и Комитете министров не прошло гладко. Во-первых, оно было явной несправедливостью по отношению к занимавшему оба поста до конца 1864 г. П. П. Гагарину, только что, словами И. А. Шестакова, «завершившему блистательно дело о судоустройстве» [44, с.412]. Во-вторых, само назначение председателем Совета 37-летнего брата императора великого князя Константина Николаевича «по каким-то фамильным соображениям» выглядело странным и, казалось, косвенно подтверждало влияние правой руки вел. князя А. В. Головина, уже давно утверждавшего, что «настоящее место вел. кн. Константина во главе Государственного совета» [44,

с.412]. Не менее важно и то, что вынужденный уступить один из своих постов великому князю П. П. Гагарин (1789–1872) не одобрял ни политических взглядов Константина Николаевича, ни его личных качеств и по мере сил пытался ограничить его политическое влияние. Константина Николаевича, не привыкшего к явному противодействию, такое положение коробило и он не мог простить Гагарину, что тот не только «никогда не подчинялся влиянию» великого князя, но относился к нему «враждебно и состоял в оппозиции» [цит. по: 7, с.41].

Противостояние председателей не просто нарушило связь между двумя учреждениями, но и осложнило их совместную работу, а также в какой-то мере способствовало их соперничеству. Константин Николаевич, человек властный и самолюбивый, пользовался большим влиянием на императора и не стеснял себя бюрократическими

тонкостями. В Комитете министров он бывал редко, «только в исключительных случаях» [21, с.127, запись 18 декабря 1879 г.]. На заседаниях его обычно замещал управляющий морским министерством. Дело в том, что великий князь, объединяя в своем лице множество высших должностей, пользуясь доверием и поддержкой старшего брата-императора, привык к положению человека, во многом определявшего государственную политику. Но в Комитете министров он этой роли не играл, а значит, не мог настоять на утверждении своего мнения. В таких условиях посещение Комитета министров не имело для него большого смысла.

При Михаиле Николаевиче, человеке гораздо более спокойном, это противостояние смягчилось. Можно даже сказать, что в 1880-е годы окончательно были выработаны те приемы, которые, независимо от четкости закона, позволили развести компетенции Совета и Комитета министров. И случилось это вопреки юридической теории, на базе делопроизводственной практики.

Великий князь
Михаил Николаевич

Указ и закон

По мнению дореволюционной юридической науки, в основе смещения функций Государственного совета и Комитета министров лежала унаследованная от прошлого нечеткость разграничения административных распоряжений и собственно законов и, шире, вообще отсутствие точного определения содержания законодательных актов не только в отечественном, но и в европейском законодательстве XIX в. [9, с.2; 16, с.11–13]. В России это выразилось, в том числе, в наполнении Свода законов множеством положений административного характера. Освободить от них законодательство оказывалось невозможным уже потому, что любой законодательно оформленный акт мог быть отменен и исправлен только таким же образом, а значит неминуемо возвращался в Свод законов. Эта цель оказывалась недостижима и при разработке проектов новых

законов: слишком тесно были переплетены акты законодательного и административного характера не только в Своде законов, но и в практике делопроизводства и управления. Таким образом, даже не желая того, Государственный совет и Комитет министров вынуждены были постоянно нарушать определенную законом сферу ответственности друг друга.

Проблема разграничения законов и административных распоряжений, исключение последних из ведения Государственного совета широко обсуждались в юридической литературе. Разным формам законодательных актов, соотношению и значимости административных распоряжений (указов) и законов были посвящены монографические сочинения, затрагивалась эта тема и в специальных курсах [10, т.1, с.13–14; 16, с.8–38; 17]. Заметно ее влияние и в современной историографии [11, с.45–46; 33; 35, с.81, 87–88; 38, с.45–47]. Однако на практике освобождение Свода законов от несвойственного ему содержания подразумевало необходимость пересмотра всего законодательства. В чиновных кругах так широко вопрос был поставлен лишь однажды, в начале эпохи преобразований

Граф М.А.Корф

Александра II, когда реформаторы, не колеблясь, брались за решение задач любой сложности.

В 1858 г. только что созданный Совет министров поручил II Отделению Собственной ЕИВ канцелярии составить проект об отделении законов от административных постановлений. К 1862 г. работа была закончена. Главноуправляющий Отделением М. А. Корф предлагал установить монополию Совета на обсуждение всех законодательных дел, а дела административные, т. е. те, которые «должны иметь предметом развивать и пояснять законы и определять меры к точному и успешному из выполнению» [18, с.82] – сосредоточить в Комитете

министров. Полученные от разных ведомств отзывы оказались противоречивыми. Наряду с одобрительными (морского министра Н.К. Краббе, военного министра Д. А. Милютина) были и резко отрицательные (министра юстиции В. Н. Панина, государственного секретаря

В. П. Буткова, министра двора В. Ф. Адлерберга). Проект все же был внесен в Государственный совет, но остался, как тогда говорили, «без последствий». Преемники барона Корфа на посту главноуправляющего II Отделением гр. В. Н. Панин (1864–1867) и кн. С. Н. Урусов (1867–1881) не только считали неразрешимой задачу переработки Свода законов с целью очищения его от административных постановлений, но затруднялись даже в выработке основных подходов к такой задаче. Высочайше одобренной запиской кн. Урусова от 2 ноября 1867 г. вопрос был снят с повестки дня [18, с.81–86; 20, с.522–523; 33, с.176–179].

Однако уже в 1869 г. Государственный совет, обсуждая причины поступления на его рассмотрение дел, не имеющих законодательного свойства, «пришел к убеждению о необходимости скорейшей, по возможности, коренной переделки Свода, с исключением из него правил, не имеющих законодательного значения». Труд этот снова был возложен на II Отделение СЕИВ канцелярии и ее главноуправляющего [23, с.33]. Впрочем, члены Совета осознавали, что «переработка Свода законов бесспорно сопряжена будет с немаловажными трудностями разного рода». И поручая «особой заботливости» главноуправляющего скорейшее окончание этого труда [23, с.33], они вряд ли надеялись на его скорое завершение, тем более, что во главе II Отделения стоял все тот же князь Урусов. Однако сама постановка вопроса дала возможность

Князь С. Н. Урусов

испросить высочайшее повеление на постепенное изъятие «из круга вносимых в Совет законодательных дел таких мероприятий, которые, хотя и подлежат утверждению Высочайшей власти, но не имеют законодательного, в настоящем смысле, характера» и, наоборот, на сосредоточение в нем «всех принадлежащих собственно к области законодательства вопросов и предположений (кроме вопросов законодательства военного)» [23, с.2]. Как видим, от решения задачи чи-

новники не отказались и, будучи не в силах разрубить Гордиев узел, они принялись его развязывать.

Тогда же Урусову поручено было ввиду того, «что весьма много узаконений излагаются у нас и в общем Своде Законов и в Своде Военных постановлений, что в изложении их, в том и другом сборнике, нередко встречается разноречие, и что от того возникает целый ряд недоразумений» войти в соглашение с военным министром «об исключении из общего Свода Законов всех тех статей, которые, по содержанию своему, должны бы найти себе место в Своде Военных постановлений» [23, с.33].

16 лет спустя, в 1885 г., в разработанных Кодификационным отделом правилах для составления нового Свода законов было особо оговорено, что из нового издания этого собрания «устраняются, по мере представляющейся возможности, такие правила, которые по содержанию своему не имеют значения и свойства законодательных предписаний» [31, т.5, №3261, ст.5, с.448]. А.В.Ремнев вслед за Б.М.Кочаковым [19, с.324] утверждает, что правилами 1885 г. «формально закрепилось право внесения в Свод законов заведомо административных распоряжений» [33, с.181]. Такое заключение представляется не вполне справедливым. Как и II Отделение, Кодификационный отдел не отважился на то, чтобы поставить перед собой глобальную задачу пересмотра всего Свода законов. Правила были очередной вехой на том пути, который был определен в записке Урусова 1867 г. и затем в 1869 г.: достижение разделения законов и административных постановлений на практике постепенным, но постоянным изъятием из Свода законов постороннего содержания.

На этом пути, писал Урусов, «главное будет зависеть от юридического такта лиц, которым будут поручены самые работы по отделению законов от постановлений» [цит. по: 33, с.179]. Действительно, такое движение было рассчитано на долгую перспективу и не исключало принципиальной возможности конфликта между Советом и Комитетом министров. Сохранявшаяся смешанность функций, постоянное балансирование на грани вторжения в сферу полномочий друг друга вынуждало заинтересованные стороны (прежде всего государственного секретаря и управляющего делами Комитета министров) с особым вниманием следить за тем, чтобы не допустить нарушения компетенции и, тем более, отмены постановлений друг друга. Такой случай приводит в дневнике государственного секретаря А.А.Половцов. Речь шла о якобы санкционированной императором отмене решением Совета одного из постановлений Комитета министров (об ассигновании сумм на переустрой-

ство Сурамского перевала). И хотя впоследствии выяснилось, что ссылка на согласие императора была результатом недопонимания, реакция государственного секретаря на нарушение этого неписаного правила была мгновенной, и в специальном письме императору он ходатайствовал о разрешении Совету не рассматривать этот вопрос [32, т.1, с.422, запись 18 мая 1886 г.].

По этой же причине неприемлемым считалось параллельное обсуждение двумя учреждениями одной и той же проблемы. Весной 1873 г. в Государственном совете обсуждался проект министра финансов М.Х.Рейтерна об ограничении питейной торговли, составленный им совместно с министрами внутренних дел и государственных имуществ. При этом проект был разделен на две части. Те вопросы, в которых министры сошлись во мнениях, были рассмотрены и утверждены тогда же [30, т.48, №52394, с.857–859], а те, где между министрами наблюдалось принципиальное разногласие, ввиду приближающегося конца сессии, были отложены на осень [24, с.142–143]. Среди первых находился и вопрос о применении, в виде опыта, правил о «раздробительной» (т.е. в розницу) продаже алкогольных напитков в Петербурге и окрестностях. При этом Совет заметил, что столица находится в исключительном положении «вследствие имеющихся здесь в распоряжении правительства весьма значительных средств надзора, как полицейского, так и акцизного» [24, с.143] и рекомендовал министру финансов в каникулярное время войти в Комитет министров с представлением о применении этих же правил в Москве, Одессе и нескольких уездах разных губерний.

М.Х.Рейтерн

За лето сделано этого не было, а когда осенью обсуждение проекта в Департаментах возобновилось, Рейтерн заявил, что соответствующее представление будет им внесено в Комитет министров «в самом непродолжительном времени». Назревала ситуация одновременного рассмотрения вопроса в двух учреждениях, и Совет принял решение отложить

обсуждение проекта «впредь до разрешения Комитетом министров» представления Рейтерна [24, с.144].

Но такие случаи были нечастыми. А основным содержанием взаимодействия Совета и Комитета министров была передача «соседу» подлежащих его рассмотрению дел. Фактически, речь шла о контроле за правильностью внесения законопроектов в одно из двух учреждений, и здесь Совет и Комитет министров работали рука об руку.

От Комитета – Совету

Особенно часто передавались дела из Комитета в Совет. Это происходило каждый раз, когда Комитет находил дело слишком важным и тре-

бующим подробного рассмотрения или обнаруживал в нем элементы законодательного характера. И в этом случае настоять на рассмотрении дела именно в Комитете министр мог только при исключительности обстоятельств. Так, накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. министру внутренних дел А.Е.Тимашеву и военному министру Д.А.Милютину удалось добиться рассмотрения Комитетом дела об удовлетворении военных потребностей земскими и городскими учреждениями, только аргументируя его срочностью. Речь в проекте шла об упрощении порядка созыва чрезвычайных земских и городских собраний. В частности, отменялась необходимость кворума (не менее трети всех гласных), при котором собрание считалось состоявшимся; собрания получали право по требованию военной власти переводить повинности, уже переведенные в денежные, обратно в натуральные и проч. Проект был внесен к Комитет в конце декабря 1876 г. и, после некоторых колебаний Комитета, в конце концов уступившего настойчивости двух министров, обсужден 4 января 1877 г. 14 января, через 10 дней после начала обсуждения, Правила были утверждены императором [37, ч.2, с.173; 30, т.52, №56837, с.59–60].

Другим поводом к рассмотрению законодательных дел в Комитете могла быть затянущаяся в ведомстве разработка проекта и необходимость безотлагательного утверждения его части в виде временной меры. Государственный совет такие дела не рассматривал, чтобы не стеснять составителей проекта принятым законом. Так что именно Комитетом министров были внесены изменения в порядок управления и надзора за студентами университетов (усиление университетской инспекции) [30, т.54, №59901, с.30–31], утверждены временные правила о еврейх 3 мая 1882 г. [31, т.2, №834, с.181] и проч.

В остальных случаях министру поручалось подать проект в общем законодательном порядке, то есть в Государственный совет. Это решение Комитета утверждалось императором (конечно, без внесения в Полное собрание законов), и министр, уже от себя, представлял проект в Совет. Так случилось, например, с делом о приостановке деятельности земского положения в Области Войска Донского (1882 г.) и делом о порядке взыскания платежей крестьянскому поземельному банку с применением круговой поруки заемщиков (1889 г.), которые Комитет министров посчитал подлежащими обсуждению в законодательном порядке [26, с.32; 27, с.348]. Трижды на протяжении 1886–1889 гг. Комитет министров рассматривал представление министерства внутренних дел (в лице сначала Д. А. Толстого, а затем И. Н. Дурново) об имущественной ответственности сельских обществ Уфимской губернии по делам о самовольных порубках в казенных и частных лесах. Сначала это представление имело вид простой административной меры, затем по поручению Комитета было разработано как подробные «Временные правила». Однако и в таком виде Комитет дважды отказывался утверждать проект и предлагал министру представить его в Совет. Причина была проста: возложение Толстым ответственности за порубки на все общество, нарушало закон, согласно которому непричастные к преступлению не могли отвечать за него. А изменение законов входило в компетенцию Государственного совета, но не Комитета министров [15, с.181–182].

В Комитет министров первоначально (в мае 1890 г.) был внесен один из крупных законопроектов аграрной политики 1890-х гг. – дело о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель [31, т.13, №10151, с.653–654]. Но Комитет посчитал вопрос слишком важным, чтобы ограничиться изданием временных правил, и высочайше утвержденным 15 июня 1890 г. решением Комитета министру внутренних дел было поручено внести проект в Государственный совет в общем законодательном порядке [1, л.1].

Совет – Комитету

Движение дел в обратном направлении – из Совета в Комитет министров – было обставлено несколько иначе и не требовало подписи императора. В одних случаях дела возвращались министру как «не подлежащие утверждению в законодательном порядке», в других – уже при рассмотрении дела из проекта выделялась его административная со-

ставляющая. В последнем случае проекты переделывались в Государственной канцелярии (при участии представителей соответствующего ведомства) «с исключением из них административной регламентации и определением взамен того, какую властью должны быть издаваемы содержащие ту регламентацию указы и инструкции» [23, с.32].

В 1869 г. такой переработке подверглись проекты о торговле в Войске Донском и о преобразовании управления этого Войска [23, с.32].

В 1889 г. в Государственном совете рассматривался вопрос о преобразовании Петровской земледельческой и лесной академии в сельскохозяйственную и об утверждении для нее новых Положения и штата. При этом Соединенными департаментами экономии и законов было отмечено, что в Положении встречаются такие подробности, которые не требуют законодательного утверждения (о порядке допущения к преподаванию преподавателей, лаборантов и ассистентов, числа часов, которые должны посвящать учебным занятиям профессора, перечисление проводимых в академии экзаменов, распределения квартир между служащими и проч.). И наоборот, постановления, нуждающиеся в законодательном утверждении, были помещены в Уставе Академии, который утверждался министром государственных имуществ и был приложен к законопроекту лишь «для сведения». Это касалось условий, при которых директор академии допускался к преподаванию, образовательного ценза преподавателей, лаборантов и ассистентов, форменной одежды студентов и проч. Все эти статьи, в конце концов, были перенесены в Положение [27, с.472–473].

В 1894 г. Соединенные департаменты Экономии и Законов исключили из проекта об устройстве таможенной части в Средней Азии подробный перечень таможенных учреждений всех разрядов с указанием их числа и местонахождения. Вошедший в закон список включал только три таможи 1-го класса. При этом министру финансов предоставлялось право в административном порядке открывать таможенные пункты 2-го и 3-го разрядов, менять их расположение и состав [28, с.534; 31, т.14, №10774, с.434–435].

С этого ракурса можно рассматривать и результаты обсуждения закона об ограничении семейных разделов крестьян. Члены Совета стремились «устранить из проекта излишние подробности, сохранив лишь основную мысль так, чтобы излишней регламентацией не вторгнуться в своеобразие крестьянской семейной среды, а вместе с тем не стеснять излишними предписаниями тот новый орган, который при переустройстве местного управления будет вести эти дела» [32, т.1,

с.356, запись 23 ноября 1885 г.]. Вряд ли в этом можно увидеть лишь пустое желание «выхолостить содержание закона и свести к нулю весь предполагаемый его эффект» [38, с.149]. Суть изменений и в этом случае сводилась к изъятию из проекта административной составляющей.

По мере возможности, Государственный совет и сам пытался воздействовать на содержание вносившихся на его рассмотрение проектов. Так, в конце 1877 г., возвращая военному министру проекты устава и штата Закатальского ремесленного училища, как неподлежащие рассмотрению в законодательном порядке, Государственный совет выработал правила внесения в Совет законопроектов об учебных заведениях. В частности, проекты Положений новых учебных заведений должны были содержать только общие основания его организации, то есть цель и средства училища, объем учебного курса, права, присваивавшиеся заведению в целом, его должностным лицам и учащимся, а также штат. Устав учебного заведения, содержавший подробное описание его устройства, прилагался к проекту только «для соображения» Совета, законодательно не утверждался и легко мог быть изменен в административном порядке. Такое отделение законов от административных постановлений не только освобождало Совет от долгого и малополезного труда по подробному рассмотрению Устава в целом, но и служило гарантией того, что в будущем при изменении малозначительных подробностей Устава он не будет снова внесен в Совет, как требующий законодательного оформления [25, с.93–95; 30, т.52, №58005, с.316–317].

Конечно, описанный путь освобождения законодательства от административной составляющей был рассчитан не на одно десятилетие. Однако последовательное движение в этом направлении привело к довольно быстрому разграничению компетенций Совета и Комитета министров. Уже в начале 1880-х годов в сознании сановников существовала четкая грань между делами, вносимыми в Совет и в Комитет министров. В начале 1883 г. при обсуждении проекта министра внутренних дел Д.А. Толстого о предоставлении некоторых прав раскольникам прозвучала примечательная для нас фраза. Указывая на необходимость «определительного», «строго обдуманного и точного» закона, при котором «отдельные взгляды и действия правящих лиц не могли бы подвергаться произволу», Толстой связывал его издание с Государственным советом, которому противопоставлял действия министерства «на основании сепаратных распоряжений либо постановлений Комитета министров по

отдельным случаям и часто без особых определительных полномочий» [32, т.2, с.47, запись 21 февраля 1883 г.].

Таким образом, при всех возможностях Комитета министров, именно Государственный совет воспринимался как инстанция, необходимая для издания полноценных законов. Собственно, даже жалобы на нарушение компетенции Совета можно рассматривать как свидетельство существования определенного общепризнанного порядка, при котором любые попытки избежать обсуждения законопроектов в Государственном совете рассматривались как недопустимые.

Отсутствие четко выраженного разграничения функций Государственного совета и Комитета министров на практике вовсе не привело к конкуренции и борьбе двух законосовещательных учреждений. Представляя собой части единого государственного механизма, они успешно взаимодействовали как друг с другом, так и с другими высшими и центральными учреждениями.

Библиографический список

1. О мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель // РГИА. Ф.1149. Оп.1. Д.77.
2. Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 год. Ч.1–2. СПб.: Типография Академии наук, 1862. 786 с.
3. Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX в. (особые формы и специальные институты). СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
4. Биюшкина Н.И. Охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (март 1881-го – 1894 год). Н.Новгород: Нижегор. гос. ун-т им. Н.И.Лобачевского, 2010. 356 с.
5. Биюшкина Г.И. Политико-правовое развитие российского государства в условиях охранительного внутривнутриполитического курса (1870–1890-е гг.). Автореферат Дисс. док. юридич. наук. Н.Новгород: Нижегор. гос. ун-т им. Н.И.Лобачевского, 2012. 55 с.
6. Воронин В.Е. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя России (60–70-е гг. XIXв). Дисс. док. ист. наук. М.: МПГУ, 2009. 775 с.

7. Воронин В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М.: Спутник +, 2009. 369 с.

8. Государственный совет. 1801–1901. СПб.: Государственная типография, 1901. 264 с.

9. Градовский А.Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву // Сборник государственных знаний / под ред. В.П.Безобразова. В 2 т. Т.1. СПб.: Издание Д.Е.Кожанчикова, 1874. С.1–32.

10. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2т. СПб.: Типогр. М.М.Стасюлевича, 1875–1876. Т.1. О государственном устройстве. 436 с.; Т.II. Органы управления. 354 с.

11. Деев А.Ю. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг.: Дисс. канд. политических наук. М., 2002. 327 с.

12. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.

13. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: МГУ, 1964. 513 с.

14. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М.: Мысль, 1978. 288 с.

15. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 322 с.

16. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 4-е. В 2 т. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1901–1903. Т.2: Часть особенная. 1903. 596 с.

17. Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1894. 408 с.

18. Кочаков Б.М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. ист. наук. Вып.8. Л., 1941. №73. С.75–104.

19. Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX–XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С.319–371.

20. Майков П.М. Второе отделение Собственной е.и. в. канцелярии. 1826–1882. СПб.: Тип. И.Н.Скороходова, 1906. 616 с.

21. Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 600 с.

22. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х годах XIX века. Лекции по спецкурсу. Горький: Горьковский гос. университет им. Н.И.Лобачевского, 1974. 168 с.

23. Отчет по Государственному совету за 1869 год. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. 177 с.

24. Отчет по Государственному совету за 1873 год. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1875. 509 с.

25. Отчет по Государственному совету за 1877 год. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1879. 496 с.
26. Отчет по Государственному совету за 1882 г. СПб.: Государственная типография, 1884. 319 с.
27. Отчет по Государственному совету за 1889 г. СПб.: Государственная типография, 1891. 880 с.
28. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. Т.1. СПб.: Государственная типография, 1894. 863 с.
29. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: [С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т.32 [1812–1815].
30. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1876. Т.48 [1873]. 911 с.; 1879. Т.52 [1877]. 823 с.; 1880. Т.54 [1878]. 464 с.
31. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]. СПб.: Государственная типография, 1886. Т.2 [1882]. 1139 с.; 1887. Т.5 [1885]. 1521 с.; 1897. Т.13 [1893]. 1365 с.; 1898. Т.14 [1894]. 1497 с.
32. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. В 2 т. / под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. Т.1. 1883–1886. 551 с.; Т.2. 1887–1892. 578 с.
33. Ремнев А. В. Проблема «указа и закона» в пореформенной России // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1987. Вып. XVIII. С.175–189.
34. Ремнев А. В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Политическая энциклопедия, 2010. 511 с.
35. Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. 312 с.
36. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 247 с.
37. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.3. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Ч.1. 358 с.; Ч.2. 315 с.
38. Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.
39. Тхоржевский И. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. Т.4. С.16.
40. Свод законов. Изд. 1857. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т.1. 1020 с. Разд. паг.
41. Черникова Н. В. «Правительственный кризис» в исполнении отечественной бюрократии: Особые совещания 1878–1879 гг. // В ритме времени: Фронтовик, Учи-

тель, Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С.Итенберга. Сб. статей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С.200–235.

42. Чернуха В.Г. Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С.283–367.

43. Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. 296 с.

44. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.) / Сост., предисл. и коммент. В.В.Козыря. СПб.: Судостроение, 2006. 784 с.

45. Yaney G.L. The systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia. 1711–1905. Urbana: University of Illinois Press, 1973. 430 p.

Игорь Татаринов

«СЛИШКОМ ЧАСТО МЕНЯЕМ ГРАНИЦЫ»:

УТОЧНЕНИЕ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИХ ГРАНИЦ МЕЖДУ РСФСР И УССР (1926–1928 гг.)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(470)+94(477)«26/28»

В статье автор освещает основные вопросы, связанные с завершающим этапом форматирования российско-украинской межреспубликанской границы в 1926–1928 гг. Подчеркивается, что динамику и содержание российско-украинского разграничения в 1920-е гг. определил целый комплекс причин внутривнутриполитического характера. Стороны вновь обращались к этнографическим критериям, подкрепляя их экономическими и политическими аргументами. Итогом территориальных споров стало уточнение межреспубликанских границ в октябре 1928 года. Эти рубежи послужили основой при установлении сухопутной государственной границы между Российской Федерацией и Украиной в 1991 году.

In the article, the author coverage of the main issues related to the final formatting of the Russian-Ukrainian inter-republican border in the 1926–1928. It is emphasized that the dynamics and content of the Russian-Ukrainian demarcation in the 1920s identified a whole range of domestic political reasons. The parties again turned to ethnographic criteria, reinforcing them economic and political arguments. The result of the territorial disputes was the clarification of the inter-republican borders in October 1928. These boundaries served as the basis for the establishment of the land state border between the Russian Federation and Ukraine in 1991.

Ключевые слова: Украинская ССР; РСФСР; Меловое; Чертковое; Курская губерния; Воронежская губерния; украинско-российская граница.

Key words: Ukrainian SSR; RSFSR; Melovoye; Chertkovo; Kursk province; Voronezh province; Ukrainian-Russian border.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

**Краткая историография
вопроса**

Формирование российско-украинских межреспубликанских границ в 1920-е годы проходило крайне сложно и сопровождалось ожесточенными спорами и апелляциями. Неудивительно, что советская историография практически обошла вниманием этот процесс. Господствовавшая в то время в национальной политике концепция «дружбы народов» не допускала возможности научного обсуждения каких-либо территориальных претензий у «братских советских республик». Лишь с крушением Советского государства стали выходить работы, прежде всего, украинских авторов, разбиравших различные аспекты пограничных межгосударственных отношений между РСФСР и УССР в 1920-е гг. Немаловажным было то, что эти историки строили свои исследования, опираясь на архивные материалы. В частности, вопросы завершающего этапа (1926–1928 гг.) российско-украинского разграничения в той или иной степени поднимались в работах таких украинских авторов, как В.Боечко, А.Ганжа, Б.Захарчук [13], Г.Ефименко [25–29], В.Кузьменко [30], Т.Максимчук [20], В.Сергийчук [31], В.Шабельников [33] и других исследователей. Традиционно их нарратив фокусируется вокруг мнения, что украинская граница должна быть тождественна этническим рубежам и ареалу проживания всех украинцев.

Отметим также работы известных российских исследователей. Материалы по уточнению межреспубликанских границ в 1920-е гг. мы находим в работах Е.Борисенок [14–15], Е.Кринко [17–19], К.Дроздова [16] и других историков. Кроме этого, заслуживает внимания коллективный труд ученых Института славяноведения РАН «Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе» [23] и монография «Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства» [24]. Следует констатировать, что в этих комплексных исследованиях границы и регионы рассматриваются в политическом, административном, этническом, языковом и культурном аспектах. В частности, весьма подробно проанализирована динамика становления региональных особенностей и границ Украины в XVII–XX веках. В отличие от украинских коллег, фокусировавших внимание на характере применения этнического компонента при разграничении, российские ученые сделали акценты на определяющем влиянии экономических факторов при формировании границ республик в 1920-х гг. Их работы выделяются широтой оценок, богатством выводов и более основательной работой с источниками. В отличие от их украинских коллег, где наблюдается игнорирование политико-экономического

фактора и в целом сквозит негативная оценка произведенного в 1920-е гг. разграничения в Центральном Черноземье, на Донбассе и Приазовье. Более того, гипертрофированный акцент украинских авторов на примате этнографического критерия при межреспубликанском разграничении в первой трети XX века существенно мешает им объективно и всесторонне оценить исследуемые процессы.

На основе комплекса документальных источников и опубликованных материалов из отечественных и зарубежных центральных и региональных архивов, а также анализа работ ведущих ученых-историков, автор пытается проследить и проанализировать динамику, принципы и механизмы форматирования межреспубликанских границ на завершающем этапе их конструирования, выявив основные факторы, обусловившие выработку компромиссного решения по украино-российскому разграничению. Следует заметить, что именно это решение, зафиксировавшее межреспубликанские границы, стало основой при установлении сухопутной государственной границы между Российской Федерацией и Украиной в 1991 году. Детальное изучение процесса изменения межреспубликанских границ в 1920-х годах позволяет не только закрыть ряд «белых пятен» в российско-украинских отношениях, позволив более взвешенно посмотреть на проблему, но и помогает выявить характерные черты внутренней политики советского высшего партийного руководства в исследуемый период.

Особенности реализации постановления ЦИК СССР от 16 октября 1925 г.

Имплементация постановления ЦИК о межреспубликанском разграничении потребовала серьезной подготовительной работы. Для «практического осуществления всей работы, связанной с проведением в жизнь постановления ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. по вопросу урегулирования границ между УССР и РСФСР в части Гомельской, Брянской, Курской и Воронежской губерний», 1 февраля 1926 г. были созданы восемь местных приемо-сдаточных комиссий на паритетных началах. В них было по два представителя от каждой заинтересованной стороны. На местные паритетные комиссии легла обязанность осуществить передачу территорий к 1 марта 1926 г. Однако этот процесс затянулся в вторую половину 1926 года. Так, 17 июля состоялось очередное заседание центральной Паритетной комиссии. На нем украинский представитель К. Федотов заявил: «Мы смотрим на это заседание Паритетной комиссии как на последний аккорд нашей работы, и считаем, что после этого

заседания конец всяческим спорам». Украинцы имели в виду судьбы отдельных пограничных населенных пунктов, жители которых просили включить их либо в состав УССР, либо – РСФСР. Обсуждая присоединение к Украинской ССР того или иного населенного пункта, украинские представители, например К. Федотов, клятвенно заверяли российских партнеров: «Я даю здесь торжественное обещание, что на протяжении ближайших лет Украина не заикнется насчет территориального изменения» [7, л.33].

Заметим, что украинская сторона, даже после вынесения согласованного сторонами решения о межреспубликанском разграничении от 16 октября 1925 г., продолжала выражать озабоченность экономическим состоянием отходящих к Украине районов. Примечателен в связи с этим диалог указанного выше украинского представителя в Паритетной комиссии К. Федотова с председателем комиссии:

«Федотов. Когда мы были в РСФСР, мы получали семсуду, стоило перейти к УССР, ничего не получаем.

Председатель. Раз вы приняли на себя определенную территорию, извольте позаботиться о населении. Все споры материального порядка, кроме территориальных споров, возникающих при передаче территории, разрешаются в порядке соглашения.

Федотов. Я целиком присоединяюсь к этому предложению» [7, л.28].

Как справедливо заметила по этому вопросу Е. Борисенок: «Создает впечатление, что представители украинской стороны в Паритетной комиссии стремились использовать все возможности увеличить территорию УССР, даже когда речь шла о совсем небольших участках. На основании "вклинивания" в территорию Украины украинская делегация пыталась присоединить к ней часть Крупецкой и Теткинскую волость Путивльского уезда Курской губернии, но столкнулись с твердой позицией остальных членов Паритетной комиссии, ибо эти земли не просто "вклинивались" в УССР, но представляли собой важную промышленную зону» [14, с.232].

Интересно обратиться к документам, касающимся работы местных приемо-сдаточных комиссий. Они демонстрируют, с какими сложностями столкнулись стороны при передаче той или иной территории. В частности, на имя секретаря ЦИК СССР А. Енукидзе пришло письмо от его украинского коллеги А. Буценко, где приводились весьма неприятные факты. Как и при передаче донских земель, органы местного самоуправления Курской и Воронежской губерний отзывали «лучшие партийные силы с той территории, которая отходит к УССР, и на это

имеются неоднократные жалобы наших уполномоченных, в частности, члена ВУЦИКа Пашковского. Надо сказать, что при передаче Шахтинского и Таганрогского округа мы строго выполнили директивы партии и никого из партработников к отходящей территории не отозвали» [10, л.17]. Там же перечислялись конкретные действия российских местных властей, вызвавшие недовольство украинцев: «...Снимают некоторый технический и научный персонал, в частности землемеров, агрономов и т.д. ...Зачастую доходит до чистейшего абсурда, увозят кой-какие материалы, в том числе и медные колокола, о чем свидетельствует телеграмма нашего уполномоченного. На все вышесказанное просьба обратить внимание и немедленно дать распоряжение по существу, дабы Комиссия имела возможность скорее закончить работу» [Там же].

Очевидно, союзный ЦИК получал массу подобных жалоб на действия местных органов власти и в итоге стал в этом вопросе на сторону украинцев. Так, 13 марта 1926 года Президиум ВЦИК на своем заседании подтвердил, что «всякого рода переброска и перераспределение имущества с территории, предназначенной к передаче из РСФСР в УССР, являются недопустимыми» [6, л.88].

Следует заметить, что постановление ЦИК СССР от 16 октября 1925 года не закрыло вопрос российско-украинского территориального разграничения, но сняло некоторую остроту и напряженность в межреспубликанском диалоге. Однако союзный ЦИК не везде смог гармонично скомбинировать этнографический принцип, за который так активно ратовала украинская сторона, и экономическую целесообразность, к чему зывали российские представители в комиссии по разграничению. Новая межреспубликанская граница поделила в некоторых местах как населенные пункты, так и производственную инфраструктуру (село Авилло-Успенка, поселок Чертково и др.). Этот факт в дальнейшем негативно сказался на их экономическом и социальном состоянии.

Уже в следующем 1926 году российско-украинские межреспубликанские споры по вопросу принадлежности территорий возобновились. На этот раз аренной противостояния стали российский поселок и станция Чертково Северо-Кавказского края и украинский поселок Меловое Старобельского округа. Спорный узел Меловое – Чертково стал предметом разбирательства на партийном уровне. Украинские партийные деятели отмечали «полную однородность хозяйственно-экономической структуры смежных округов УССР и Сев. Кав. Края РСФСР» и наличие «хозяйственной коллизии, которая создана с момента установления существующей государственной границы и требует, в связи с этим, скорейшего

разрешения» [12, л.35]. Секретарь Старобельского Окргарткома Д.Казачков в письме в ЦК КП(б)У от 11 января 1926 года среди прочего указывал на наличие территориальных притязаний со стороны Северо-Кавказского края на Меловской район, входивший в Старобельский округ УССР. Как и не забыл отметить намерения добиваться вхождения станц. Чертково и Леоно-Калитвенского района в состав Украинской ССР [18, с.641–642].

В очередном письме в ЦК КП(б)У (март 1926 г.) Д.Казачков с тревогой отмечал, что на станции Чертково, которой пользовались при отправке хлебных грузов украинские хлебозаготовители, «на 1 марта 1926 г. скопилось более 300 тыс... пудов хлеба», который вынуждены были складывать на открытые, непригодные для хранения площадки станции. Отмечались факты намеренного препятствования со стороны Миллеровского Окрисполкома подачи вагонов на погрузку и отправку этих грузов, применявшего кроме этого и «иные меры экономической борьбы» [1, л.11].

В Старобельский Окргартком регулярно поступали сведения о фактах недоброжелательного, а местами враждебного отношения между украинской и российской сторонами. Например, в письме Меловского райкома партии от 26.08.1926 г. приводились факты «переманивания» меловчан на бесплатные киносеансы во время запланированных украинской стороной мероприятий. Кроме этого, сманивались торговцы-меловчане, которым было более выгодно торговать в российском поселке Чертково по более низким, чем в украинском Меловом, налоговым ставкам. В итоге местный бюджет п. Меловое недосчитывался значительных поступлений вследствие снижения торговли и падения товарооборота.

Особое недовольство чиновников Старобельского Окргарткома вызвал факт недопуска на станцию Чертково специальной партийной комиссии с целью ознакомления с работой украинских заготовительных структур. Как оказалось, острота проходившего всю первую половину 1920-х годов российско-украинского разграничения оставила неприятный осадок у чиновников по обе стороны границы. Комиссии было заявлено: «Мы знаем цель Вашего приезда, но Ваше дело не выйдет. Мы никогда не согласимся присоединиться к Украине, о которой мы и не думали». Выяснилось, что это недружественное, недобрососедское событие произошло по распоряжению главы Маньково-Калитвенского исполкома Серова и секретаря РПК Туменко. Комиссию также возмутили слова завклубом Данцева, который «высмеивал украинизацию, особенно в кино». Обращаясь к своим подчиненным, он с издевкой говорил: «Ты

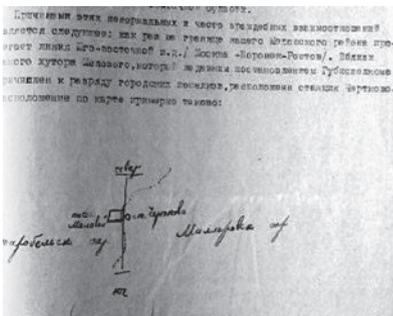
знаешь, кто это? Это комиссия!» В его словах члены комиссии усмотрели шовинизм и неуважение [2, л.18–20]. Этот конфликт стал предметом разбирательств на комиссиях между Миллеровским и Старобельским ОПК, где данные факты подтвердились. Старобельская контрольная комиссия отметила, что «некоторые члены партии высмеивали ...наших товарищей как украинцев» [2, л.30].

Эти и другие факты заставили секретаря Старобельского Окрпаркома Д.Казачкова вновь обратиться с официальным письмом (октябрь 1926 г.) к главе ЦК КП(б) Украины Л.Кагановичу. Он обращал внимание на «вопиющие безобразия, которые творятся на границе УССР и Северо-Кавказского края, принимающие местами характер преступлений, и о которых дальше молчать нельзя». Указав на экономическое тяготение и этническую связь Чертково с Украиной, автор отметил, что власти Северо-Кавказского края еще в 1924 году «ставили милицейские заставы, которые не пропускали на нашу территорию выезжающих на базар крестьян», что приводило порой к столкновениям с милицией [1, л.45–46].

В этом же письме упоминались факты переманивания торговцев с украинской стороны на российскую «путем налогового послабления» последним. Однако основной акцент в письме был сделан на экономической и политической составляющих проблемы, а также фактах прямого вредительства и саботажа со стороны соседей. В частности, упоминалась порча украинского зерна на площадках, препятствия в подаче вагонов под грузы и т.п. По мнению Д.Казачкова, устранить эти негативные факты и явления возможно путем воссоединения с Украинской ССР Маньково-Калитвенского района (где

территориально и располагалась ст. Чертково), в котором большинство населения, по его мнению, было украинское. При этом автор письма отметил наличие у Северо-Кавказского края крупной узловой станции Миллерово и ряда иных станций, тогда как для поселка Меловое Чертково – «единственный выход» [1, л.47–48].

Казачков указал также, что сам поселок Меловое «совершенно ис-

Фрагмент письма Д.Казачкова с зарисовкой схемы узла п.Меловое — ст.Чертково

кусственно разделен проходящей через него границей между двумя республиками. Большая часть поселка... входит в состав Старобельского округа, где находится товарная контора и платформа станции, а также часть станционных путей. Меньшая часть поселка "рабочий поселок", со зданием самой станции и пакгаузом, числится в РСФСР. Насколько искусственна эта граница, показывает особенно тот факт, что она разделяет на две части даже отдельные здания, как например, железнодорожное депо, отдел Донугля и т.д. Рынок поселка имеет такую же участь. Население поселка испытывает много неудобств при таком искусственном разделении». В целом же, «все эти ненормальности явились результатом искусственного установления государственной границы...» [2, л.16–17].

Уточнение межреспубликанских границ между РСФСР и УССР в 1926–28 гг.

Важно обратить в связи с этим внимание на особенности регулирования национального вопроса в Советском Союзе в исследуемые годы,

который оказал весьма существенное влияние на динамику и особенности процесса российской-украинского разграничения 1920-х гг. Еще в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) была объявлена решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма и местного национализма. В итоге официальный курс партии в национальном вопросе сместился в сторону коренизации и, прежде всего, – партийно-государственного аппарата. Целью было обеспечить «национальный облик советской власти в республиках», придав «пропагандируемому большевиками социалистическому выбору привлекательные ...формы» [15, с.86–87]. На происходившие в 1920-е гг. процессы межреспубликанских административно-территориальных согласований национальный фактор достаточно часто оказывал решающее влияние. Набиравшую силу с середины 1920-х украинизацию населения российского Центрального Черноземья ряд российских ученых сегодня рассматривает также как своего рода «вынужденную компенсацию со стороны местной власти, чтобы погасить недовольство среди части украинского нацменьшинства, не удовлетворенного результатами территориального размежевания и продолжавшего настаивать на передаче этой территории Украине. И особенно недовольства среди высшего руководства УССР, ратовавшего за присоединение этих территорий к Украине» [16, с.200].

В силу сложных культурно-миграционных процессов на спорных приграничных территориях местами сформировался уникальный этни-

ческий субстрат со своими обычаями и традициями бытования, языком (часто суржиком), далеким от внедряемого в процессе украинизации варианта языка. Это, наряду с иными сложностями, препятствовало претворению в жизнь директив партии и правительства в национальном вопросе. Так, глава Воронежского губернского отдела народного образования А.Щепотьев в 1925 г. определил основные причины неприятия населением украинизации образования в губернии: «1. Полное отрицание украинского языка как самостоятельного, как неправильного говора русского языка. Благодаря вековой русификации и малокультурности у него сложилось пренебрежительное отношение к собственному языку.

2. Отсутствие у населения перспективы национальной школы. Население не видело перспективы в создании украинских школ ввиду оторванности их от жизни. Школ 2-й ступени и средних учебных заведений с украинским языком не было, делопроизводство велось на русском языке. 3. Неясности в отнесении групп населения к той или иной национальности...

<...> Наблюдаются случаи, – резюмировал глава ГубОНО, – когда на местах без предварительной подготовки проводят голосование, желает ли население иметь свою школу на украинском языке. Население вследствие упомянутых причин естественно голосует за русский язык» [3, л.204].

В январе 1927 г. «Известия» опубликовали сообщение «Национальные сельсоветы», в котором говорилось: «Происходившая весной 1926 г. передача части территории губернии Украине поставила вплотную вопрос об украинизации и в целом ряде сел с украинским населением, оставшихся в составе губернии; работа по украинизации до последнего времени, однако, не была развернута достаточно широко, особенно в отношении административного аппарата. Украинизировались, в первую очередь, школы, избы-читальни, ликпункты; сейчас начинается украинизация и аппарата советов» [22].

Анализируя исследуемые процессы, важно указать на определенную ограниченность ресурсов на местах. Власть там зачастую не имела необходимых средств, квалифицированных и подготовленных кадров, однако вынуждена была реализовывать спускаемые сверху решения. Так, в одном из писем (ноябрь 1927 г.) в российский Наркомпрос жители Суджанской волости перечисляли трудности внедрения коренизационных мероприятий, отмечая при этом стремление жителей волости присоединиться к УССР: «Селяне не имеют возможности учиться грамоте на родном языке только потому, что имеют несчастье быть до сего вре-

мени присоединенными к РСФСР. На русском языке учиться не хотят, а на украинском языке нет разрешения, да и не по чем учиться, хотя бы украдкой. Вот так ликвидация неграмотности к 10-летию Октября! Ну что ж, подождем, может быть, и на нашей стороне будет праздник. Даже везде уже говорят, что наш Суджанский уезд скоро присоединится к УССР. Тогда и мы уже будем учиться, а пока что нет разрешения, учителей и учебников. "Видите (ли), – говорят, – нельзя, потому что мы Великороссия". А все ж таки нужно будет поспешить с установлением границ между УССР и РСФСР. Нужно прислушиваться к голосу селянства нашего бывшего Суджанского уезда, его экономическое тяготение к Харькову, и другие, этнографические основания. Право на развитие своей культуры, об этом говорит тов. Ленин и это подтверждено XIII съездом РКП. Исполнения этого наши селяне требуют, и оно должно быть проведено в жизнь» [5, л.2].

Чтобы успокоить украинских товарищей, активно сигнализовавших о вышеуказанных сложностях, в Москве пообещали постепенно исправить ситуацию. Например, если в 1927 году на территории Центрально-Черноземных областей насчитывалось 468 начальных школ, то к 1931 – уже 1378. Там же из числа неполных средних и школ ФЗО украинизировали 51, в 8 украинских педтехникумах обучали около 1 тыс. студентов, а в Воронежском госуниверситете готовили преподавателей украинского языка и литературы. Кроме того, к 1931 году в регионе издавалось 13 районных газет на украинском языке: «Путь коммуны» (Алексеевка), «Ленинским путем» (Калач), «Колхозное строительство» (Михайловка), «Знамя коммуны» (Кантемировка), «Луч коммуны» (Павловск), а также областная «За грамотность коллективиста» (Воронеж) [31, с.48–49].

По мнению известного американского ученого-советолога Т.Мартина, украинский вопрос в РСФСР возник из-за того, что в ходе территориального размежевания 1924–1925 гг. соглашение о границах Украину не удовлетворило, и она начала действовать в двух направлениях: требуя пересмотреть пограничные соглашения и одновременно настаивая на том, чтобы правительство РСФСР предоставило украинцам статус национального меньшинства и вплотную занялось осуществлением политики украинизации [21, с.395]. Профессор В.Солдатенко приводит общую характеристику состояния украинского населения на территории РСФСР, примыкающей к УССР: школой украинское население или совсем не обеспечено, или обеспечено в очень незначительной мере. Все указания по данному вопросу центральной власти на местах не исполня-

ются. Местные органы власти на деле проводят другую линию в отношении обслуживания украинского населения, нежели та, которую намечает центральная власть и партия в целом [32, с.178].

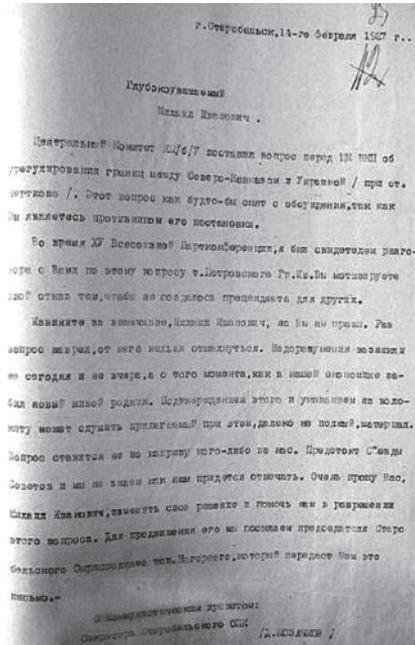
Приведенные в упомянутом выше письме Д.Казачкова конфликтные ситуации и споры послужили основой секретной докладной записки для ЦК ВКП(б) «По вопросу об исправлении государственных границ УССР и Северо-Кавказского края в районе ст. Чертково» (апрель 1927 г.). Среди прочего, там приводились изложенные выше факты и ходатайствовало о передаче станции Чертково к п. Меловое [2, л.13–18]. Политбюро ЦК ВКП(б) изначально положительно отнеслось к предложению и рекомендовало фракции ЦИК СССР «оформить передачу бывшей Леоно-Калитвенской волости Донского округа Северо-Кавказского края в состав Старобельского округа УССР» [Там же, л.18]. Кроме того, украинские товарищи вновь обращались к вопросу о принадлежности Донецко-Шахтинского и Таганрогского округов, который, казалось, в 1925 году был улажен на основе консенсуса сторон. По мнению украинцев, их отторжение искусственно разделило хозяйственно-целостную единицу (Донбасс), что могло усложнить процесс оперативного управления предприятиями. Настаивая на возвращении Украине Таганрогского округа, насчитывавшего на тот момент 257 тыс. жителей, отмечалось, что изменения его границ позволят поднять экономику округа, а также «выпрямить в этом месте государственную границу, врезавшуюся узким и длинным клином в территорию УССР» [12, л.35–36].

Однако фракция ЦИК решила более не поднимать этот вопрос. Известно, например, что глава ВЦИК М.Калинин не поддерживал украинскую сторону в их стремлении подкорректировать границы в свою пользу. Украинские товарищи хорошо знали его мнение. В отечественных архивах хранятся обращения, которые ему неоднократно адресовались по этому вопросу. Например, в письме секретаря Старобельского ОПК Д.Казачкова от 14.02.1927 г. речь снова шла об исправлении российско-украинских границ в районе станции Чертково Северо-Кавказского края. Пытаясь указать на неправоту главы ВЦИК в части «несвоевременности вопроса» и «чтобы не создавать прецедента для других», Казачков просил его изменить свое мнение и высказывал просьбу о помощи в решении этой проблемы [2, л.25].

Медленный и сопряженный с различными сложностями процесс украинизации, прежде всего в Центральном Черноземье и на Кубани, дал очередной повод для украинских партийных руководителей вновь поднять вопрос о территориальной принадлежности приграничных

районов. В этот период началась подготовка к созданию в Центральном Черноземье одноименной области с центром в г. Воронеж. Украинцы решили в связи с этим снова выдвинуть претензии на часть территорий Воронежской и Курской губерний. Украинские лидеры, в лице одного из главных проводников украинизации – народного комиссара просвещения Украинской ССР Н.Скрипника, сигнализировали о фактах грубого «извращения национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях», утверждая, что украинизация там совсем не проводилась [15, с.104]. Украинская сторона вновь предлагала вернуться к установлению «государственной границы между УССР и РСФСР по этнографическому принципу», что «вполне совпадает с сельскохозяйственными и экономическими районами» [Там же, с.104–105]. В частности, УССР заявила территориальные притязания на Валуйский, Острогожский, Россошанский и Богучарский уезды Воронежской губернии. В очередной раз украинская сторона вернулась к этническим аргументам, утверждая, что население этих уездов в «большинстве своем украинское», а в самих уездах «отсутствует соответствующий уровень украинизации». Не обошлось и без экономики, т.к. отмечалось, что спорная «территория исторически и экономически тяготеет к Харьковской губернии» [4, л.44–48].

В Политбюро ЦК ВКП(б) была отправлена докладная записка за подписью секретаря ЦК КП(б) Украины Л.Кагановича «Об урегулировании государственной границы между УССР и РСФСР» (26.04.1928 г.). В ней украинская сторона вновь пыталась актуализировать вопрос об исправлении межреспубликанских границ, апеллируя на этот раз не только к этническим аргументам, но и указывая на возможные экономические

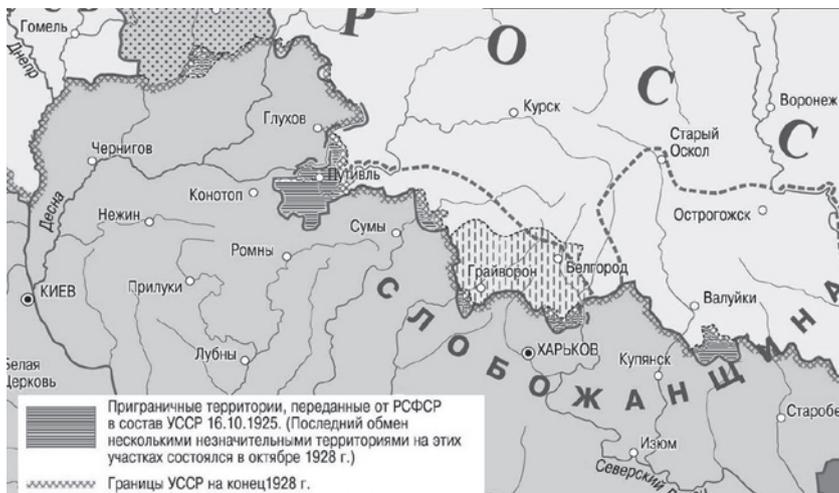
Письмо секретаря Старобельского ОГК
Д.Казачкова главе ВЦИК
М.Калинину от 14.02.1927 г.

выгоды. Среди прочего, там отмечалось, что «до настоящего времени в непосредственно прилегающей к УССР территории РСФСР осталось украинского населения свыше 2000.000, которое расположено компактными массами в Курской, Воронежской губерниях и Северо-Кавказском Крае». Л.Каганович отмечал, что «при установлении границ между УССР и РСФСР не был положен в основу этнографический принцип. По Курской губернии из общего количества населения в 2.906.060 жителей украинцев насчитывается 554.654 или 19,1%». По Воронежской губернии из «общего количества населения 3.308.023 жителей украинцев насчитывается 1.078.552 или 32,6 процента. Из общего количества 38 волостей по Южной группе с преобладающим (более 50%) количеством украинцев мы имеем 31 волость, причем половина из них населена украинской национальностью на 3/4 и более от общего количества населения». По Северо-Кавказскому Краю «из общего количества населения по трем округам, находящимся в непосредственном соседстве с УССР в 1.183.480 жителей, украинцев насчитывается 468.977 или 39,6%. Наряду с этим необходимо отметить, что проведение государственной границы между УССР и РСФСР по этнографическому принципу вполне совпадает с сельскохозяйственными и экономическими районами». В завершении Л.Каганович просил вынести «принципиальное решение, чтобы вопрос установления на основе этнографических данных точных границ между УССР и РСФСР был передан в специально созданную для этого смешанную комиссию» [12, л.35–37].

Неизвестно, по каким мотивам Л.Каганович в эти же дни решил сменить место работы и жительства с Харькова на Москву. Однако в Протоколе Политбюро за № 33 от 7 июля 1928 г. указано, что он попросил «об освобождении его от работы на Украине». Москва приняла в связи с этим соответствующие решения и, очевидно, посчитав работу Лазаря Моисеевича на Украине успешной, отправила его на повышение: «а) Удовлетворить просьбу Кагановича об освобождении его от работы на Украине и предложить Пленуму утвердить его секретарем ЦК ВКП(б); б) Рекомендовать Косиора Ст. в качестве первого секретаря ЦК КП(б) У, освободив его от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б)» [8, л.1]. С уходом такого «политического тяжеловеса» и авторитетного партийного руководителя, как Л.Каганович, позиции украинцев в вопросе межреспубликанского разграничения значительно ослабли. Документально практически не прослеживается после 1928 года новых споров по вопросу принадлежности тех или иных российско-украинских приграничных районов. Перед страной стояли новые грандиозные задачи, и отвлекаться

на межреспубликанский арбитраж Москва не собиралась. Украина получила четкий сигнал, что новых уступок в территориальном вопросе не будет.

Чтобы снять некоторое напряжение в отношениях между двумя республиками, 19–24 октября 1928 года Президиум ЦИК СССР своим постановлением переподчинил ряд населенных пунктов РСФСР Украинской ССР. В частности, передавались села Смокаревка и Рашковичи Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии, села Старицы, Прилепки и Огурцово Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии, села Великая Рыбица, Мирополье, Студенки, Запселья, Пенянки, Александрия, Васильевка, Новая Деревня Миропольской волости Грайворонского уезда Курской губернии. По спорному вопросу о присоединении к Украине ряда населенных пунктов Курской губернии, а также сел Знобь-Трубчевская и Грудское Брянской губернии, было отказано. Кроме этого, решено оставить без изменений границы сел Уразово, Шведуновки, Герасимовки, Долговки и Константиновки Уразовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии. Эти населенные пункты оставались в составе РСФСР [11, л.4].

Уточнение российско-украинской границы в 1928 году

Еще раз вопрос о будущем населенных украинцами уездов Воронежской и Курской губерний был поднят 12 февраля 1929 года на большой (55 человек) встрече И. Сталина с украинскими писателями. В личном

фонде вождя в РГАСПИ хранится «Стенограмма беседы Сталина И. В. с украинскими писателями о путях всемерного развития национальной литературы и культуры» [9, л.1–27]. В процессе обсуждения перспектив развития советского искусства весьма неожиданно был поднят вопрос о целесообразности изменения межреспубликанских границ: «Товарищ Сталин, как вопрос с Курской, Воронежской губерниями и Кубанью в той части, где есть украинцы? Они хотят присоединиться к Украине» [9, л.19]. Сталин возразил, что «этот вопрос не касается судьбы русской или национальной культуры», однако с места настаивали, что «это ускорит дальнейшее развитие культуры там, в этих местностях» [Там же]. После этого генсек ВКП(б) обстоятельно пояснил писателям нецелесообразность подобных изменений. Он отметил, что «вопрос несколько раз обсуждался у нас, так как часто слишком меняем границы. Слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны и вне страны», что на это, как на слабость советского государства, обращали внимания некоторые белоэмигранты (Милюков) [Там же].

Вождь завершил ответ на этот вопрос, резюмировав: «Внутри мы относимся осторожнее к этому вопросу, потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор. С этим надо считаться, с точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры... Конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР. У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т.д. (Смех). Это вопрос чисто практический. Он раза два у нас стоял. Мы его отложили, – очень часто меняются границы. ...Приводятся цитаты из Ленина, что национальные различия должны отмереть, ...границы и всякие другие различия, вплоть до языка» [9, л.19–20].

После этого Сталин, поясняя понятие «нация» как «территориальное единство, язык, экономическая общность, государственность», указал на ошибочность мнения о необходимости присоединения к такой общности «еще одной губернии», которая «тоже вызывает отпор у русских. Я думаю, что такой вопрос надо решать осторожно, не слишком забегая вперед... Я не знаю, как население этих губерний, хочет присоединиться к Украине?». На утвердительные возгласы из зала «хочет, хочет», Сталин возразил: «А у нас есть сведения, что не хочет» [9, л.19–20]. После этого генсек сместил акцент дискуссии на отличия в употреблении терминов «нация» и «национальность», весьма точно отметив, что

на Украине сейчас происходит «период шлифовки литературно-национального языка», завершив довольно оживленную полемику с украинскими писателями на лингвистической ноте [Там же, л.20–27].

Заключение

Очевидно, что при формировании Советского Союза центр решил по возможности учитывать интересы республиканских элит, «идя

им навстречу», в том числе и по вопросу границ между республиками. Характер российско-украинского разграничения в 1920-е гг. определил целый комплекс причин. Четко осознавая стремление республик к большей самостоятельности, Москва наделила их значительной долей суверенитета. Украинские партийно-хозяйственные деятели весьма болезненно реагировали на решения центра о возврате под российскую юрисдикцию Таганрога и Восточного Донбасса, воспринимая эти территориальные потери в качестве ущемления украинского суверенитета. Этим можно объяснить ту ожесточенность и местами непримиримость споров с российской делегацией по вопросу о принадлежности различных приграничных территорий.

В такой ситуации Москва вынуждена была занять роль арбитра, часто пресекая излишние требования, преимущественно украинской стороны. Потеряв ряд округов на юго-востоке, украинские партийные руководители решили сконцентрировать внимание на присоединении российских волостей и уездов Курской, Воронежской и Брянской губерний. При этом наблюдалась корректировка тактики. В 1925 году украинцы сместили акценты в межреспубликанском разграничении с этнического фактора и многочисленных апелляций к «воле народа» в сторону реализации санкционированной высшим партийным органом основных положений советской национальной политики. Отчасти данный подход принес свои плоды: ЦИК СССР занял компромиссную позицию, направленную на достижение сторонами консенсуса. Украинская ССР смогла добиться некоторых территориальных уступок со стороны РСФСР (октябрь 1928 г.), однако они были незначительны по сравнению с первоначальным вариантом требований. Последнее слово осталось за высшим партийным руководством страны, решительно умерившим украинские территориальные аппетиты и поставившим точку в многолетнем споре.

С принятием страной новых народно-хозяйственных целей и ориентиров (политика коллективизации сельского хозяйства и индустриализация), вопросы межреспубликанского разграничения между РСФСР

и УССР более не поднимались на высшем партийно-государственном уровне. В межреспубликанском диалоге исчезли нотки «обиды и несправедливости» за неприсоединенные невозвращенные уезды. Этот вопрос утратил свою актуальность вместе со сменой приоритетов развития советского государства. Считалось, что в целом административно-территориальное устройство страны оптимально и будет способствовать реализации поставленных народнохозяйственных задач.

Библиографический список

1. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.П-4. Оп.1. Д.107.
2. ГА ЛНР. Ф.П-4. Оп.1. Д.216.
3. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф.Р.1. Оп.1. Д.2097.
4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО) Ф.1. Оп.1. Д.1664.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-296. Оп.1. Д.151.
6. ГАРФ. Ф.5677. Оп.1. Д.28.
7. ГАРФ. Ф.6892. Оп.1. Д.24.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.695.
9. РГАСПИ. Ф.558. Оп.1. Д.4490.
10. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины) Ф.1. Оп.3. Д.62.
11. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.4. Д.1199.
12. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп.20. Д.1813.
13. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: «Основи», 1994. 168 с.
14. Борисенко Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С.205–237.
15. Борисенко Е. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы / Ин-т Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
16. Дроздов К. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.
17. Кринко Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Материалы Международ.

науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С.44–48.

18. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. №34 (4). С.639–644.

19. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. «...Избрать паритетную комиссию»: документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. №3(9) С.204–219; 4(10). С.288–295.

20. Максимчук Т.А. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. Донецк. 2001. 272 с.

21. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. 666 с.

22. Национальные сельсоветы: (от нашего курского корреспондента) // Известия. 1927. 29 янв. № 23.

23. Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. Отв. ред. Л.Горизонтов. М.: Института славяноведения РАН. Изд-во ОАО «Стратегия», 2005. 303 с.

24. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства: монография / под ред. В.Колосова, О.Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.

25. Єфіменко Г., Кульчицький С. Кордони державні України, принципи і історична практика їх визначень // Енциклопедія історії України: У 10 т. К., 2008. Т.5. С.137–148.

26. Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.

27. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. 2011. С.135–176.

28. Єфіменко Г. Формування кордону між УСРР та РСФРР в 1917–1928 рр. // Historians. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1342-hennadii-yefimenko-formuvannia-kordonu-mizh-usrr-ta-rsfrt-v-1917-1928-rr>. (дата обращения: 21.01.2020).

29. Єфіменко Г. Формування російсько-українського кордону. Слобожанщина // Слобідська Україна та формування українсько-російського кордону, 2017. С.18–35.

30. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. №4 (16). С.26–30.

31. Сергійчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергійчук М.І., 2008. 560 с.

32. Солдатенко В.Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ: Пошуківно-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2002. 352 с.

33. Шабельніков В.І. Зміни в адміністративно-територіальному поділі Донбасу у 1917–1930 рр. // Історичні дослідження. Зб. наук. праць. Донецьк. 2009. Вип. №2. С.69–75.

Путешествия учат больше, чем что бы то ни было. Иногда один день, проведенный в других местах, дает больше, чем десять лет жизни дома.

Анатоль Франс

Новые тропы открывает лишь
тот, кто готов заблудиться.

Жан Ростан

Евгения Лупанова

**«РУДНИКИ...
ДО СИХ ПОР...
НЕ ОБНАРУЖЕНЫ»**

**НАВИГАЦИОННЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ
ЭКСПЕДИЦИИ ЛЕЙТЕНАНТА
А.П.ЛАЗАРЕВА 1819 г.**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47)

На 2021 г. запланировано начала разработки Павловского месторождения на Новой Земле. Некоторые данные о том, что на острове можно добывать цинк, серебро и свинец, были известны еще в XVI–XVII вв. Со времен Ивана Грозного организовывались экспедиции для поиска богатств Севера. Можно ли было начать осваивать суровый край на 200 лет раньше? Какие трудности стояли на пути моряков в XIX в.? Изучение навигационных инструментов, находившихся в их распоряжении, – это один из целого ряда аспектов изучения проблемы. Но даже он является показательным и интересным как с точки зрения изучения процесса освоения Заполярья, так и с точки зрения истории флота.

The start of ore mining at Pavlovskoye occurrence on the island Novaya Zemlia is planned on 2021. There is some data known since the 16–17th centuries that it is possible to mine at that place zinc, silver and lead. Since the time of Ivan the Terrible there were several expeditions to search the treasures of the North. Was it possible to start mining 200 years earlier? What difficulties did the sailors face? The study of navigation instruments, they could use, is just one aspect of that problem. However even this only aspect is an important key for better understanding the processes of the acquisition of the North and development naval technologies.

Ключевые слова: история науки; компас; морской хронометр; месторождение; экспедиция; картирование.

Key words: history of science; compass; naval chronometer; occurrence; expedition; charting.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

«...никогда два из наших компасов вместе не сходятся, и бывает между ними большая разность»

Капитан Тревен

Входящем году завершается цикл геологоразведочных работ по изучению Павловского месторождения на Новой Земле, следующим этапом должна стать разработка месторождения цинка, серебра и свинца. Работы ведет акционерное общество «Первая горно-рудная компания», позиционирующее себя в качестве первооткрывателя месторождения [15].

Современные геологические работы на Новой земле

Новая земля, современная фотография

Между тем для историков не секрет, что северные земли издавна влекли к себе русских первопроходцев не только пушниной и поиском безопасных торговых путей в условиях господства в море испанцев и португальцев, а позже – англичан. Важным стимулом освоения суровых краев был поиск месторождений драгоценных камней и металлов. В начале XIX в. были зафиксированы устные предания о добыче в некие стародавние времена новгородцами чистого серебра близ губы Серебрянки на острове Северный, а также свидетельство о существовании архивного дела «об отправлении повелением государя Ивана Васильевича рудокопов искать на Новой земле серебряную руду по примеру новгородцев» [14, с.12]. Однако древние секреты были забыты, в 1980 г. автор книги об истории изучения края писал: «Рудники... до сих пор... не обнаружены», но предания будоражили воображение. В XVII–XX вв. промышленники-энтузиасты совершили несколько экспедиций в поисках сокровищ [11].

Серебряная шахта,
иллюстрация XIX века

качество проведения исследований и дальнейшие перспективы поисков. Обнаружение и разработка месторождения серебра – это довольно сложная задача. Для ее решения требовался ряд предварительных шагов. Одним из первых должно было стать детальное картирование территории, для начала – береговой линии.

Экспедиция А.П.Лазарева была организована в 1819 г. «для описания окруженных вечными льдами берегов острова Новой Земли», особое внимание предписывалось уделить описанию западного и восточного берега, определению географических координат Канина носа и о. Колгуева. А.П.Лазарев писал о своих чувствах, связанных с назначением руководить экспедицией: «Лестная доверенность начальства, ... возвышая дух его сим выбором, воспламеняет в нем чувство признательности и рвение к общей пользе: он забывает боязнь и затруднения, и желание его достигнуть успеха в порученном деле не знает пределов. Но сколь ни лестна для меня... такая доверенность, ... вовлечен я был в чрезмерно заботливое положение: ужас климата, земля необитаемая никем, кроме хищных зверей, ледяные громады, – вот неприятели, с которыми я должен был иметь дело» [10, с.2].

Модель брига «Новая земля»

Правительство также считало работы в данном направлении перспективными, организовало и финансировало несколько проектов. В данной статье мы остановимся на одном из них – экспедиции под командованием лейтенанта А.П.Лазарева, а точнее на вопросе ее обеспечения навигационными инструментами, от которых напрямую зависело

качество проведения исследований и дальнейшие перспективы поисков. Обнаружение и разработка месторождения серебра – это довольно сложная задача. Для ее решения требовался ряд предварительных шагов. Одним из первых должно было стать детальное картирование территории, для начала – береговой линии.

стером А.М.Курочкиным на Соломбальской верфи. Экипаж состоял из 44 человек (по другим данным – из 50). По оценке В.М.Пасецкого, «Экспедиция была снабжена первоклассными физическими инструментами, которые доставил из Петербурга будущий декабрист М.К.Кюхельбекер» [14, с.55]. В этой фразе не вызывает сомнений биографическая часть, а оценка качеств приборов требует серьезной проверки.

Сделать это позволяют документы, обнаруженные в фонде Гидрографического департамента Морского министерства РГА ВМФ. Это ранние материалы фонда, они относятся к периоду до официального формирования департамента (с 1827 по 1837 г. – гидрографического депо). Функции департамента, помимо прочего, включали в себя обеспечение приборами и инструментами военных судов и морских исследовательских экспедиций. При его формировании начальнику гидрографического депо передавались документы предыдущих лет, связанные с геофизическими исследованиями вод и берегов, их картированием, а также с обеспечением флота инструментами.

Откуда выдавались навигационные инструменты?

Здесь возникает вопрос: какое ведомство снабжало суда инструментами до появления специализированного подразделения в составе

Морского министерства. Этот вопрос до сих пор не ставился в литературе. Казалось бы, ответом на него являются очерки истории мастерской мореходных инструментов (ее название было вариативным), она входила в состав сначала Адмиралтейства – первая половина XVIII в., Морского кадетского корпуса – вторая половина XVIII, Паноптического института – с 1809 г. по 1818 г. и Ижорских заводов с 1818 г. [9, с.262]. Мастера занимались изготовлением, ремонтом и регулярной поверкой инструментов. Однако было бы неправильно полагать, что те же люди были участниками аппарата снабжения судов, контролировали выдачу и возвращение инструментов по окончании кампании, обеспечивали хранение неиспользуемых инструментов и т.п. Исходя из логики интендантской работы, мастера находились как бы по другую сторону баррикады: они должны были выполнять заказы, связанные с обеспечением флота инструментами, при этом требуемое количество часто превышало производственные возможности. Эта проблема остро ощущалась в первой половине XIX в. Руководитель мастерских неоднократно обращался

в министерство с просьбами ограничить выдачу инструментов на суда и соотнести ее с реальными производственными возможностями [1; 2; 3].

Таким образом, хранением инструментов и их выдачей на суда должно было заниматься некое специальное подразделение морского ведомства. Таковым на протяжении нескольких лет, предшествовавших организации Гидрографического депо, являлся Музей Адмиралтейского департамента. Он совмещал в себе функции хранения технических и исторических раритетов с чисто складскими: хранения, учета, выдачи на суда по предписанию вышестоящих инстанций, приема инструментов обратно. Эти задачи стояли перед заведующим инструментальной частью Музеума. Кроме того, навигационные инструменты хранились в портовых экипажеских магазинах¹. Адмиралтейство не обеспечивало моряков всеми навигационными инструментами.

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. штурманы и морские офицеры были обязаны приобретать оборудование за свой счет. В Адмиралтействе на протяжении десятилетий не сходил с повестки дня вопрос о том, что «во инструментах для укомплектования... флотов настоит крайний недостаток». Гидрографическое депо в первые годы своей работы приложило немало усилий, чтобы заказать в Европе современные и качественные зрительные трубы и секстанты и продать их русским морским офицерам по цене производителя с надбавкой только за перевоз. Периодически принимались решения о единовременной выдаче инструментов штурманам, лучшие выпускники Морского кадетского корпуса получали поощрение в виде секстантов, морских карт, чертежных инструментов и тому подобных памятных и вместе с тем практичных подарков [4; 5]. В целом трудно говорить о том, что работал четко налаженный механизм снабжения флота навигационными инструментами.

Инструменты для экспедиции А.П.Лазарева были выданы по предписанию Адмиралтейского департамента из Музеума, а по окончании экспедиции сданы в Архангельские экипажеские магазины.

Какие инструменты были в распоряжении А.П.Лазарева?

«Ведомость об инструментах и книгах, отпущенных лейтенанту Лазареву» включает в себя:

- два хронометра №665 и 352,
- пять «артифициальных» (т.е. искусственных) горизонтов,
- пять секстантов (два медных и три черного дерева),

---

¹ Магазинами было принято называть склады военного и военно-морского ведомства.

– инклинатор (инструмент для измерения силы земного магнетизма) и запасные стрелки к нему,
– четыре пелькомпаса,
– «термометр воздушный» (т.е. предназначенный для измерения температуры воздуха) [6, л.60].

Из хранящихся вместе с ведомостью документов следует, что этот список неполный. В деле говорится о выдаче также:

- азимут-компаса,
- барометра,
- гигрометра для определения наклона магнитной стрелки,
- трех наборов чертежных инструментов.

Перед экспедицией инструменты были проверены и некоторые из них – отремонтированы: «хронометр №665... был отдан г. почетным членом департамента Шубертом мастеру Венгаму для исправления, за что заплачено 150 руб., а по исправлении оно было поверено г. Шубертом и найден им верным, другой же куплен в Императорской Академии наук за 800 рублей, за исправление и чистку его заплачено мастеру Шрейберху 50 рублей» [6, л.54об–55]. Ранее пытались найти хронометры в морском ведомстве, было дано распоряжение «представить... все карманные хронометры, какие есть в училище и у кронштадтского астронома», однако механические часы были столь дорогими и редкими, что ответ гласил: «оных хронометров не имеется», и морской министр И.И. де Траверсе обратился в академию [6, л.38–40].

Четыре из пяти секстантов были предварительно отправлены из Музеума на Ижорские заводы для ремонта, искусственные горизонты были заказаны там специально для экспедиции [6, л.45об.].

Ответственным за прием инструментов был мичман М.К. Кюхельбекер. Он обнаружил, что выданный ему барометр неис-

М.К. Кюхельбекер

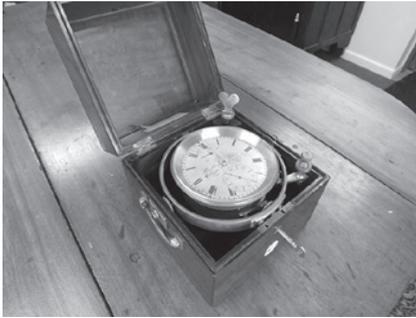
правен, и запросил в Адмиралтейств-коллегии компенсацию потраченных им личных средств «за починку и укладку оного мастеру Тангету 25 рублей». Эти деньги были ему выданы, кроме того, по его же просьбе было предоставлено на «разные непредвидимые мелкие для оных инструментов издержки денег до 50 рублей, расход коих ежели останется не преминет представить по прибытии в Архангельск» [6, л.50].

Для того чтобы оценить обеспечение экспедиции инструментами, нужно:

- сравнить данные с существовавшими в то время нормами обеспечения судов с запрашивавшимися А.П.Лазаревым инструментами,
- изучить документы, связанные с качеством работы инструментов.

В 1819 г. действовали утвержденные 14 ноября 1803 г. штаты обеспечения судов навигационными инструментами. Эти нормы отличались в зависимости от места плавания, дальности кампании и класса судна. На бриг Балтийского флота, отправляемый в Белое море, полагалось выдавать:

- два ординарных компаса,
- висячий компас,
- пелькомпас со штативом,
- к каждому компасу по одной запасной картушке,
- хронометр,
- искусственный горизонт,
- зрительная труба.

Морской хронометр XIX в.

В 1829 г. штаты были пересмотрены, список дополнился шлюпочным компасом, запасными картушками по одному на каждый компас, искусственным горизонтом, барометром, дрейфометром, квадрантом для измерения крена, набором чертежных инструментов с транспортиром [5, л.73–74].

Перед отправкой в экспедицию руководитель просил «снабдить его здесь тремя хронометрами, пятью секстантами, четверью искусственными горизонтами, четверью пель-компасами, одним азимут-компасом, одним гигрометром для определения наклона магнитной стрелки, одним барометром, одним термометром, тремя чертежными инструментами, картами: одной Белого моря до мыса

Кола, а другою – Новой земли и Северным берегом материка, морскими календарями на 1819 и 1820 годы и всем нужным для сочинения карт делаемой описи» [6, л.32об.–33]. Как нетрудно заметить при сопоставлении цитаты со списком выданного оборудования, запрос А.П.Лазарева был удовлетворен с единственной оговоркой – два хронометра вместо трех. Карты и календари также были выданы вместе с изданиями: «Таблицы Мендозы с известиями оных, Геодезии вице-адмирала Сарычева, его же записки о плавании по Балтийскому морю, Морской месяцеслов на 1819 год» (по четыре экземпляра каждого) [12; 13; 16; 17].

Карта Балтийского моря

Сравнивая данные о выданных инструментах с действовавшими нормами, можно сделать вывод, что на них ориентировались в меньшей степени, чем на запрос А.П.Лазарева. Учтывая сказанное выше о порядке всего лишь частичного обеспечения морских служащих навигационными инструментами за казенный счет, можно предположить, что это была общая практика: каждый штурман или офицер знал, какие личные инструменты у него есть, а какие требуется запросить из Адмиралтейства. Кроме того, существенную роль играли цели, ставившиеся перед командиром судна, и «дальность вояжа». Так, в рассматриваемом случае очевидна выдача большого количества секстантов, пелькомпасов, чертежных инструментов. Научные и картографические цели экспедиции определили предоставление в распоряжение участников барометра, инклинатора, гигометра, термометра, не упоминающихся в штатах 1803 г.

Качество навигационных инструментов

Успех достижения цели зависел, конечно, не только от количества, но и от качества навигационных инструментов. Качество компасов, хронометров и другого оборудования определяло возможности точ-

ного определения координат географических точек, соответственно – и всего картирования местности.

Искусственные горизонты, секстанты, инclinатор нареканий не вызвали. После окончания экспедиции они продолжали использоваться на судах. Барометр и термометр в ходе кампании были разбиты и в 1820 г. отправлены в Петербург для восстановления [6, л.10об.].

Вскоре после прибытия в Архангельск А.П.Лазарев доложил о невозможности пользоваться компасами и хронометрами: «полученные им два хронометра по поверке оказались негодными, а особливо №665, невзирая на все строгие предосторожности, взятые к сохранению их в одинаковом положении и от перемен атмосферы, пель-компасы же найдены вовсе негодными по большой разности в склонениях и даже в несходстве наименований их с архангельским склонением, почему он и должен был переменить на оных стрелки». Получив это сообщение, Адмиралтейский департамент предположил, что виновник выхода компасов из строя – неправильное хранение: «от не довольно осторожного обращения с ними в продолжении пути, или – что всего вероятнее – от железа, которое находилось, может быть, поблизости оных и могло лишить магнитные стрелки настоящей их силы». Вместе с тем департамент распорядился: «Впредь же иметь строгое наблюдение, дабы командиры судов были снабжаемы всегда исправными инструментами». Если проблема с компасами могла быть более или менее благополучно решена в Архангельске заменой стрелок, то карманные хронометры были слишком сложным механизмом для исправления за пределами столицы или даже в России. Даже несколько десятилетий спустя, уже при Александре II, петербургские мастера не всегда могли справиться с решением столь сложной технической задачи, и морские хронометры перевозились для ремонта в Англию [7; 8].

После возвращения экспедиции Ф.Ф.Шуберт повторно проверил ход хронометров, причем разделил наблюдения «на три класса: первый заключает в себе наблюдения, сделанные в Архангельске для поверения хода хронометра, второй – для определения широты, а третий – для определения долготы места корабля». При этом выясилось, что суточное отставание обоих хронометров составляет от 8 до 46 минут. Здесь следует вспомнить, что точность определения географических координат зависела от точности измерения углов на местности (триангуляции) и точности измерения времени. Погрешность хода хронометра в несколько секунд влекла за собой погреш-

ность в несколько километров на карте. В рассматриваемом случае речь шла об ошибках, измерявшихся минутами. Логично, что Ф.Ф.Шуберт пришел к выводу об обоснованности жалоб Лазарева на качество представленных ему хронометров, а также о низкой достоверности сделанных им измерений: «долготы очень сумнительны по той причине, что хронометр ходил очень худо. Есть ли г.Лазарев предпринимает вторично сие путешествие будущего лета, то ему необходимо нужно:

портрет Ф.Ф.Шуберта

1-е. Чтоб он снабжен был двумя или тремя хорошими хронометрами, дабы мог брать средний ход между их различными ходами.

2-е. Чтоб он наблюдал расстояние между луною, солнцем и звездами.

3-е. Чтоб он старался брать около полудня высоту солнца и дабы сие делать, надлежит ходить на берег на самоважные пункты.

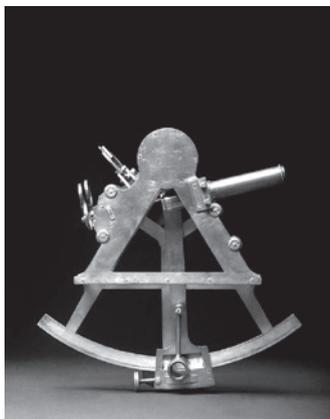
Без сего нельзя надеяться, чтоб его наблюдения таковые, какие он сделал в прошлое лето, могли служить к исправлению наших карт» [6, л.65].

Однако повторная экспедиция на Новую Землю не состоялась.

Заключение

Итак, А.П.Лазарев при всем желании не мог качественно выполнить поручение по изучению и картированию берегов Новой Земли. Можно ли сказать, что ему не повезло? По чьему-то наущению или упущению были выданы некачественные инструменты, в то время как другие офицеры получили нечто лучшее?

Довольно много написано о развитии науки и техники, музеи представляют вниманию посетителей уникальные памятники эпохи, такие как хронометр Дж.Гаррисона или секстант Дж.Рамсдена. Однако было

Секстант работы Дж.Рамсдена

Хронометр Дж.Гаррисона

бы ошибочно думать, что каждый бриг или даже линейный корабль мог быть оснащен инструментами такого уровня. Изучение темпов и уровня развития потокового навигационного приборостроения следует выделить как особое направление исторических исследований, важное для пониманий возможностей каждого отдельно взятого периода. Пока предварительное и поверхностное знакомство с документами первой половины XIX в. создает впечатление, что ситуация с экспедицией А.П.Лазарева была скорее типичной для своего времени, чем каким-то исключением из правил. Вместе с тем нужно учитывать и то, что исправная работа инструментов давала существенно меньше оснований для обсуждения их качества в официальной переписке.

Библиографический список

1. Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф.215 (Адмиралтейский департамент Морского министерства). Оп.1. Д.200. (Об отпуске на суда компасов и секундных склянок.)
2. РГА ВМФ. Ф.402 (Канцелярия генерал-гидрографа. Гидрографическое депо). Оп.1. Д.99. (По рапорту капитан лейтенанта Гагенмейстера о снабжении разными потребностями для дальнего вояжа шлюпа Кроткий.)
3. РГА ВМФ. Ф.402. Оп.1. Д.103. (По рапорту директора гидрографического депо о постановлении правил, на основании которых должны снабжаться корабли и прочие военные суда хронометрами.)
4. РГА ВМФ. Ф.166 (Департамент Морского министра). Оп.1. Д.2797. (О секстанах всемилодивейшие пожалованных успешшим в высшей математике воспитанникам морского корпуса.)

5. РГА ВМФ. Ф.402. Оп.1. Д.102. (По рапорту директора гидрографического депо относительно сдачи инструментов, атласов, карт и книг с военных судов по окончании кампании в те места откуда оные получали, и о правилах снабжения упомянутыми вещами флота и принятия оных обратно; тут же состав.)

6. РГА ВМФ. Ф.402. Оп.1. Д.153. (Об инструментах, бывших у капитана Лазарева 1-го при описи Новой Земли.)

7. РГА ВМФ. Ф.443 (Военно-морской агент в Англии). Оп.1. Д.106. (Об отправке в Англию хронометров для ремонта.)

8. РГА ВМФ. Ф.443. Оп.1. Д.264. (Об отправке в Англию часовых хронометров, принадлежащих черноморскому ведомству и частным лицам, для исправления и ремонта; отсылке в Николаев после ремонта.)

9. Болгурцев Б.Н., Грибанов О.Л., Ермоленко К.В., Комарицын А.А. История гидрографической службы Российского флота. Т.1. СПб.: ГУНиО МО РФ, 1997. 634 с.

10. Лазарев А.П. Плавание брига «Новая земля» под начальством флота лейтенанта А.Лазарева в 1819 году. СПб.: тип. Н.Греча, 1820. 64 с.

11. Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». М.; Л.: Географгиз, 1948. 334 с.

12. Мендоза-и-Риос Х. Изъяснение и употребление морских таблиц с задачами и примерами. СПб.: Мор. тип., 1807. 62 с.

13. Морской месяцеслов на лето 1819. СПб.: Мор. тип., 1818. 96 с.

14. Пасецкий В.М. Первооткрыватели Новой земли. М.: Наука, 1980. 193 с.

15. Первая горнорудная компания. Эл. ресурс. URL: <http://www.pgrk.armz.ru/ru/kompaniya/o-nas> (обращение 22.10.2020)

16. Сарычев Г.А. Дневные записки плавания вице-адмирала, члена государственной Адмиралтейств-коллегии, почетного члена Адмиралтейского департамента и гидрографа Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах. С астрономическими и геодезическими наблюдениями, принадлежащими к правлению морских карт. СПб.: Мор. тип., 1808. 181 с.

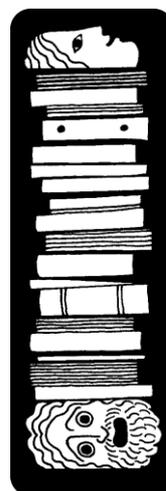
17. Сарычев Г.А. Правила, принадлежащие к морской геодезии, служащие наставлением как описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и реки, плаывая на больших парусных и малых гребных судах, так же и идучи с мерою по берегу, с показанием, как сочинять морские карты и на оных располагать описанные места. СПб.: Мор. тип., 1804. 127 с.

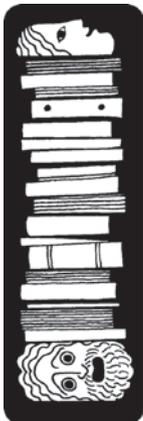
Политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государств.

Макс Вебер

Как и почти всегда в политике,
результат бывает противоположен
предвидению.

Р.Шатобриан

Нина Хайлова

**«ЕСЛИ ЦЕЛЬ ЯСНА
И СРЕДСТВА ВЫБРАНЫ
ВЕРНЫЕ, ТО ДЛЯ
ПОБЕДЫ НУЖНЫ
ЛИШЬ ЭНЕРГИЯ
И ВРЕМЯ»:**

**ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ В
III И IV ДУМЕ (1907–1916)***

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
93/94

В статье отражены характерные черты деятельности прогрессистов в III и IV Государственной думе. Особое внимание уделено внепарламентской деятельности либералов-центристов в период Первой мировой войны. Автор оценивает их как реальную политическую силу в предреволюционной России.

The article reflects the characteristic features of the activities of progressives in the the 3rd and 4th Duma. The author also pays special attention to the extra-parliamentary activities of centrist liberals during the First world war, assessing them as a real political force in pre-revolutionary Russia.

Ключевые слова: либералы-центристы (прогрессисты); III и IV Государственная дума; Первая мировая война; национал-либерализм; общественные организации; К.К. Арсеньев; Н.В. Давыдов; И.Н.Ефремов; М.М.Ковалевский; А.И.Коновалов; А.С.Посников; П.П.Рябушинский; П.Б.Струве; Е.Н.Трубецкой.

Key words: Progressives; National liberalism; the 3rd and 4th Duma; K.K.Arsenyev; N.V.Davydov; I.N.Efremov; M.M.Kovalevsky; A.I.Konovarov; A.S.Posnikov; P.P.Ryabushinsky; P.B.Struve; E.N.Trubetskoy .

E-mail: nkhalova@yandex.ru

*Продолжение. См.: Россия XXI. 2019. №6; 2020. №№1, 2, 3, 4.

Лицом либерального центризма после революции 1905–1907 гг. стала думская фракция прогрессистов, а душой этой депутатской группы вплоть до 1917 г. оставался ее организатор и руководитель И. Н. Ефремов. Близкий к Партии демократических реформ на выборах в I Думу, во время ее работы он участвовал в создании Партии мирного обновления, а после смерти гр. П. А. Гейдена был избран тов. председателем партии. В III и IV Думе И. Н. Ефремов олицетворял преемственность между либералами-центристами «первого призыва» и новой когортой деятелей, разделявшей те же идейные и организационные установки. Лидеры фракции не требовали от своих ближайших соратников фанатичного исповедания партийного символа веры. «Соединяющим элементом» являлась «общая конституционность и прогрессивность взглядов», а «приблизительные границы» группы были обозначены «октябристами справа и кадетами слева» [19, с.218]¹.

Ефремов И. Н.

«Это – чистый конституционализм»

конституционализм, который не идет на сделки ни с революцией,

Характеризуя особенность народившегося в III Думе парламентского объединения, Е. Н. Трубецкой разъяснял, что это – «чистый

¹ И. Н. Ефремов не раз разъяснял, что прогрессисты охотно «примут в свою среду и с радостью воспользуются знаниями и работой всякого, желающего помочь обновлению родины, ведя ее путем прогресса к укреплению конституционного строя, к установлению и упрочению прав и благосостояния всего народа» [19, с.227]. Круг идей либералов-центристов по общественному переустройству России с самого начала был созвучен политической позиции определенной когорты интеллигенции, прогрессивных предпринимателей, авторитетных военных деятелей. Так, в 1906–1907 гг. к Партии мирного обновления были близки морской офицер П. В. Верховский, генерал-майор В. С. Такайшвили. В период выборов в III Думу столичные «мирнообновленцы» поддержали кандидатуру «беспартийного конституционалиста» генерала-лейтенанта Д. И. Субботича, «одного из осведомленнейших представителей русских правящих сфер по вопросам дальневосточной политики». Деятельное участие в организации Прогрессивной группы в III Думе принял «артиллерийский генерал, член I Государственной думы» П. Л. Шервашидзе [19, с.219].

Субботич Д.И.

ни с контрреволюцией», не имеет агрессивных намерений по отношению к другим конституционным партиям [19, с.205]. Выход на политическую сцену прогрессистов, позиции которых последовательно укреплялись, привел к перегруппировке сил русского либерализма. В сравнении с другими фракциями, в их рядах наблюдался самый интенсивный прирост численности, преимущественно за счет перехода к ним октябристов и членов более «правых» думских объединений². Благодаря этому происходило усиление левоцентристского крыла нижней палаты.

Соратники И.Н.Ефремова подчеркивали свою особую миссию: с одной стороны, связующего звена между кадетами и октябристами, а, с другой – своего рода «скрепы», удерживающей дрейф этих партий в сторону крайних флангов – консервативного и революционного. Объединение прогрессистов, по замыслу организаторов, призвано было выступить в роли гаранта устойчивого равновесия в Думе, ускорить процесс формирования там «конституционного центра», которому отводилась роль «мотора» эффективного законотворчества.

«В пределах практически достижимого»

Парламентский стиль прогрессистов отличался деловым и принципиальным подходом к решению вопросов – с позиций «строгой законности и уважения чужого мнения» [19, с.269]³. Последовательно и без

² К открытию III Думы ядро будущей фракции прогрессистов составили, по словам И.Н.Ефремова, «7–8 мирнообновленцев» [19, с.218]. К концу первой сессии группа объединяла 28, а накануне завершения работы Думы – 36 депутатов, не считая сочувствующих [11, с.521].

³ «Чуждые партийной замкнутости и нетерпимости», члены Прогрессивной группы были «сторонниками самой широкой терпимости к индивидуальным воззрениям отдельных лиц и партий». Эту черту лидеры прогрессистов считали особенностью своего объединения [34, с.9]. О том, что им удавалось выдерживать эту линию на практике, говорит такой факт: прогрессисты были самыми корректными в отношениях с коллегами по

экзальтации они стремились утверждать морально-этические нормы в политике, призывали решать общегосударственные вопросы по совести и справедливости. Их действия отличал настрой на расширение и укрепление сферы общественной солидарности. Здравый смысл виделся прогрессистам также в необходимости «мирной созидательной работы в пределах практически достижимого» [14, с.6].

Группа депутатов-единомышленников И.Н.Ефремова не занимала непримиримую позицию по отношению к власти, не чуждалась совместной работы с нею в случае общего видения путей решения проблем. В то же время «антинародные деяния» правительства всегда вызывали их критику. При этом, по словам руководителей фракции, она «избегала чрезмерно сгущать темные краски по поводу каждого шага органов власти и не стремилась непременно дискредитировать их в глазах населения». Прогрессисты «строго разделяли общее – от частного, систему – от случайностей. Сурово порицая систему, они не отказывались признавать отдельные хорошие действия Правительства» [34, с.10].

Противники политических демонстраций в Думе, прогрессисты использовали все предусмотренные законом способы выражения собственного мнения. Фракция внесла на обсуждение III Думы всего 7 законодательных предложений. И хотя по этому показателю прогрессисты заметно отставали от кадетов и, особенно, октябристов⁴, тем не менее такой результат был весьма значим для только что образованной парламентской группы.

Мнение прогрессистов оказалось весомым в ряде комиссий нижней палаты. Так, например, было в комиссии по делам пра-

Шервашидзе П.Л.

законодательной работе: их активность в перебивании речей депутатов практически равнялась нулю [16, с.274].

⁴*Октябристы внесли на обсуждение III Думы 91 законодательное предложение (46% всех подобных документов), кадеты – 29 [27, с.118].*

вославной церкви – единственной в III Думе, в которой оппозиция, благодаря прогрессистам, была представлена сильнее октябристов. Речь Н.Н.Львова и В.С.Соколова в защиту свободы совести получили общественный резонанс. И.Н.Ефремову и другим прогрессистам, работавшим в составе думской Комиссии по местному самоуправлению, удалось внести «дух» новизны в правительственный законопроект о реформе волости. В результате, по словам И.Н.Ефремова, «Дума устранила неравномерность обложения и превратила безжизненную крестьянскую волость в живую самоуправляющуюся мелкую земскую единицу» [14, с.84–85; 19, с.280].

В большинстве случаев фракция прогрессистов голосовала с кадетами. Соратники И.Н.Ефремова не раз шли на компромиссы с фракцией «Союза 17 октября», при этом не выходя за «флажки» собственных принципов. Для них была неприемлема тактика «вечной уступчивости» соратников А.И.Гучкова. Лидеры обеих фракций, выступая за стабильное развитие, по-разному понимали этот процесс. Если октябристы были противниками существенных перемен в стране, опасаясь их тяжелых последствий и полагая, что ситуация далека от безысходности, то прогрессисты как сторонники «мирного обновления» считали неизбежным глубокое реформирование (прежде всего, общественно-политической системы). Они видели в этом единственный путь к спасению государства, предчувствуя революционные потрясения в России задолго до событий 1905–1907 гг. и не снимая этот вопрос «с повестки дня» вплоть до 1917 г.⁵

«У нас нет и не было конституционно-консервативной партии»

Серьезный разлом в отношениях с октябристами произошел в 1910 г. в ходе обсуждений в III Думе правительственных законопроектов, касающихся Финляндии и введения земских учреждений в западных губерниях (Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской). Вполне разделяя цели национальной политики «верхов» (упрочение Империи, ее целостности и неделимости), прогрессисты выступили против русификаторской направленности официального курса, которая, по их убеждению, усиливала центробежные тенденции в го-

⁵ В источниках множество свидетельств на этот счет. Так, например, в дневнике кн. В.М.Голицына мысль о неизбежности революции в России проходит «красной нитью» с конца 1890-х гг. [38].

сударстве. При поддержке правоокабристского большинства нижней палаты «воинствующий национализм» одержал тогда победу.

«Гибель октябризма как принципа», – так Е.Н.Трубецкой характеризовал итог думского голосования. По мнению либералов-центристов, «Союз 17 октября» еще со времени своего образования был «партией дозволенной конституции», игравшей роль «клоунов в цирке при наездниках». Случившееся же в Думе сделало совершенно очевидным отсутствие у соратников А.И.Гучкова собственного политического кредо: «У них остался один принцип – беспрекословное исполнение всяких приказаний свыше». Отсюда «вместо Манифеста 17 октября – "конец конституции", сначала в Финляндии, а потом и повсеместно; вместо "широкого местного самоуправления", которое программа Союза обещает инородцам, – изгнание их из земства и т.д.» [19, с.252]. Обращая внимание на обнажившийся огромный пробел в российской политической жизни, они констатировали: «У нас нет и, как теперь оказывается, и не было конституционно-консервативной партии, нет вообще консервативной партии, достойной этого названия, ибо нет консерваторов, которые бы хоть что-нибудь охраняли. Правые и националисты ведут политику сплошь разрушительную...; а октябристы творят волю пославшего их, т.е. в конце концов – той же крайней правой». В связи с этим Е.Н.Трубецкой не сомневался в том, что «если охранителями у нас будут только чиновники, то мы, разумеется, ничего не сохраним – ни конституционных свобод, ни государственного единства» [19, с.253]⁶.

Таким образом, в середине 1910 г. в обсуждениях прогрессистов вновь был актуализирован запрос на новую сильную партию, которая могла бы возглавить, без преувеличения, дело спасения России. Нарастивание усилий в этом направлении, предпринятое в последующий период думскими прогрессистами и их соратниками из внепарламентской оппозиции, привело к выходу на политическую арену Партии прогрессистов (ноябрь 1912 г.)⁷.

---

⁶Об опасности развития событий по подобному сценарию предупреждал в октябре 1909 г. на страницах «Московского еженедельника» правый кадет В.А.Маклаков: «Гибель октябризма ... создаст в общественном теле ту неустойчивость, отсутствие либерального центра, которое и было и будет главной причиной неуспеха реформ» [19, с.248].

⁷Власть отреагировала на усиление прогрессистов отказом в легализации их организации: определение ее целей (развитие конституционной монархии) было объявлено не соответствующим терминологии Основных законов.

Вместе с тем думская фракция и в IV Думе оставалась своего рода оплотом прогрессизма. В начале 1-й сессии во фракции состояло 48 депутатов (в т.ч. 15 примыкавших к ней)⁸. Несмотря на то, что она по численности была лишь пятой в Думе, такой результат обнадеживал прогрессистов в связи с перспективой их совместных голосований с кадетами⁹ и близкими по взглядам октябристами¹⁰.

Сохраняя деловой настрой, прогрессисты оценивали обстановку, в которой началась работа IV Думы, как «еще более тяжелое безвременье», в сравнении с предшествующим пятилетием. Они констатировали: «подорвано уважение к законности, к праву, и народные массы чувствуют себя вне закона», «недовольство и озлобленность достигли высшего напряжения». Подчеркивая, что «в этих печальных обобщениях нет сгущения красок», И.Н.Ефремов и его соратники ссылались на «тысячи фактов», иллюстрирующих «бесперывный поток беззаконий». По их словам, даже в «самых умереннейших по либерализму и самых лояльных элементах страны» иссякала надежда на возможность «каких-либо улучшений и правовых реформ» [34, с.12–13].

Взаимодействуя с нижней палатой, власть подтверждала неизменность своих политических установок. Две первые (довоенные) сессии (с 15 ноября 1912 г. по 14 июня 1914 г.) характеризовались тем, что правительство продолжило курс на сдерживание оппозиции, стремилось парализовать инициативу депутатов и, по словам Н.Н.Львова, «оставить Думу без дела, умалить ее значение» [35, с.15]. Серьезным тормозом в работе нижней палаты стала т.н. «законодательная вермишель» (в период первой и второй сессий правительство внесло в Думу свыше 2000 мелких законопроектов). Продолжалась практика внедумского законодательства, нарушавшая права Думы как законодательного учреждения. Отсутствие заметных положительных результатов работы народных избранников давало повод появлению в прессе мнения о «думском безделье».

⁸ В результате перегруппировки депутатов к осени 1916 г. фракция прогрессистов объединяла 37 депутатов (в т.ч. 7 примыкавших) [11, с.522].

⁹ Кадетская фракция в IV Думе была самой многочисленной среди оппозиционных групп (в начале работы Думы – 59, к концу 5-й сессии – 53 депутата, в т.ч. 7 примыкавших) [10, с.302].

¹⁰ Хотя октябристы и сохранили руководящую роль в IV Думе, численность их группы заметно сократилась. В начале работы Думы фракция включала около 80 депутатов. Разногласия в среде октябристов в связи с решениями конференции «Союза 17 октября» (ноябрь 1913 г.) привели к расколу фракции. Наиболее близкие к прогрессистам позиции заняли левые октябристы («беспорные конституционалисты»), выделившиеся в особую группу (19 человек) [12, с.602].

Оборотная сторона думской «скуки»

Однако впечатление «скуки» и ощущение бесперспективности Думы, складывавшееся поначалу у современников, было обманчивым. Об-

становка в нижней палате, сложившаяся в два предвоенных года, отличалась напряженностью как в отношениях различных группировок внутри Думы¹¹, так и в ее взаимоотношениях с правительством. Обращаясь к представителям власти, Н.Н.Львов выразил мнение фракции прогрессистов: «Мы явились сюда, чтобы заявить вам, что в России есть общественное мнение, которое не потерпит, чтобы над ним издевались так, как издевались до сих пор, и что это общественное мнение есть сила, которая требует своего признания и уважения к себе» [34, с.36]¹².

Примечательно, что уже в самом начале работы IV Думы (на этапе выбора председателя нижней палаты, формирования ее рабочих органов) именно прогрессисты взяли инициативу в свои руки. Пока октябристы «выясняли отношения» с националистами, прогрессисты созвали совместное заседание оппозиции (фактически двух фракций – Прогрессивной и кадетской), на котором было принято решение добиваться формирования коалиционного президиума, т.е. представительства в нем основных думских политических течений. Эта тактика оправдала себя: оппозиция приобрела в президиуме Думы два места, причем на эти должности были избраны прогрессисты – Д.Д.Урусов (тов. председателя) и Н.Н.Львов (старший тов. секретаря). Как отмечал позднее И.Н.Ефремов, благодаря этому фракция прогрессистов заняла достойное и влиятельное положение в IV Думе. Прогрессисты были избраны также в руководство восьми думских комиссий, а также пяти отделов нижней палаты.

Лидеры фракции были убеждены в том, что Дума должна не слепо следовать за правительством (подобно своей предшественнице), а, напротив, брать инициативу в свои руки и стремиться к достижению «искреннего осуществления начал Манифеста 17 октября 1905 г.

¹¹ *Расстановка политических сил в нижней палате еще менее (в сравнении с III Думой) способствовала созданию в ней сильного центра: «Возросла численность оппозиции (вместо 140 депутатов до 160), лишились значительного количества мест (до 30) октябристы и усилились националисты и правые». Последние отличались «повышенным» настроением и стремились занять лидерские позиции в IV Думе [34, с.17].*

¹² *Фактически Н.Н.Львов выразил мнение всей думской оппозиции. Согласно стенограмме, его речь вызвала «слева и в центре бурные и продолжительные рукоплескания и го-лоса: браво».*

и водворения строгой законности». Для этого они предлагали использовать, во-первых, бюджетные права Думы, во-вторых, право ее законодательной инициативы. Кроме того, как и прежде, они делали «ставку» на возможности «конституционного центра», который предстояло создать в Думе нового созыва для объединения усилий оппозиции. И. Н. Ефремов подчеркивал первостепенную обязанность депутатов – «исполнять свой долг и удовлетворять нужды народа, а не желания ведомств». При определенных обстоятельствах прогрессисты допускали возможность не считаться с вероятным роспуском нижней палаты и даже ускорять его по мере сил [34, с.15; 19, с.286].

Именно фракция прогрессистов первой в среде парламентской оппозиции стала использовать такой метод воздействия на «верхи», как отказ в кредитах с целью получения от правительства тех или иных желаемых законопроектов¹³. В то же время прогрессисты признавали, что, несмотря на их попытки создать в Думе настроение, благоприятное для отклонения тех или иных кредитов, им все же не удалось достичь значимых успехов. Тем не менее и состоявшиеся малые «победы»¹⁴, по словам лидеров фракции, выгодно отличали IV Думу от ее предшественницы и были встречены обществом «с нескрываемым сочувствием»¹⁵. Прогрессисты (наряду с кадетами) ярко проявили себя в бюджетной комиссии IV Думы. Впервые в истории нижней палаты оппозиция в их лице была представлена в составе докладчиков этой комиссии. При этом их доклады были одобрены комиссией, а значительная часть предложений – принята Думой [36, с.10].

¹³ И. Н. Ефремов разъяснял, что за образец была взята тактика английских либералов, которые «при всех тяжелых обстоятельствах своей многовековой борьбы за политическую свободу оставались в рамках лояльности» [36, с.90].

¹⁴ «Из предложенного удалось выполнить очень немногое: были отклонены кредиты на пастырские курсы Восторгова, три кредита на Военно-медицинскую академию (после изменения академического устава без санкции законодательных учреждений)», – отмечалось в отчете фракции [36, с.93–94].

¹⁵ Руководство фракции объясняло свои неудачи в постановке в Думе вопроса об отклонении кредитов в большинстве случаев (на церковно-приходские школы, земских начальников и т. д.) следующими причинами: преобладание среди депутатов мнения о нужности и полезности соответствующих учреждений, отсутствием консолидированной позиции октябристов («голосовавших вразброд») и «отчасти абсентеизмом депутатов» [36, с.94].

«Ловить момент»

И. Н. Ефремов характеризовал тактику фракции как выжидательную. Суть ее состояла в том, чтобы «ловить момент», использовать подхо-

дящую ситуацию для действий по принципу «хоть шерсти клок» или «хотя бы шаг вперед». Он особо подчеркивал такое качество своей группы, как последовательное и неуклонное ведение своей «линии» в Думе, наибольшую (в сравнении с другими оппозиционными фракциями) приверженность элементарной дисциплине в следовании депутатским обязанностям [35, с.11–12]¹⁶.

Прогрессисты затрагивали в думских выступлениях и подготовленных фракцией законодательных предположениях обширный круг тем. Среди них особое место занимали вопросы защиты гражданских свобод и преобразования государственного строя (обеспечение правовых гарантий парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти, демократизация состава Государственного совета и гарантии его независимости). Либералы-центристы обращали внимание на необходимость установления режима полной свободы и «безответственности» за воспроизведение в печати всего, что касалось деятельности обеих палат российского парламента. Они внесли ряд предложений по совершенствованию судебного законодательства¹⁷, работы полиции, органов государственного контроля, системы народного образования и «народного здоровья», развитию экономики.

---

¹⁶ По свидетельству И. Н. Ефремова, «соседи» прогрессистов слева (кадеты и крайние левые) нередко пропускали заседания думских комиссий, что давало там перевес правым.

¹⁷ Свое отношение к чиновничеству фракция выразила в законодательном предложении о дисциплинарной и уголовной ответственности служащих на государственной и общественной службе «за деяния, учиненные по должности» (7 декабря 1913 г.). В документе содержалась критика законопроекта, который вышел из Государственного совета и был представлен на рассмотрение Думы. Его смысл сводился к охране чиновничества от уголовного правосудия, стремлению распространить на чиновников, включая мелких, привилегию безответственности, которой по закону обладает только монарх. Такого нет во «всех культурных странах», а с подобным явлением боролся еще Петр I, создав Сенат именно для борьбы с бесконтрольностью и беззаконием администрации, – подчеркивали прогрессисты, возмущенные позицией верхней палаты по данному вопросу. В свою очередь, их фракция предложила предавать суду членов Государственного совета и Государственной думы по постановлению 2/3 общего собрания палаты [37, с.7–10].

В интересах «миллионов русских граждан»

Для соратников И. Н. Ефремова не существовало мелких проблем, когда речь шла о защите прав Личности или отдельных социальных групп. Специальные законодательные предложения фракции были посвящены обеспечению достойного положения волостных писарей (центрального звена в волостном самоуправлении), а также представителей наемного труда – торговых служащих. Важное гуманитарное значение имели инициативы прогрессистов, затрагивавшие интересы «сотен тысяч» и даже «миллионов русских граждан».

Коновалов А.И.

Фракция внесла на рассмотрение Думы законодательные предложения: «о льготах по пересылке почтовой корреспонденции для нижних чинов армии и флота» (29 октября 1913 г.), «об изменении порядка выдачи заграничных паспортов и об установлении размера и способа взимания сборов за означенные паспорта» (4 декабря 1913 г.)¹⁸.

Несмотря на пресечение властями законодательных инициатив прогрессистов (большинство этих документов застряло в думских комиссиях и канцеляриях), многие из них были одобрены депутатским большинством¹⁹.

¹⁸ Документ стал реакцией прогрессистов на участвовавшие поездки за рубеж представителей «небогатых слоев населения» («народные учителя, врачи, мелкие чиновники, представители малоимущей трудовой интеллигенции»). Фракция обращала внимание на преимущественную цель этих «туров» – знакомство с европейской культурой. «Таким образом, – подчеркивали прогрессисты, – наш сбор с заграничных паспортов все более превращается в налог на культуру. Ни в одном из культурных государств Запады нет таких высоких налогов при выезде за рубеж». А потому следует отменить «все излишние и вредные формальности» при выдаче заграничных паспортов, – подчеркивала фракция актуальность своей законодательной инициативы. Прогрессисты поддержали намерение министра внутренних дел Н. А. Маклакова провести реформу паспортного дела в Империи, о чем он заявил при вступлении в должность в декабре 1912 г. [37, с. 5–11].

¹⁹ В частности, подобный отклик получило предложение фракции расширить в соответствующем правительственном законопроекте права «сельских обывателей и лиц бывших податных состояний». С «благословения» большинства народных избранных законопроект прогрессистов «о введении женской фабричной инспекции» (шаг к уравнению женщин в правах с мужчинами) был передан в комиссию по рабочему вопросу.

Голос фракции в IV Думе звучал весомо и убедительно благодаря впервые избранным в высший орган народного представительства все-российским авторитетам в области теории и практики хозяйственной жизни. Так, одним из лидеров фракции стал известный московский предприниматель А.И.Коновалов. Он входил в состав ряда ключевых думских комиссий (по финансам, по торговле и промышленности, по рабочему вопросу), а в 1913–1914 гг. занимал пост товарища председателя IV Думы.

Общественный резонанс имела, в частности, речь А.И.Коновалова в мае 1913 г., в которой он критиковал экономическую политику правительства. «Коренной тезис, что наше народное хозяйство стало на путь широкого развития своих производительных сил, требует весьма больших оговорок», – доказывая это, депутат-прогрессист отмечал тревожные тенденции в развитии сельского хозяйства²⁰, промышленности²¹, внутренней и внешней торговли [36, с.41–42]. Комментируя данные официальной статистики о росте денежных сбережений населения и увеличении государственных финансов, оратор утверждал (выражая мнение соратников по фракции), что «звон золота в кладовых Государственного банка, крупные ресурсы государственно-казначейства, значительная свободная наличность» вовсе не отражают «народного достатка, благосостояния народных масс». В основе экономической мощи страны лежит совсем другой фактор, – настаивали прогрессисты. «Все успехи нашего народного хозяйства, пока они не построены на базе растущего благосостояния народных масс, непрочны», а этот рост находится «в теснейшей зависимости» от политического и культурного состояния страны, – такова была позиция фракции, озвученная А.И.Ко-

²⁰ А.И.Коновалов говорил о неустойчивости успехов сельского хозяйства, серьезном кризисе в ряде его отраслей (льноводство, скотоводство, рыбное дело). Констатируя урожайность в России на уровне этого показателя в Англии XIV–XV вв., оратор заявлял о том, что «ни в одной цивилизованной стране сельское хозяйство не находится на такой низкой ступени развития». Одной из причин сложившегося положения прогрессист считал «ничтожные» затраты правительства на содействие сельскому хозяйству («от 3-х миллиардного бюджета – только гривенник на душу сельского населения»). Он указывал на «поучительный пример» Западной Европы и США, где распространение сельскохозяйственных знаний являлось «первейшей и неотложной заботой правительства» [36, с.22–34].

²¹ По словам А.И.Коновалова, неоднозначным было и положение дел в промышленности. С одной стороны, он вполне разделял оптимизм министра финансов по поводу прогресса в сфере железнодорожного хозяйства, подтверждал «громадное развитие» банковского и кредитного дела в России, внушительные темпы роста акционерного предпринимательства. Отмечая также подъем каменноугольной и металлургической отраслей (при поддержке государства и вследствие ряда других благоприятных факторов), он указывал, вместе с тем, на наличие кризисных явлений в хлопчатобумажной промышленности [36, с.34–41].

новаловым. При этом он выделял главнейшие условия успеха – гарантии свободы проявления личной инициативы и самостоятельности населения [36, с.21–44, 56 и др.].

Подчеркивая взаимосвязь экономики и политики, прогрессисты были убеждены: как в 1860-е годы не могло быть экономического рывка без отмены крепостного права, так и в начале XX столетия не представлялось возможным обеспечить могущество государства на фундаменте старого порядка. Сподвижники И.Н.Ефремова разделяли мысль, высказанную председателем бюджетной комиссии Думы, октябристом М.М.Алексеевко: «Мы дали вам хорошие финансы, дайте нам хорошую политику».

Позиции фракции в IV Думе были значительно усилены и вхождением в нее известного экономиста и общественного деятеля А.С.Посникова. Он был избран тов. председателя Группы прогрессистов и фактически стал «вторым лицом» во фракции (наряду с И.Н.Ефремовым)²². Его знания и опыт были востребованы в целом ряде комиссий нижней палаты, в т.ч. финансовой (с 1-й сессии – тов. председателя, с 21 июля 1915 г. – председатель). Используя авторитет А.С.Посникова в научных, правительственных и общественных кругах, фракция выставляла его своим оратором по ключевым вопросам экономической политики.

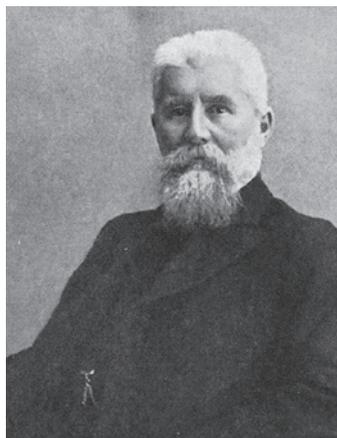
А.С.Посников: в защиту русской деревни

Круг тем, которые затрагивал ученый-депутат в думских выступлениях, необычайно широк²³. Современники видели исключительную

²² В декабре 1915 г., на торжествах в честь 70-летия А.С.Посникова, И.Н.Ефремов, обращаясь к личной характеристике юбиляра, отметил его «мягкий характер, его истинную культурность и дисциплинированность, его свободную от доктринерства любовь к Родине». «Все эти черты очаровывали его товарищей по фракции, – свидетельствовал лидер думских прогрессистов. – Без этих качеств невозможна упорная борьба с реакцией» [25].

²³ Так, отмечая активизацию на финансовом рынке России в предвоенные годы операций «т.н. банков типа *crédit mobilier*, склонных к биржевым спекуляциям», А.С.Посников указывал на опасность биржевой игры, которая «рано или поздно заканчивается крахом». Он предупреждал об этом еще в 1869 г., в своем журналистском дебюте на страницах «Русских ведомостей». Только что получивший диплом юридического факультета Московского университета, автор тогда одним из первых в отечественной прессе не только обратил внимание на зарождение в России нового явления, но и считал необходимым противостоять ему [23, 24]. Спустя более четырех десятилетий Посников-депутат не изменил своего мнения [37, с.88–89, 110–111]. Общественный резонанс имели речи А.С.Посникова против административных стеснений акционерных кампаний. По вопросу об участии иностранного капитала в экономике России он призывал считаться с объективным фактом: «Громаднейшая часть нашей крупной промышленности основана не на отечественных средствах, а на средствах иностранных» [37, с.90].

заслугу ученого-депутата в выдвижении аграрной проблемы на приоритетное место в работе Думы [21, с.40]. При его ближайшем участии кадетская фракция разработала новый законопроект об арендном праве, который преследовал цель смягчить накал классовых противоречий в деревне [41, с.388–390]. По мере реализации столыпинской аграрной реформы А.С.Посников был озабочен проблемой минимизации ущерба для русской деревни от этих преобразований. Он высказывал тревогу по поводу заявлений В.Н.Коковцева (главы правительства после гибели П.А.Столыпина) о сохранении прежнего курса земельной реформы, отмеченного, по убеждению прогрессистов, «печатью принуждения и насилия над личностью», угрожающего «самым основам нашей государственности» [34, с.48–49].

Посников А.С.

Не скрывая своей неизменной приверженности к поддержанию и развитию коллективной собственности, А.С.Посников обращал внимание депутатов на очевидный факт: «форма обладания землей сама по себе не гарантирует успехов земледелия». Ученый указывал на решающее значение для благополучия деревни «правильно поставленной» в центре и на местах работы органов управления, суда, народного образования, податной и кредитной системы. В противном случае, предупреждал он, «вы никаких успехов не достигнете». При этом А.С.Посников считал первостепенным делом уравнение крестьян в правах (политических и общегражданских) с другими сословиями, поскольку «в нашей стране нет более бесправного положения, чем положение крестьян» [34, с.49–50].

Оппонируя утверждению В.Н.Коковцева о благотворных последствиях столыпинской аграрной политики, депутат-прогрессист признавал неубедительными ссылки на данные официальной статистики. По его мнению, «гораздо справедливее» было бы считаться «с теми разнообразными частными сведениями, получаемыми с мест, которые, правда, не суммированы, но которые оставляют такое впечатление, что землеустроительная политика изобилует огромными недостатками» [34, с.47–50].

«Вреднейшее влияние надстроек»

Одной из неотложных финансовых реформ, по убеждению А. С. Посникова, должно было стать создание доступного кредита для основной массы населения – крестьян. Он считал оптимальным решением проблемы заимствование опыта Германии, где система мелкого сельскохозяйственного кредита развивалась при поддержке государства. В то же время ученый указывал на серьезные препятствия в этом деле. Во-первых, А. С. Посников обращал внимание на исторические корни проблемы: заимствование в пореформенной России общеевропейского типа кредитных учреждений, ориентированных на поддержку крупной промышленности. При этом «громчайшая часть населения» была не только оставлена «без всякой помощи со стороны кредита», но, более того, предпринимались усилия для того, чтобы воспрепятствовать возникновению кредитных учреждений для народа. Отсюда – трудности «первопроходцев» в деле российской кооперации [37, с.84–85].

Кроме того, отсутствие в России благоприятных условий для развития учреждений народного кредита (как и, в целом, для прогресса экономики и общества) А. С. Посников во многом объяснял влиянием на правительственный курс «властных кругов» объединенного дворянства (таких «строго сословных» органов, как съезды и Совет уполномоченных объединенных дворянских обществ), а также тесно с ними связанного Совета по делам местного хозяйства (созданного в 1908 г. в структуре МВД и не случайно названного в обиходе «преддумьем») [36, с.82–89].

Ученый-депутат указывал на «вреднейшее влияние» указанных «надстроек» не только на Государственную думу, но и на положение самого правительства, которое фактически находилось «под сильнейшим пресом этих учреждений»²⁴. Оратор выразил тогда озабоченность не только дворянскими вождениями, но и подобными настроениями в торгово-промышленных кругах. А. С. Посников видел выход из сложившейся ситуации в развитии событий по «сценарию», утвердившемся за рубежом. Равное право защиты своих интересов на всех уровнях власти долж-

²⁴ «В нашем государстве нет парламентаризма, нет ответственности министерства перед законодательными учреждениями, зато у нас фактически развивается своеобразный парламентаризм, парламентаризм наизнанку – несомненная зависимость нашего правительства от описанных мною могущественных организаций», – заявил А. С. Посников с трибуны Таврического дворца [36, с.88].

но быть предоставлено «не классам привилегированным, а всем разрядам граждан», – называл он главное условие решения проблемы²⁵.

«Lex Posnikoff»

Одним из ярких достижений IV Думы было принятие законопроекта о подоходном налоге (25 августа 1915 г.). Соответствующий закон, утвержденный Николаем II 4 апреля 1916 г.²⁶, современники называли детищем А.С.Посникова («Lex Posnikoff»), отмечая большой личный вклад ученого-депутата в разработку и продвижение реформы налогообложения [13]. Это мнение разделял и тов. министра финансов Н.Н.Покровский: «А.С.Посников не дал ни заснуть этому делу, ни внести в него такие поправки, которые испортили бы его смысл и значение. Напротив, проект подоходного налога вышел из Финансовой комиссии улучшенным, потребовав от нее много заседаний, и дневных, и вечерних» [20, с.114].

В выступлениях депутатов-прогрессистов был представлен не только анализ «болевых точек» российской экономики, но и, по существу, программа ее развития. Прогрессисты в очередной раз обращали внимание на главные условия успеха реформ. Это – примирение власти со страной, исполнение правительством обещаний Манифеста 17 октября, улучшение правовых условий для инициативы на местах.

«Чтобы не Россия существовала для Петербурга...»

Прогрессисты отводили проблеме реформирования местного самоуправления центральное место в деятельности Думы. 50-летие земской реформы Александра II (1864) стало поводом к очередному обоснованию актуальности ее принципов. Главный вывод Н.Н.Львова и его соратников по фракции сводился к следующему: «Корень вопроса у нас заключается в исключительной финансовой и экономической централизации власти, которая является неизбежным спутником общей ответственной системы». Единственный выход виделся им «в решительном

---

²⁵ «Если возможны в Германии союзы сельских хозяев-землевладельцев, то точно так же возможны там и союзы крестьян, точно так же существуют там и союзы рабочих (голова слева: браво), которые имеют одинаковые права охранения и уяснения своих интересов, право представительства и ходатайства за них перед высшей властью, точно так же существуют и съезды юристов, съезды врачей и т. д.», – указывал А. С.Посников на примеры, достойные подражания и в России [36, с.86].

²⁶ Планировалось ввести закон в действие с 1917 г.

Вакар В.М.

отказе от старой правительственной системы и переходе к новой – децентрализации и самоуправлению. Нужно сделать так, чтобы не Россия существовала для Петербурга, а чтобы Петербург существовал для России» [37, с.40].

Прогрессисты считали неприемлемым мнение, согласно которому российское общество не доросло до осуществления Манифеста 17 октября и неспособно к самоуправлению. Ведущую роль в разработке соответствующего законопроекта фракции сыграл прогрессист В.М.Вакар. В основу документа были положены принципы земской реформы 1864 г., т.е. полная самостоятельность и независимость органов местного самоуправления

в решении вопросов, входящих в сферу его компетенции.

«Склонить к пониманию интересов России»

Прогрессисты подчеркивали тесную взаимосвязь внутренней и внешней политики. Обозначая узловые проблемы международной «повестки дня» для России, лидеры фракции предлагали «русло» их решения. С позиций «жизненных интересов» собственной страны провозглашалась поддержка балканских славян. Ставилась задача обеспечения для России удобного выхода в Средиземное море и свободного прохода торговых судов через Константинопольские проливы. В связи с этим прогрессисты выступали за активизацию переговорного процесса с европейскими странами, причем так, чтобы «не возбуждать в них неосновательных подозрений России в агрессивных намерениях и склонить их к пониманию жизненных экономических интересов нашей страны». И.Н.Ефремов признавал значимость т.н. армянского вопроса. По его словам, «большей ясности и определенности» требовало развитие отношений с Монголией и Манчжурией, поддержание там авторитета России в интересах безопасности Приамурья и восточной Сибири. Предвидя угрозу мирового военного конфликта, И.Н.Ефремов считал целесообразным, чтобы Россия на очередной конференции мира,

ожидавшейся в 1915 г., подняла вопрос об ограничении роста вооружений [37, с.61–69].

Несмотря на ограниченные возможности участия думских фракций в обсуждении вопросов внешней политики (лишь при рассмотрении законопроектов или сметы), а тем более влияния на их решение, прогрессисты использовали для этого как официальные каналы, так и частные беседы с представителями власти²⁷.

Либералы-центристы были убеждены в том, что «хорошая политика» может быть приобретена только упорной систематической работой: «Если цель ясна и средства выбраны верные, то для победы нужны лишь энергия и время» [36, с.94].

Война как «просвет» в будущее Объявление Германией войны России вызвало взрыв патриотизма, породивший атмосферу единения с властью. Эта примета времени характеризовала и настроения либералов, в т.ч. прогрессистов. Выступления идеологов либерального центризма в печати были пронизаны историческим оптимизмом, верой в то, что война, несмотря на трагизм связанных с нею событий, даст человечеству шанс на преобразование, утверждение начал права и справедливости, а России – надежду на осуществимость коренных внутренних преобразований, причем в единении власти и общества [4, с.333].

Вместе с тем волна роста националистических настроений в стране выявила серьезные разногласия среди прогрессистов в оценке международных событий и перспектив внутренней политики. Идейным «водоразделом» между газетой «Утро России», финансируемой московскими промышленниками во главе с П.П.Рябушинским, и ветеранами либеральной прессы («Вестник Европы» и «Русские ведомости») стало отношение к европейской культуре. Последние из упомянутых изданий отвергли попытку противопоставить Россию «духовно больному» Западу, настаивали на защите интересов «общечеловеческой культуры». С их страниц звучал призыв не заигрывать с идеей «национального мессионизма», дабы не ступить на «опасную дорогу, ведущую к великим столкновениям и катастрофам» [26, с.341].

---

²⁷Тесные связи с руководством Министерства иностранных дел поддерживал с начала 1908 г. Г.Н.Трубецкой, профессиональный дипломат. Он являлся посредником в установлении контактов официальных лиц с влиятельными московскими промышленниками (А.И.Коновалов, С.И.Четвериков, П.П.Рябушинский), общественными деятелями и журналистами. В 1912 г. Г.Н.Трубецкой стал руководителем Ближневосточного отдела МИДа. И.Н.Ефремов обсуждал вопросы внешней политики во время личных встреч с министром иностранных дел С.Д.Сазоновым [37, с.61–62].

**Не заигрывать с идеей
«национального мессионизма»**

и узкого псевдонационализма» по отношению к немцам. Осуждались крайности в борьбе против «немецкого засилья», когда «законный и необходимый отпор» данному явлению «переходит в проповедь вражды против целого народа».

Искренние патриоты и защитники прав русского народа, прогрессисты круга «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» в то же время отмечали опасную тенденцию, наметившуюся в трансформации либерального лагеря под влиянием войны. В частности, К.К.Арсеньев

с тревогой наблюдал за «потугами» создания своего рода национал-либеральной партии. Такая попытка была предпринята в IV Думе в июле 1915 г. лидером фракции прогрессистов И.Н.Ефремовым и беспартийным депутатом М.А.Карауловым [19, с.334–335]²⁸.

Благоприятной средой для утверждения этой темы в общественном дискурсе стала, в частности, дискуссия о национальном начале в либерализме, активным участником которой являлся П.Б.Струве. Патриотический подъем в русском обществе с первых дней войны стал для него стимулом к развитию идей, которые он проповедовал еще в статье «Великая Россия»

(1908) [29]. Сочувствие попытке П.Б.Струве «привить иссыхающему дереву российского либерализма свежий росток национализма» выразила редакция газеты «Утро России», в свою очередь, пропагандиро-

Плакат Всероссийского Земского союза
помощи больным и раненым

²⁸ Идея организации в России национал-либеральной партии не сходилась с повестки дня в военный период. О популярности этой темы свидетельствовала, в частности, информация в прессе в июне 1917 г. о вероятном переименовании «Союза 17 октября» в национал-либеральную партию [9].

вавшая мысль о возможности и необходимости синтеза идей «чистого, здорового национализма», патриотизма и либерализма [33]²⁹.

К. К. Арсеньев стремился разъяснить российской общественности суть дискутируемого явления и указать на вероятные крайне негативные последствия «национализации русского либерализма». Обращаясь к опыту Германии, где Национал-либеральная партия существовала с 1867 г., он предостерегал русских сторонников этой идеи от перспективы «поглощения либерализма национализмом», утраты либерального «ядра» программы – «равенства перед законом и свободы, во всех тех формах, в которых ее признает и охраняет правовое государство». Авторитетный публицист убежденно заявлял: «Национал-либералы, если им суждено появиться на нашей почве, будут столь же мало либералами, как и нынешние одноименники их в Германии» [5, с.366–368].

«Все – для фронта, все – для победы!»

Раскол на идеологическом фронте однако не стал препятствием для активизации практической деятельности либералов-центристов (в единении с представителями разных партий и беспартийными) под лозунгом «Все – для фронта, все – для победы!» В годы войны «под знаком» прогрессизма развивалась кооперация, активизировались общественные организации.

Неподдельный энтузиазм и самопожертвование, составлявшие главный «нерв» деятельности общественников, «размывали» партийные, сословные и иные «перегородки» между участниками мощного патриотического движения. Это способствовало развитию новых социальных связей («горизонтальных» и «вертикальных»). Порождением могучей людской стихии были не только впечатляющие по своему масштабу материальные результаты, но и стремительное ускорение формирования гражданского общества.

Объединительный порыв военного времени напоминал либералам-центристам старшего поколения и их соратникам атмосферу борьбы с голодом в начале 1890-х гг., подъем земско-либераль-

---

²⁹ «Не беспокойте умирающих – дайте им полный покой», – в полемическом запале поставив «крест» на кадетском либерализме, журналисты из «Утра России» подвергли критике и таких ветеранов умеренно-прогрессивного течения, как Е. Н. Трубецкой и К. К. Арсеньев. Последний, в свою очередь, выступил с призывом к участникам дискуссии (в т. ч. Струве) высказываться по существу вопроса, не допуская «выпадов против личностей» [5, с.368].

ного движения накануне революции 1905–1907 гг. Особенно обнадеживали их характерные приметы первого года войны – совпадение и взаимодополнение инициатив власти и общественных институций, «факты общественно-государственного сотрудничества, когда государство финансировало гражданское общество и предоставляло ему разнообразные льготы» [31, с.397]. По сути это была та самая модель взаимоотношений власти и организованной общественности, о которой в предвоенные годы прогрессистам приходилось только мечтать. Начиная с пореформенного периода их лидеры из «ветеранского списка»

(М. М. Стасюлевич, К. К. Арсеньев, А. С. Посников и др.) приложили немало усилий к тому, чтобы адаптировать в России подобную модель. Они были уверены в том, что именно благодаря дружным усилиям оппозиции в самом начале 1900-х гг. удалось обеспечить конституционный «прорыв» 1905 г. и добиться от власти реформ, расширявших сферу свободы в обществе. Однако тогда не возымели действия призывы либералов-центристов к соратникам по борьбе с самодержавием сохранять единство и впредь. Убежденные в том, что партийные барьеры, возведенные в годы Первой российской революции, существенно затрудняют решение задач «мирного обновления» России, создатели в 1905–1906 гг. первых объединений либералов-центристов (партии, клубы, союзы и т. д.) продолжали и в предвоенные годы вести свою «линию» на консолидацию сторонников освободительного движения.

Во главе общественности

Резкая перемена в общественных настроениях буквально с первого дня вступления России в войну подтвердила известную народную мудрость («нет худа без добра») и породила у идеологов либерально-центризма, а также их единомышленников, мощный всплеск на-

дежд и оптимизма³⁰. Они энергично включились в общее дело, сотрудничая с правительственными структурами и не оставляя попыток влиять на ситуацию и с помощью личных связей в «верхах»³¹. Приведем лишь некоторые примеры. Так, в когорте организаторов и руководителей всероссийского кооперативного движения накануне и в годы Первой мировой войны были М. М. Федоров, А. С. Посников. В сентябре 1915 г. А. Г. Гусаков (в числе приглашенных «сведущих лиц») участвовал в работе межведомственного совещания под председательством члена Совета министра торговли и промышленности В. В. Прилежаева. Предметом обсуждения там были проекты образцовых уставов для потребительских обществ и их союзов и новое Положение о потребительской кооперации.

В роли консолидаторов творческой интеллигенции обеих столиц выступили К. К. Арсеньев и Н. В. Давыдов. При их ближайшем участии были организованы благотворительные литературно-издательские акции

³⁰ Так, кн. В. М. Голицын, судя по предвоенным записям в его дневнике, уже потерявший было веру в то, что в России возможен «общий, всенародный подъем духа», переживал как какое-то чудо небывалый патриотический взлет первых дней войны. «Производит впечатление, что мы внезапно переселились на другую планету», – отметил он. Приветствуя организацию Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов в июле-августе 1914 г., князь передавал свое впечатление от событий: «Не веришь ни глазам, ни ушам... А еще год тому назад все это почиталось революцией». «Общество себя показало и de facto смело правительство, которое перестало существовать» (29 сентября 1914 г.). Автор дневника не сомневался в том, что «война приблизила нас к перевороту или к революции»: «Мы вступили в период полного обновления русской жизни, и над всем ее прошлым поставлена точка». Ему хотелось верить, что «события создадут людей» – тех, кто наконец-то сможет вывести Россию на новые рубежи. В то же время В. М. Голицын не скрывал тревогу по поводу того, насколько длительным и устойчивым на этот раз будет всенародный энтузиазм, окажется ли общество на высоте предстоящих ему задач, сможет ли вдруг возникшее «общее одушевление» стать исходной точкой для будущего или же все вернется «на круги своя» [2, д. 31, л. 85об., 105об. – 106, 130 об., 154 и др.].

³¹ Так, в ноябре 1914 г. кн. В. М. Голицын по собственной инициативе подготовил проект петиции об амнистии, одобренный его соратниками. По совету Н. В. Давыдова, князь отправил письмо по этому поводу вел.кн. Константину Константиновичу («дабы узнать настроение там»). С последним В. М. Голицына связывало давнее знакомство и совместное участие в трудах Комитета по устройству Музея прикладных знаний в Москве (будущего Политехнического музея): великий князь с самого основания Комитета (1872) являлся его почетным председателем, а В. М. Голицын с 1895 г. – тов. председателя. Бывший московский городской голова отзывался о вел.кн. Константине Константиновиче как «единственном порядочном в широком смысле слова человеке в "фамилии"». Что касается упомянутого обращения В. М. Голицына, то полученный вскоре ответ («письмо бессодержательное и иезуитское») не оправдал ожиданий автора послания. Это был не единственный случай, когда Н. В. Давыдов пытался задействовать связи В. М. Голицына в «высших сферах» для решения общественных задач [2, д. 31, л. 195–213об., 375–376, 422].

с целью сбора средств на помощь «жертвам войны» [6, 17, 18].

Прогрессисты занимали передовые позиции во многих научных общественных организациях. Среди них – Вольное экономическое общество (ВЭО) [31, с.342–349]. Об эффективности его мер по борьбе с безработицей говорит хотя бы следующий факт. При поддержке Петроградской городской думы, возглавляемой в 1913–1916 гг. видным прогрессистом гр. И.И.Толстым, Общество открыло в начале 1915 г. биржу труда, которая завоевала популярность у рабочих и предпринимателей Петрограда и насчитывала к весне 1916 г. семь отделений³².

Созданную при ВЭО Комиссию для борьбы с дезорганизацией экономики и оказания помощи жертвам войны возглавил А.С.Посников. Секретарские обязанности в Комиссии непродолжительное время выполнял талантливый публицист, экономист А.М.Рыкачев³³. Помощь жертвам войны была организована по нескольким направлениям: сбор пожертвований на нужды фронта и семей военнослужащих, создание лазаретов. Организация последних и управление их деятельностью осуществлялись также на частные пожертвования путем открытия общественной подписки. В числе благотворителей были представители самых разных социальных слоев и профессиональных групп (в т.ч. сотрудники изданий прогрессистов – «Утра России», «Вестника Европы»).

По оценке А.С.Тумановой, масштабы мероприятий ВЭО в Петрограде по организации медицинской помощи раненым и больным воинам были «сопоставимы с усилиями финансово состоятельных столичных корпораций». Однако «по мере того, как деятельность ВЭО набирала обороты,

³² По подсчетам Совета ВЭО, за 14 месяцев существования биржи к ее посредническим услугам обратились почти 138 тыс. безработных, нанимателями было предложено почти 230 тыс. рабочих мест [31, с.345].

³³ Имея освобождение от воинской повинности, А.М.Рыкачев добровольцем ушел на фронт. В ноябре 1914 г. он погиб на передовых позициях русской армии под Краковом.

недоверие правительства к нему нарастало» [31, с.346–347]. Распоряжением властей 30 января 1915 г. работа ВЭО была приостановлена (под надуманным предлогом) на период действия в Петрограде военного положения. «Правительство, несомненно, сделало глупость, так как Общество никакой опасности не представляло, а закрытие его будет основательно волновать умы и создаст разлад, где было согласие, столь нужное в переживаемое время для России. Что же делать, когда на министерском посту держат какого-то Маклакова, дальше своего носа ничего не видящего!» – записал в дневнике И.И. Толстой [30, с.693].

Толстой И.И.

Солидарность с соратниками из ВЭО проявили тогда лидеры Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Они устроили в ноябре 1915 г. публичное чествование ВЭО по поводу его 150-летия и направили ходатайство о возобновлении его работы в Петроград [31, с.348]. Среди тех, кто в ту пору определял лицо МОСХ, был С.Д. Урусов. В 1912–1914 гг. он занимал пост председателя Комитета семенного дела и сортоводства [т.е. селекции сельскохозяйственных растений. – Н.Х.] и был фактически одним из тех, кто стоял в России у истоков селекции как большого государственного дела. Именно в этот период шла подготовка ко II Всероссийскому съезду деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, который должен был состояться в Москве в феврале 1915 г. [39].

Львов Г.Е.

Осенью 1915 г. президент ВЭО М.М. Ковалевский вел переговоры с управляющим МВД А.Н. Хвостовым о возможности возобновления работы Общества. Однако найти взаимоприемлемый компромисс сторонам не удалось ввиду того, что власть выставила неприемлемые для Об-

щества условия (пересмотреть устав Общества и ограничить сферу деятельности организации). Однако впоследствии активисты ВЭО, взаимодействуя с общественными организациями, а также руководством Государственной думы не оставляли попыток оказывать влияние на решение народнохозяйственных вопросов [31, с.349].

Модель отношений ВЭО и других научных обществ с властью («от сотрудничества и взаимодействия к противоборству и открытому противостоянию») была характерна и для развития контактов между «верхами» и публичными организациями³⁴ – Всероссийским земским союзом (ВЗС) и Всероссийским союзом городов (ВСГ). Их

Челноков М.В.

масштабная и многообразная помощь населению (в том числе беженцам, раненым) в тылу, с осени 1914 г. распространилась на прифронтовые территории. ВЗС и ВСГ направляли своих уполномоченных на фронты, создавали фронтовые комитеты. Среди тех, кто работал непосредственно на «линии огня» – С. Д. Урусов, уполномоченный (затем – председатель) Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского союза городов [3, карт. 1, д.15, л.2об.]³⁵.

Активным участником Всероссийского съезда городских голов, инициировавшего в начале августа 1915 г. образование ВСГ, был глава петроградского самоуправления гр. И.И. Толстой. В руководящий состав (временный комитет) ВСГ вошел В. Д. Кузьмин-Караваяев. Во многом благодаря энергии М. М. Федорова в столице были созданы две организации ВСГ – Петроградские областной и городской комитеты.

³⁴ В отличие от классических обществ частной инициативы, публично-правовые организации объединяли не частных лиц, а представителей органов самоуправлений. Как отмечается в новейшей литературе, появление подобных организаций в России в годы войны стало индикатором процесса «обновления и усложнения структуры организованной общественности» [31, с.336–337, 354–355].

³⁵ Члены семьи С. Д. Урусова также не оставались в стороне от общей беды: дочь Софья работала в калужском земском госпитале, сын Дмитрий возглавлял группу местных земцев, занимающуюся организацией питания беженцев [32].

Отметим символичность фигур глав Союзов (кн. Г.Е. Львов и М.В. Челноков)³⁶, а именно их близость к либеральному центру по своему психотипу и взглядам. Кадетам так и не удалось превратить ВСГ И ВЗС в «приводные ремни» своей партии [40, с.42–43, 52–53, 73 и др.].

С весны 1915 г. Союзы подключились к организации поставок всего необходимого для армии. На IX Всероссийском съезде представителей промышленности и торговли (25–27 мая 1915 г.) было принято решение об образовании военно-промышленных комитетов (ВПК). Инициаторами учреждения этих общественных организаций выступили московские промышленники-прогрессисты – П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, С.И. Четвериков и др. Несомненным лидером среди них был П.П. Рябушинский. Он прибыл на съезд «из самого пекла войны, из-под обстрела вражеских пушек и потрясенный почти гробовым молчанием русской артиллерии из-за отсутствия снарядов. В эмоциональной, почти аффектированной речи он призвал своих «братьев по классу» мобилизовать частную промышленность для эффективной помощи фронту. Почин был воспринят сразу же» [40, с.61]. Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) возглавил лидер октябристов А.И. Гучков, а его заместителем стал прогрессист А.И. Коновалов. Председателем Московского ВПК, сформированного при Московском биржевом комитете и начавшего свою деятельность 11 июня 1915 г., был избран П.П. Рябушинский, его заместителями – А.И. Коновалов (от ЦВПК) и кн. Г.Е. Львов (от Земгора). Московский ВПК объединил 10 губернских Центральной России и стал самым мощным из «местных» комитетов. Впоследствии он выполнял половину всех заказов армии [31, с.365; 40, с.61].

**От сотрудничества –
к противостоянию**

Усиленная деятельность прогрессистов по обеспечению нужд фронта и тыла сопровождалась все большим осознанием губительности для страны правительственного курса. Активизация их деятельности по объединению оппозиции происходила с начала 1914 г. в связи с очередными перестановками в правительстве, не оставлявшими надежд на перемены

---

³⁶ Г.Е. Львов и М.В. Челноков стали сопредседателями Земгора – Главного по снабжению армии комитета, образованного в июле 1915 г.

в официальной политике³⁷. Стремление к консолидации оппозиции ускорило с конца весны 1915 г., по мере обострения ситуации на фронте, а также усиления противодействия общественным организациям со стороны власти. Критикуя политику «верхов», прогрессисты и их соратники по-прежнему демонстрировали настрой исключительно на мирное обновление страны, в союзе с властью.

Либералы-центристы и Прогрессивный блок

При активном участии прогрессистского «актива» (И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов, М. М. Ковалевский и др.) в августе 1915 г. в IV Думе

был образован Прогрессивный блок. Фактически это объединение стало осуществлением цели, которую ставили перед собой организаторы Партии демократических реформ в период избирательной кампании в I Думу. Это – формирование в нижней палате «левоцентристского блока» («конституционного центра») как опоры для власти и оппозиции на пути реформ. Вехой на пути к задуманному стала попытка реализации идеи А. И. Коновалова (март 1914 г.) об образовании в IV Думе т.н. Информационного бюро – своего рода «согласительного» межфракционного органа для координации действий оппозиции. Движение в том же направлении было обозначено и на совместных совещаниях (с марта 1915 г.) депутатов из разных думских групп, проходивших в рамках инициированной прогрессистами кампании за скорейшее возобновление работы народного представительства, прерванной правительством в конце января 1915 г. [19, с.325–327, 345–351].

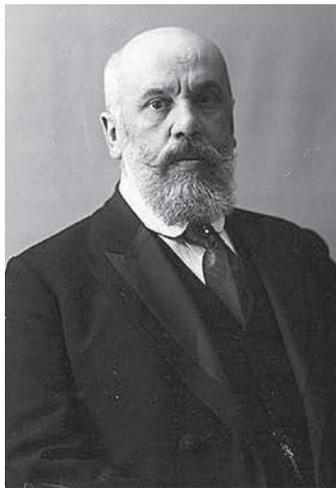
Руководители Прогрессивного блока, умеренного по своему составу и требованиям, характеризовали свою организацию как «спасательный пояс монархии». У нового думского объединения не было непримиримых разногласий с правительством – «министры принимали 5/6 его программы» [40, с.103].

Либералы-центристы считали выход Прогрессивного блока на политическую арену «фактом большой важности, впервые наблюдаемым

³⁷ *Красноречивым примером сохранения прежних традиций власти И. Н. Ефремов считал высказанное И. Л. Горемыкиным, в очередной раз занявшим пост председателя Совета министров, мнение о том, что доверие должны заслужить законодательные учреждения, а не правительство. Лидер прогрессистов видел «связь времен» и в устойчивости влияния на политику «закулисных, безответственных сил», а также в склонности «верхов» к восстановлению «старого, крепостнически-абсолютистского строя» путем не открытого «уничтожения» Думы (из-за угрозы обострения внутренней и внешней ситуации), а постепенного урезания ее прав («отнятием сегодня – одного, завтра – другого») [37, с.11–12].*

в России», «первым шагом на пути к правильному функционированию парламента, на пути к парламентаризму» [19, с.357]. И.Н.Ефремов и его сподвижники не сомневались, что образование Прогрессивного блока существенно облегчило создание «ответственного министерства», которое теперь имело возможность опираться на организованное думское большинство.

Реакцией власти на создание Прогрессивного блока было, с одной стороны, издание очередного указа о временном роспуске IV Думы (3 сентября 1915 г.), с другой – создание видимости сближения с оппозицией. Последнее было связано с приглашением представителей Думы (в т.ч. прогрессистов) к участию в работе ряда т.н. Особых совещаний, созданных в августе 1915 для руководства военной экономикой³⁸. В либеральной среде не было единства мнений по поводу эффективности этих чрезвычайных органов [40, с.68–71]. Однако вердикт прогрессистов, причастных к этой деятельности, был однозначен: Совещания – не более чем «ширма» для безответственного правительства³⁹. 28 ноября 1915 г. фракция приняла решение об отзыве своих членов из Особых

Ржевский В.А.

³⁸ Фактически власть пошла по пути, предложенному ранее общественностью. Так, фракцией прогрессистов еще до открытия в июле 1915 г. 4-й сессии IV Думы, была выдвинута идея создания «Комитета государственной обороны из министров, ведавших вопросами снабжения фронта и тыла, и представителей обеих законодательных палат, земского и городского союзов, военно-промышленных комитетов», наделение этих представителей правами, «равными с министрами». Эта идея была заимствована правительством при учреждении Особого Совещания по обороне государства, в работе которого участвовал И.Н.Ефремов [15, с.16–17].

³⁹ Мнение прогрессистов сводилось к тому, что новые чрезвычайные органы оказались лишены возможности реально влиять своими рекомендациями на официальный курс и контролировать правительство, поскольку фактически представляли собой «органы исполнительной власти, принимающие решения по ряду технических вопросов и участвующие в их исполнении». Тем самым, полагали лидеры фракции, участие депутатов Думы в Особых совещаниях подрывало авторитет народного представительства [19, с.68–71].

совещаний (И. Н. Ефремов, В. А. Ржевский, А. И. Новиков, А. А. Барышников, И. В. Титов)⁴⁰.

«Карфаген должен быть разрушен!»

С настойчивостью известного древнеримского государственного деятеля И. Н. Ефремов, начиная с мая 1915 г., неизменно проводил мысль

о необходимости реформы власти (создания «ответственного правительства»), а также призывал к мобилизации общественных сил как для победы над внешним врагом, так и в целях внутреннего переустройства России⁴¹. Именно отсутствие в декларации Прогрессивного блока требования образования «ответственного министерства» стало одним из поводов к выходу фракции прогрессистов из этого объединения 31 октября 1916 г., накануне открытия очередной (оказавшейся последней) сессии Государственной думы⁴².

Показателен и решительный настрой А. И. Коновалова, достигший апогея осенью 1916 г., когда он призывал соратников к «решительному натиску на власть, последнему штурму бюрократии» [40, с.118]. А. И. Коновалов не исключал и возможности самороспуска Думы, демонстратив-

⁴⁰ В думской речи 10 февраля 1916 г. И. Н. Ефремов так объяснял этот шаг фракции: «Надо было... разрушить вредные иллюзии... дать понять обществу, что совещания не разрешат кризисов перевозок топлива и продовольствия и не поставят сами по себе оборону Отечества на желанную высоту». Протестную акцию он считал «патриотическим долгом». Фракция предложила другим участникам Прогрессивного блока последовать их примеру, но эта идея не получила отклика в депутатской среде. Сами прогрессисты фактически продолжали оставаться в составе Особых совещаний в качестве представителей Центрального военно-промышленного комитета и Земгора.

⁴¹ Несмотря на популярность «формулы ответственного министерства», даже в среде самих прогрессистов были сомневающиеся в своевременности данного лозунга (А. С. Понников, Н. Н. Львов). Они опасались «революции во время войны» как возможного последствия настойчивого поведения Думой в жизнь призыва к «смене всей системы и методов управления». Позже, находясь в эмиграции, И. Н. Ефремов признал «глубокую правоту» соратников-оппонентов [1, оп.1, д.24, л.16–17]. Характерный факт: А. С. Понников был в числе тех «наиболее видных» общественных деятелей, к кому представители правительства, обеспокоенные нарастанием революционных настроений, в конце октября 1916 г. обращались с доверительной просьбой воздействовать на коллег-депутатов «в целях успокоения» последних [20, с.169].

⁴² Выходом из Прогрессивного блока прогрессисты выразили также несогласие с отсутствием в его декларации еще одного требования – создания комиссии для расследования действий правительства, приведших к обострению внутреннего кризиса (прежде всего, продовольственной проблемы), распространению слухов о возможной измене в «высших сферах» с целью заключения сепаратного мира с Германией.

ного сложения Г.Е.Львовым и М.В.Челноковым их полномочий в ВЗС и ВСГ.

На первый взгляд, позиция А.И.Коновалова, П.П.Рябушинского и их соратников отличалась от тактики кадетов своим ярким радикализмом. На самом деле за внешним эффектом «революционной» риторики лидеров прогрессистов в годы войны следует различать истинную сущность их намерений, характерную для либералов-центристов всех поколений. Тактическая линия на сотрудничество с умеренными социалистами отражала изначальное стремление идеологов «срединного» течения в русском либерализме объединять под знаменем свободы, порядка и справедливости широкие демократические круги, действовать строго легально, отдавая приоритет парламентской работе. Вплоть до революционного взрыва в Петрограде в феврале 1917 г. лидеры прогрессистов пытались пройти «по лезвию ножа»: прикладывая усилия к мобилизации общества и Думы с целью давления на правительство, они в то же время не переставали надеяться на возможность «мирного обновления» страны в случае принятия властью идеи компромисса с обществом, т.е. образования правительства, ответственного перед Государственной думой. Этот настрой был характерен даже для самых радикальных выступлений И.Н.Ефремова, А.И.Коновалова, П.П.Рябушинского. Однако власть оставалась глуха не только к критике, но и конструктивным предложениям прогрессистов, продолжая «вести дело» в прежнем русле⁴³.

«Народ всегда пойдет за теми, кто его поведет»

Курс на сближение с рабочими и умеренными социалистами рассматривается в новейшей литературе как стратегия «самозащиты»

буржуазии в предвидении «кровопролитной внутренней войны», своего рода «симптом тихой, бархатной революции», готовившей почву для взаимодействия прогрессистов с близкими им по взглядам деятелями

⁴³ В частности, о неизбежных катастрофических последствиях законодательства, направленного на ликвидацию «немецкого засилья», предупреждал на стадии обсуждения замысла прогрессист А.М.Масленников. В результате думская комиссия «по борьбе с немецким засильем» отвергла эту «безумную меру», впоследствии реализованную правительством в обход Думы. Возвращаясь к истории вопроса, А.И.Шингарев озвучил следуюший факт: «Когда депутат Масленников поехал к председателю Совета министров и стал говорить: послушайте, что вы сделали, это один ужас: есть уезды [в Самарской и Саратовской губ.], где половина всей земли останется незасеянной, что мы будем делать, – председатель Совета министров, теперешний [Н.Д.Голицын], ему сказал: да, кажется, мы не подумали» [28, с.1656].

социалистического лагеря после Февраля 1917 года [22, с.444; 40, с.64, 118–119].

Анализируя тактику прогрессистов (руководителей ВПК, думской фракции), В.М.Шевырин обращает внимание на два обстоятельства. Это, во-первых, отсутствие у А.И.Коновалова и его соратников значительно-го политического опыта, который, возможно, позволил бы прогрессистам удержаться на «средней» позиции (как это случилось с кадетами, возглавляемыми П.Н.Милюковым). Кроме того, по словам историка, «бедой» лидеров прогрессистов из числа промышленников стал их «гипертрофированный социальный оптимизм» – вера в то, что лидерские позиции в обновленной России будут принадлежать буржуазии. «Но Коновалов и его единомышленники опережали свое время»: ментальность населения не «стыковалась» с подобной установкой передовых предпринимателей. «Да и с либерализмом в целом» – добавляет историк, и с ним трудно не согласиться [40, с.119].

Вместе с тем упомянутые В.М.Шевыриным особенности политической линии А.И.Коновалова и его соратников вряд ли можно однозначно трактовать как роковые «просчеты» прогрессистов. Характерный для либералов-центристов курс на солидарные действия со всеми здравомыслящими силами нельзя считать изначально обреченным, учитывая крайне изменчивую ситуацию военного времени, сопровождавшуюся ростом (с лета 1915 г.) антидинастических настроений. Известно: «Народ всегда пойдет за теми, кто его поведет. И окажется там, куда его приведут». Нельзя исключать того, что сформулированное О.В.Волобуевым положение об «инициативной роли меньшинства в исторических событиях» [7] могло «сработать» в предреволюционной России в пользу прогрессистов, возглавлявших в годы войны крупные и влиятельные общественные структуры.

В заключение – о двух сюжетах, связанных с политической ситуацией накануне 1917 г. Это – причастность лидеров прогрессистов к «дворцовому заговору» и т.н. «масонский след» в их деятельности. Отсутствие достоверной источниковой базы не позволяет до конца прояснить картину событий. Вместе с тем в новейших исследованиях снят ореол «тайнственности» с обеих тем. В частности, В.М.Шевырин и Ф.А.Гайда убедительно доказали, что планы дворцового переворота на самом деле были «миражом, выдаваемым за действительность». Нет оснований «демонизировать» и роль масонов. «Общество свободных каменщиков» было удобно для его членов тем, что «давало возможность неформальных контактов, внепартийного общения и, быть

может, неофициальных решений, скрытых от "дурного глаза" охраны, от чающей сенсаций прессы и всякой "посторонней" публики». По словам В.М.Шевырина, «прямую связь между масонской деятельностью, будто бы направленной на низвержение самодержавия, и падением его в феврале 1917 г. усмотреть трудно, может быть, и потому, что Февральская революция явилась стихийным взрывом» [8, с.257; 40, с.120–121].

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов).
2. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф.75 (В.М.Голицын).
3. Там же. Ф.550 (С.Д.Урусов).
4. Арсеньев К.К. [Хроника. – На темы дня] // Вестник Европы. 1914. №11. С.333–341.
5. Арсеньев К.К. [Хроника. – На темы дня] // Вестник Европы. 1915. №1. С.363–372.
6. В помощь пленным русским воинам. Литературный сборник под ред. Н.В.Давыдова и Н.Д.Телешова. М.: тип. Сытина, 1916. 213 с.
7. Волобуев О.В. Инициативное меньшинство – движущая сила истории // Задавая вопросы прошлому...: к 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева / ред. В.Н.Захаров. М.: Информационно-аналитический центр Гуманитарий, 2006. С.8–24.
8. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
9. День. 1917. 8 июня. №79.
10. Демин В.А. Конституционно-демократическая фракция // Государственная дума Российской империи: Энциклопедия. В 2-х томах. 1906–2006. Т.1: 1906–1917 / отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2006. С.296–303.
11. Демин В.А. Прогрессистов фракция // Там же. С.521–523.
12. Демин В.А. «Союза 17 октября» фракция // Там же. С.597–602.
13. Дэн В.Э. А.С.Посников (К 70-летию юбилею) // Речь. 1915. 14 декабря. № 344.
14. Ефремов И.Н. Отчет избирателям о деятельности в качестве члена III Государственной думы. 1907–1912 гг. В 3-х ч. Ч.3. СПб.: тип. В.Ф.Киршбаума, 1912. 92 с.
15. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А.П.Корелина, А.С.Грузинова. Т.1. 1915. М.: РОССПЭН, 2013. 559 с.

16. Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2006. 366 с.

17. «Клич». День печати. Сборник на помощь жертвам войны / под ред. И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Н.Д.Телешова. Худож.отд. под наблюдением А.М.Васнецова и В.В.Переплетчикова. М.: скоропеч. Левенсон, 1915. 240 с.

18. «Невский альманах». Жертвам войны писатели и художники. Вып.1–2. Пг.: О-во рус. писателей для помощи жертвам войны, 1915–1917. [Вып.1. 1915. 102 с.; вып.2. 1917. 212 с.].

19. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В.Шелохаев; сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н.Б.Хайлова. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.

20. Покровский Н.Н. Последний в Маринском дворце: Воспоминания министра иностранных дел / сост., вступ. статья С.В.Куликова, подг. текста Д.Н.Шилова при участии С.В.Куликова, коммент. С.В.Куликова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

21. Розенберг В. Крестьянский вопрос в наши дни. (Накануне революции и на другой день после нее). 2-е пересм. изд. Пг. – М.: Задруга, 1917. 40 с.

22. Розенталь И.С. Александр Иванович Коновалов // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв.ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С.443–445.

23. Русские ведомости. 1869. №186. 26 августа.

24. Русские ведомости. 1869. №193. 6 сентября.

25. Русские ведомости. 1915. №287. 15 декабря.

26. Слонимский Л.З. Новое язычество на почве национализма // Вестник Европы. 1915. №5. С.338–344.

27. Соловьев К.А., Шелохаев В.В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М.: Издание Государственной думы, 2013. 240 с.

28. Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание двадцать третье. Четверг, 23 февраля 1917 г. Пг.: Гос. типография, 1917. [1565–1660 стб.]

29. Струве П. Еще раз о национальном начале в либерализме // Биржевые ведомости. 1914. 17 декабря. №14560 (утр.вып.).

30. Толстой И.И. Дневник. В 2–х т. Т.П. 1910–1916. СПб.: Лики России, 2010. 944 с.

31. Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг.: монография. М.: Проспект, 2019. 480 с.

32. Урусова С.С. Моя жизнь: воспоминания // Семейный архив потомков С.Д. Урусова.

33. Утро России. 1915. №14. 14 января.

34. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия I. 1912–1913 год. [Обзор деятельности]. Вып.1. СПб.: [б.м.], 1913. 62 с.
35. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия I. 1912–1913 год. [Обзор деятельности]. Вып.2. СПб.: типография И.В.Леонтьева, 1913. 131 с.
36. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия I. 1912–1913 год. [Обзор деятельности]. Вып.3. Народное хозяйство. СПб.: типография И.В.Леонтьева, 1913. 94 с.
37. Фракция прогрессистов в 4-й Государственной думе. Сессия II. 1913–1914 год. [Обзор деятельности]. Вып.4. СПб.: типография Бр. В.и И.Линник, 1914.107 с.
38. Хайлова Н.Б. Дневник князя В.М.Голицына: новые страницы истории общественной мысли России // В ритме времени: фронтовик, учитель, историк. [Памяти доктора исторических наук Б.С.Итенберга]. Сборник статей и материалов / отв.ред. О.В.Будницкий, В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2018. С.114–175.
39. Хайлова Н.Б. Князь С.Д.Урусов – сельский хозяин: семейная традиция на стыке двух веков // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России. М.: ВИАПИ имени А.А.Никонова, 2020. С.82–85.
40. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2003. 152 с.
41. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.

Михаил Зеленов

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

«ДЛЯ ПОКРЫТИЯ ВСЕХ СЛЕДОВ...»

**ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ВОЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА
ЛЕНИНА В МАРТЕ–АПРЕЛЕ 1918 г.
И ФИНАНСОВАЯ СТОРОНА
ОБРАЗОВАНИЯ ФИНСКОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ**

УДК

300.126"1918"+948.0"1918"

Публикация переписки 1918 г. и воспоминаний (1932 г.) представителя Совета народных уполномоченных (революционного правительства Красной Финляндии) В.Пукка раскрывает один из небольших аспектов военно-политического плана В.И.Ленина 1918 года – формирование денежных средств будущей коммунистической партии Финляндии.

This publication of the 1918 correspondence and 1932 memoirs of V.Pukka, a representative of the Council of the People's Plenipotentiaries (the revolutionary Red Finnish government), details one small aspect of V.I.Lenin's military-political plan for 1918: the creation of monetary resources for the future communist party of Finland.

Ключевые слова: Вяйне Пукка; «красные финны»; представительство финляндского рабочего правительства в России в 1918 г.; гражданская война в Финляндии; Ленин в 1918 г.

Key words: Väinö Pukka; «Red Finns»; representative of the Finnish Workers Government in Russia in 1918; the Finnish civil war; Lenin in 1918.

E-mail: mvzelenov@gmail.com

Все революции, можно сказать, положила руку на сердце, являются коммерческим предприятием. Публикуемые документы связаны одним сюжетом – историей появления и расходования денежных средств у эмигрировавших в Советскую Россию после неудачной революции «красных финнов» – будущей коммунистической партии Финляндии.

Великое Княжество Финляндское входило в состав Российской империи, но после падения монархии и прихода к власти большевиков Сейм 2 (15) ноября 1917 г. присвоил себе полномочия исчезнувшего с политической арены Великого Князя (императора Николая Второго) и 14 (27) ноября 1917 г. предписал создать правительство, во главе которого (председатель-прокурор) встал П. Э. Свинхувуд, поставивший первой задачей оформление независимости Финляндии. Вскоре, 22 ноября (5 декабря) 1917 г., правительство Финляндии обратилось к международному сообществу с просьбой о признании ее независимости, а на следующий день Сенат принял «Декларацию независимости». По сути это была политическая революция. Прошел месяц. Надежды Свинхувуда, что мировое политическое сообщество с радостью признает мятежную окраину в качестве самостоятельного государства не оправдались, поэтому социал-демократы реализовали предложенную ими в ноябре линию поведения: обратиться именно к Советской России, к большевикам, за признанием независимости. И после необходимых согласований между братскими социал-демократическими партиями 18 (31) декабря 1917 г. независимость Финляндией была получена, можно сказать, «из рук Ленина», постановлением Совета народных комиссаров.

На этом фоне в Финляндии усиливалось противостояние буржуазного правительства Сената и его «белых» вооруженных отрядов и революционного крыла социал-демократов и их «красной гвардии». Переход власти к «красным», дружба красной Финляндии и красной России несомненно ослабили бы позиции Германии. Через день после неприемлемых условий, выставленных в Брест-Литовске, Ленин дал поручение члену коллегии Народного комиссариата по военным делам К. А. Мехоношину помочь красным финнам (Э. Рахья) оружием [5, с.27]. Почти через две недели, 17 (30) января 1918 г., СНК получил телеграмму из Гельсингфорса, что «революционное движение рабочих Финляндии низвергло свое буржуазное правительство. Вместе с этим ..было объявлено о переходе власти в руки рабочего класса, временное осуществление каковой сосредоточивается пока в Фин-

ляндском Совете Народных Уполномоченных» [3, с.4; 8, с.649–650]. Телеграмму подписали председатель революционного правительства К. Маннер и министр иностранных дел И. Сирола.

Россия помогала, естественно, оружием, боеприпасами и техникой «красным» финнам в их борьбе против «белых», посылая военных инструкторов, а также формируя отряды добровольцев, обещая наемникам умеренную зарплату за помощь в борьбе против мирового империализма. Те же самые меры предпринимали для борьбы с мировым коммунизмом Германия и Швеция, с той лишь разницей, что за моральную и неморальную поддержку Швеция хотела заполучить Аландские острова, а Германия – всю Финляндию. И те и другие обещали противостоящим силам Финляндии поставки продовольствия, кредиты, займы, международную поддержку в борьбе за справедливость. И та и другая сторона не жалели денег на пропаганду, риторику, газеты, листовки, манифестации, организацию праведного гнева.

Белая Финляндия под руководством К. Маннергейма и с поддержкой германских войск, проявляя необыкновенную жестокость, неуклонно побеждала красную Финляндию. Вот тогда, в марте 1918 г., как вспоминает В. Пукка, «В.И. Ленин предложил финляндским товарищам большой план действий... Часть этого военно-политического плана заключалась в том, что революционное правительство Финляндии должно немедленно эвакуировать на восток и, в случае надобности, на территорию Советской России все средства финляндского государственного банка и другие ресурсы финляндского Красного Правительства» (док. №5). Это не было сделано вовремя, поскольку уполномоченный по делам финансов революционного правительства Финляндии Э. Гюллинг¹ считал, что «красные должны были оставить белым средства пропорционально числу оставшихся в Финляндии граждан» (док. №5). В результате «все вагоны с ценностями остались на пути от Гельсингфорса до Выборга и достались белым после поражения красных». Вероятно, такая меланхолия в революционные дни определила позицию Ленина при встрече 21 апреля 1918 г. с Рахья, который позднее вспоминал: «Он меня опять печача-

---

¹ Гюллинг Эдуард Александрович (Эдвард Отто Вильгельм) (1881–1938), с 1908 по 1918 год депутат Финляндского парламента от социал-демократической партии, с 1917 по 1918 год – председатель социал-демократической партии Финляндии. С 1918 года – член ЦК ФКП нескольких составов. В 1923–1935 гг. председатель СНК Автономной Карельской ССР. В 1937 году арестован по делу «контрреволюционной националистической организации Гюллинга – Ровио» и в 1938 году расстрелян. Реабилитирован в 1955 году.

лил, сказав: «Нет, товарищ Рахья, вы сейчас не победите»... Оказывается, за это время Ильича посетила делегация финнов во главе с социал-демократами. Он с ними долго разговаривал и получил ясное представление о том, что такое финляндские социал-демократы. Поэтому он и заявил категорически, что с такими людьми в революцию идти нельзя» [6, с.38]. Однако «В 20 числах апреля... в Москве и Ленинграде решено было при содействии В. И. Ленина изъять из всех банков в России все средства, оставленные на текущих счетах финляндским доянварским 1918 г. правительством (Свинхувуда)» (док. №5).

Эти нехитрые деньги и легли в основу средств будущей коммунистической партии Финляндии, которые расходовались достаточно произвольно «настоящими революционерами» Эйно и Юкки (Иваном) Рахья. Поэтому Вяйне Пукка в 1920 г. вошел в группу «рабочей оппозиции», недовольной расходом средств руководством компартии, и в ответ ЦК КПФ принял решение исключить В. Пукка из партии. Бывший распорядитель денежных средств партии не участвовал в террористическом акте «рабочей оппозиции» против братьев Рахья и других руководителей КПФ в начале сентября 1920 г, но выступил в защиту арестованных товарищей, поскольку те застрелили своих однопартийцев «для пользы революции». После процесса выслан в Читу в 1923 г., в 1930 г. вступил в ВКП(б), вернулся в Москву, закончил Институт Красной профессуры, преподавал в Институте философии, а в 1935 расстрелян за контрреволюционную борьбу в КПФ (подробнее см.: [4, с.69–82]).

Во всех документах сохранен стиль автора, незначительные опечатки исправлены без оговорок.

№1

**Обращение Представителя Совета Финляндских
Народных Комиссаров В.Пукка к главному комиссару –
управляющему делами Московской конторы
Государственного Банка Т.И.Попову²**

20 мая 1918 г.

[№] 112
Тов. Попову.

20-го мая [191]8

Москва

Милый товарищ.

Извините, если я беспокою вас. Но дела, которые поручены мне, требуют незамедленного решения. Двенадцать дней тому назад мы дали вам все те бумаги, касающиеся того финляндского дела, о котором тов. Чичерин и Ленин Вам сообщили.

Благодарю Вас за ваше содействие, дело начинает спориться, но после того, как Вы отдали дело в руки Ваших служащих, то нашли в нем много затруднений. Последнее время мы заметили, что эффекты с каждым днем увеличиваются. Окончательного решения вопроса еще не предвидится.

Ввиду того, что Вы вполне можете ускорить дело, просим вас еще раз оказать нам ваше любезное содействие и приготовить все эти бумаги и книжки до завтра утро, потому что я, по всей вероятности, еду в Нижний Новгород и вернусь спустя некоторое время.

Вяйне Пукка

Представитель Совета Финляндских Народных Комиссаров в России.
Секретарь:

РГАСПИ. Ф.5. Оп.3. Д.224. Л.2. Машинопись. Отпуск на листе большого формата в линейку. Подпись – автограф.

---

²Тихон Иванович Попов (1872–1919) – старый большевик, член партии с 1898 г., учился на истфаках Московского и Харьковского университетов, затем несколько лет работал в статистическом бюро, стал исполнять обязанности комиссара в Государственном банке с апреля 1918 г. по просьбе Ленина. В октябре 1918 г. стал заместителем главного комиссара Народного банка. Покончил жизнь самоубийством в ноябре 1919 г.

№2

**Отношение Представителя Бюро Центрального Комитета
Заграничной организации финляндских социал-демократов
В. Пукка Председателю СНК В. И. Ленину с просьбой
оказать содействие в выдаче денег³**

20 июня 1918 г.

Тов. ЛЕНИН.

Здесь.

Настоящим обращаемся к Вам в особенно важном деле.

Содержание тысяч голодных рабочих семейств, революционная агитация в Финляндии и пр[очее], требуют от нас не только энергию, но и громадные деньги. Наши наличные средства кончаются. В здешнем Государственном банке помещены у нас на частном текущем счету⁴ рублей.

Так как снятие со счета денег составляет затруднения, приняли меры для зачисления этих средств на несколько счетов. Но это не улучшает нашего положения финансов. Нам требуются для покрытия неизбежных расходов⁵ рублей.

Представив наше дело управляющему Государственным банком тов. ПОПОВУ, он посоветовал нам обратиться к Вам по этому вопросу.

Не забыв Вашего любезного обещания помочь нам, всегда надеемся, что Вы сделаете с Вашей стороны все возможное и невозможное к улучшению нашего затруднительного положения.

С товарищеским приветом
БЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
Заграничной организации
ФИНЛЯНДСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ.
Вяйне Пукка.

РГАСПИ. Ф.5. Оп.3. Д.224. Л.3. Машинопись. Подпись – автограф.

³ К письму прилагалось также обращение от ЦК Заграничной организации финляндских социал-демократов: «Подтверждаем при сем, что тов. Вяйне Пукка уполномочен нами заведывать средствами, надеемся что Вы не откаже[те] в любезности помочь ему в предстоящих в будущем денежных операциях» [5, л.4].

⁴ В машинописи большой пропуск.

⁵ В машинописи большой пропуск.

№3

**Записка Председателя СНК В.И.Ленина главному комиссару
Народного Банка РСФСР Т.И.Попову**

24 июля 1918 г.

Тов. Тих. Ивановичу Попову
24.VII.1918 г.

ПРОШУ Вас ускорить и облегчить всячески выдачу подателям – товарищам финнам.

Ваш Ленин

Опубл.: Л.Сб. XXI. М., 1933. с.278.

№4

**Обращение В.Пукка главному комиссару
Народного Банка РСФСР Т.И.Попову о выдаче
денежных средств финским эмигрантам до подписания
мирного договора с Финляндией**

25 июля 1918 г.

[№] 85.
25-го июля 1918 года.

Москва.

Тов. ПОПОВУ.
Здесь.

Сегодня во время личных переговоров с тов. Лениным, относительно наших денежных средств, мы сообщили ему наше желание снять их полностью до подписания русско-финского мирного договора⁶. Разуме-

---

⁶*Речь идет о готовящихся в июле 1918 г. переговорах о мире между Россией и Финляндией. Переговоры проходили 3–27 августа в Берлине. В.Пукка написал в качестве эксперта по финским делам заключение «Воевала ли Россия с Финляндией». См.: [6, 265–269].*

ется, мы их конечно внесем обратно по частям, но для покрытия всех следов мы предпочли принять эти меры.

Товарищ Ленин согласился с нашим мнением.

Так как я делегирован Центральным комитетом Заграничной организации финляндских социал-демократов принимать участие в мирных переговорах, не имею возможности, из-за недостатка времени, зайти к Вам на личные переговоры, то покорнейше прошу Вас не отказать в любезности вернуть подписанные чеки нашему казначею тов. К.К.Хейккинен⁷, который является уполномоченным Центрального комитета и действует по его инструкциям.

С товарищеским приветом

БЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА С.Д.ЗАГРОФИН.

Вяйне Пукка.

РГАСПИ. Ф.5. Оп.3. Д.224. Л.5. Машинопись на папиросной бумаге со следами дырокола. Отпуск. Подпись – автограф.

№5

**Пояснительная записка (воспоминания)
В.Пукка об обстоятельствах написания записки
В.И.Ленина Т.И.Попову в 1918 г.**

21 мая 1932 г.

Институт Ленина при ЦК ВКП(б)

Предъявленная Вами мне записка В.И.Ленина от 1918 г., адресованная т. Попову, мне хорошо известна, ибо получена мною лично от В.И.Ленина для передачи т. Попову.

При чтении этой записки создается первое впечатление, что речь идет якобы об оказании личной помощи каким-то финским товарищам. Это неверно.

Записка связана с одним большим мероприятием финансового порядка, проведенным партией после поражения Финляндской револю-

---

⁷Данных не выявлено. В ведомостях Статс-секретариата Финляндии в Москве указан как казначей в марте–апреле 1918 г.

ции. Она касается вопроса получения из Госбанка нескольких десятков миллионов (59.000.000)⁸ рублей для партийной работы за границей.

Обстоятельства дела следующие:

Когда в марте 1918 г. стало ясно, что Финляндская Красная Гвардия, вероятно, вынуждена будет отступить по всему фронту перед превосходством немецкой армии и, быть может, оставить основную территорию, занимаемую красными в Финляндии, В.И. Ленин предложил финляндским товарищам большой план действий, о котором когда-либо напишу особо. Часть этого военно-политического плана заключалась в том, что революционное правительство Финляндии должно немедленно эвакуировать на восток и, в случае надобности, на территорию Советской России все средства финляндского государственного банка и другие ресурсы финляндского Красного Правительства. Когда этот вопрос в части эвакуации ценностей был поставлен перед финляндским революционным правительством всего состава, возникли существенные расхождения. Фактический руководитель финансовой политики финляндского Красного Правительства Эдвард Гюллинг (номинально НарУполФинансов был магистр философии т. Яло Кохонен⁹) противился изо всех сил этому мероприятию, выдвигая, в конце концов, глупую теорию в случае поражения и вынужденной эвакуации, захватить средств лишь пропорционально количеству эвакуированных из Финляндии в Россию финляндских граждан. По этой теории красные должны были оставить белым средства пропорционально числу оставшихся в Финляндии граждан¹⁰.

Впоследствии, в апреле 1918 г. в Финляндии начали эвакуацию средств Госбанка на восток, но благодаря оппортунизму руководства и пропущенному времени, начали это так поздно, что все вагоны с ценностями остались на пути от Гельсингфорса до Выборга и достались белым после поражения красных.

За несколько дней до падения Гельсингфорса, которое состоялось¹¹ 12 апреля, СовНарУполномоченных оставил Гельсингфорс и переехал

---

⁸ Вписано над строкой.

⁹ Кохонен Яло (Иоганн Петрович) (1885–1935). В годы революции в Финляндии – министр финансов. Его жена Ханна была заместителем министра просвещения. Нелегально прибыли в Россию после поражения революции. В 1920-е годы работал в Совете национальных меньшинств. В 1932 г. отправлен с семьей в Карелию, где работал научным сотрудником НИИ. Арестован. Умер в тюрьме. Жена арестована и умерла в тюрьме в 1944 г.

¹⁰ Далее зачеркнуто: Это звучит тихо, но это верно.

¹¹ Начало предложения вписано над строкой.

в Выборг. После падения Гельсингфорса началось беспорядочное¹² отступление на западном фронте. Участились нападения белофиннов на ж.д. линию Выборг – Ленинград. Видно было, что эвакуация ценностей из Финляндии провалилась. Стала ясной предстоящая эвакуация остатков армии и раненых красноармейцев в Советскую Россию, эвакуация без средств. В 20 числах апреля, когда правительство дышало уже на ладан и не способно было из Финляндии перебросить средства на помощь эвакуации, в Москве и Ленинграде решено было при содействии В. И. Ленина изъять из всех банков в России все средства, оставленные на текущих счетах финляндским доянварским 1918 г. правительством (Свинхувуда).

Эта операция была закончена в Ленинграде 25 апреля, когда финляндское красное правительство уже¹³ оставило Выборг – свою последнюю резиденцию на территории Финляндии.

Переведенные на особый текущий счет Ивана Антоновича Павлова¹⁴ в Московское отделение Госбанка средства (с предоставлением права распоряжаться текущим счетом мне), были в течение последующих месяцев миллион за миллионом получены из банка и по постановлению ЦК переправлены на нужды партии в Швейцарию, Скандинавию, Германию или использованы на территории России для оказания помощи финляндским эмигрантам, раненым красноармейцам, их семьям и пр.

Получение денег из московского отделения Госбанка становилось все более и более затруднительным. Это было вызвано тем обстоятельством, что банковские чиновники были чуждыми нам людьми и ничего не должны были знать о происхождении и предназначении этих средств. Они знали лишь одно, что ингерманландский дворянин подписывает чеки и получает деньги. Но в те времена советским правительством устанавливались большие ограничения в индивидуальных выдачах средств из Госбанка даже на производственные и др. цели.

Лимиты для частных лиц снижались. Это вызвало некоторое сомнение у чиновников банка и затруднения в технике получения денег. Иногда и партийцы были нерешительными. Тогда мне приходилось прибегать к помощи В. И. Ленина. Благодаря особому характеру этих операций было условлено, что, в случае затруднений, я должен обратиться к В. И. Ленину, который, в свою очередь, даст личную директиву ответственному руководителю финансовых органов об устранении пре-

---

¹² Вписано над строкой.

¹³ Вписано над строкой.

¹⁴ Вписано над строкой.

Группа финских красногвардейцев. 1918 год (фото: РИА Новости)

пятствий. В.И. Ленин дал по данному вопросу указания в 1918–19 т. Ганецкому (Фюрстенбергу)¹⁵ и Куковскому (или Гуговскому – не помню)¹⁶, работавшим в 1918 г. в Наркомфине. Записка, имеющаяся у вас, была получена для представления т. Попову – одному из старых членов партии, работавшему в то время в аппарате Наркомфина и участвовавшему в работе правления Госбанка.

Без помощи В.И. Ленина, без этих мероприятий отступавшие из Финляндии красногвардейцы, беженцы, организованная в начале сентября 1918 г. ФКП оказались бы без крупных собственных средств.

Вяйнэ Пуккэ
Москва,
21/IV.1932 г.

РГАСПИ. Ф.347. Оп.1. Д.15. Л.40–43. Машинопись, пометы карандашом. Подпись – автограф.

¹⁵ Я. Ганецкий – Яков Станиславович Фюрстенберг (1879–1937), с дек. 1917 по октябрь 1918 помощник главного комиссара Народного Банка. Расстрелян.

¹⁶ Исидор Эммануилович Гуковский (1871–1921) в марте–августе 1918 г. зам. наркома по делам финансов.

Библиографический список

1. Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф.5. Оп.3. Д.224.
2. Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф.347. Оп.1. Д.15.
3. Армия и Флот. 1918. 18 января. №1(46).
4. Измозик В.С. Дело красных финнов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №4. С.69–82.
5. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.50. М., 1970.
6. Рахья Э. Мои встречи с Лениным // Новый мир. 1934. №1. С.24–39.
7. Россия и Финляндия: От противостояния к миру. 1917–1920. Сб. документов под ред. А.Н.Артизова. М.: НПК; РОССПЭН, 2017. 499 с.
8. Троцкий Л. Соч. Т.17. Ч.1. М. – Л.: Гос. изд-во, 1926. 748 с.

Наши авторы

Сафарян Левон Араикович

сотрудник Центра проблем Кавказа
и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России

Заиченко Ольга Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории международных отношений
Института всеобщей истории РАН

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН

Черникова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственной политики
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»,
г.Луганск, ЛНР/УКРАИНА

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и
российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Центра «История России
в XIX–начале XX в.», Институт российской истории
Российской академии наук

Зеленов Михаил Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист РГАСПИ

Our authors

Safarian Levon Araikpovich

Freelance analyst, Center for Caucasian Problems
and Regional Security, MGIMO University

Zaichenko Ol'ga Viktorovna

Ph.D. in History, Research Fellow at Center for the History
of international relations of the Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci. in History, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Chernikova Natal'a Vladimirovna

Ph.D. in History, Senior researcher, Institute of Russian History, the
Russian Academy of Sciences

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Associate Professor, Ph.D. in History,
Associate Professor at the Department of State Policy,
Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk,
Lugansk People's Republic / Ukraine

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in History, senior researcher,
Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences

Khailova Nina Borisovna

Ph.D. in History, Assistant Professor, Senior researcher
at the Center for History of Russia in XIX–early XXth Century”,
the Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Zelenov Mikhail Vladimirovich

D.Sci. in History, Professor, Head specialist,
the Russian State Archive of Socio-Political History

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киосках РОССПЭНа
по 2 адресам:**

- ул. Б. Дмитровка, д.15, тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19, тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2020.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 05.11.2020. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11¼ печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 150 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

5.2020 september-october

Geopolitics and International Policy Issues

Levon Safarian

“The frenzy of the brave”.

The History and Legacy of the Revolution of 1953–1959 __6

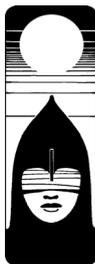

Labels and Myths

Ol'ga Zaichenko

German and Russian Cinema in Exile. Part II.

Cultural Transfer to the USA – Strangers in Hollywood __26

National Doctrine

Salavat Iskhakov

M.-E.Rasulzadeh as a Politician _____52

Pages of History

Natal'a Chernikova

Organs with “Universal Jurisdiction”.
State Council vs Committee
of Ministers _____ 76

Igor' Tatarinov

“We change boundaries too often”.
Clarification of Inter-Republican Borders
Between the RSFSR
and the Ukrainian SSR in 1926–28 ____ 96

Resources of Nation

Evgeniya Lupanova

“The mines ... have not yet been
discovered”. Navigational Instruments
of the Expedition of Lieutenant
A.P.Lazarev in 1819 _____ 116

Topical Archive

Nina Khailova

“If the goal is clear and the means are chosen
right, then to gain a victory only energy and
time are needed”. Centrist Liberals in the 3rd
and 4th State Duma _____ 130

Mikhail Zelenov

“To cover all traces ...”
One of the Aspects of Lenin's Military-
Political Project in March–April 1918 and
the Financial Side of the Formation of the
Finnish Communist Party _____ 164

РОССИЯ XXI